

Лев Горфункель

Серая мышка, которая всего боялась

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Г70

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Горфункель Лев

Г70

Серая мышка, которая всего боялась / Лев Горфункель. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 194 с. — ISBN 978-5-4485-3004-3

Это книга-исследование и книга-благодарность. Автор пытается отыскать источник той удивительной энергии и способности к преодолению, которые Анна Михайловна Горфункель продолжает демонстрировать и сегодня, в свои девяносто лет.

Читателю как будто предлагается подумать о мотивах «хочу» и «надо» на его собственном пути и оценить обе стороны медали.

Несмотря на серьезность темы, книга написана удивительно легким языком, с юмором и самоиронией, ставшими уже визитной карточкой этого автора.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-3004-3

© Лев Горфункель, 2017

Предисловие

Мне 56 лет, я давно уже живу далеко от мамы, вообще в другой стране, в Австралии, то есть даже на другой половине земли, и у меня полно забот, проблем и даже внуков, которые из всех моих проблем являются, пожалуй, наименьшей. Возможно, потому что я их почти не вижу, а может быть, потому что проблемы приносят только дети, особенно если их больше двух.

У моей мамы, например, трое детей, а до моего появления было двое. Из этого несложного уравнения понятно, что я в семье младший ребенок. Считается, что младшему ребенку живется лучше остальных детей в семье, поскольку, во-первых, у младшего больше привилегий, а во-вторых, он получает внимание от всех более старших членов семьи, которых для него тоже больше. Так-то оно, конечно, так, но не надо забывать, что «с другой стороны, тещи тоже три», — каждому ведь и неприятности прилетают от всех старших, и здесь их тоже больше. К тому же самый младший в семье ребенок обоснованно чувствует свою «вину»: у него нет младших братьев и сестер, наверное, он что-то сделал такое,

после чего родители решили вообще больше не заводить детей. Нет, на самом деле я это придумал — ни я и, думаю, никто другой так не думает, и вряд ли кому это вообще взбредет в голову. Но согласитесь, неплохой способ получить дополнительные ласки и уверения, что ты самый лучший: опустить глаза, сказать: «Мама, я, наверное, очень плохой, раз вы решили больше не заводить детей» — и получить целую порцию объятий и поцелуев с уверениями в любви и восхищении.

К чему я все это говорю? К тому, что так, может быть, и могло бы быть в какой-нибудь семье, но только не в нашей. В нашей семье не принято было нас, детей, хвалить. Я не помню вообще, чтобы родители меня хвалили. Возможно, в силу высокой требовательности наших родителей к нам мне не удалось совершить ничего, достойного их похвалы. А возможно, что я просто этого не помню, поскольку я вообще мало что помню из своего прошлого. Когда я однажды, совсем недавно, сказал маме, что я что-то не припомню, чтобы она меня в детстве хвалила, мама задумалась и через некоторое время сообщила мне, что это не так и сейчас она мне предъявит доказательства. Доказательством служила вырезка из газеты «Удмуртская правда», где были сфотографированы пять или шесть пионеров, отдающих салют на фоне флага, кажется, с Лениным, Марксом и Энгельсом. А может, Ленин в тот раз был один. Среди пионеров я узнал себя. Надпись гласила, что вот это пионеры лучшей пионерской дружины то ли школы, то ли района, а может даже города. Что меня удивило на этой фотографии — что я был

выше всех, чего быть в принципе не могло, потому что я всегда был самый маленький, и от этого я сразу вспомнил эти события. Я не помнил, почему позвали меня, ведь я не был ни отличником, ни примером в поведении. Но я вспомнил, как фотограф нас расставлял. Он долго переставлял нас с места на место, как кегли, и все не мог найти нужный вариант. А потом он так устал, что сообщил нам открыто, что вся проблема во мне, потому что я сильно отличаюсь от остальных «фигурантов» своим ростом. Это было правдой, я в то время в основном был всем по пояс или чуть выше. Мало того, для фотографирования выбрали, кажется, самых красивых девочек нашего класса, а они были еще и высокими. Так что все достойные пионеры были примерно одного — и большого — роста, которым они как бы подчеркивали высокие достижения дружины, и только я портил всю картину, напоминая своим ростом о ложке дегтя. Бедный фотограф в другой ситуации, наверное, просто попросил бы заменить статиста, но тут дети — дело тонкое, жалостливое. Поэтому он пошел по кривому пути измены принципам социалистического реализма и предложил мне встать на стул, а чтобы стула не было видно, я должен был встать на него позади первого ряда фотографирующихся. Так и получилась эта фотка: пять высоких пионеров и сзади — самый высокий я. Доказывая, что она меня все-таки хвалила, мама сообщила, что, когда вышла эта газета, она понесла ее в пединститут и там всем показывала. На это я возразил, что это она не меня хвалила, а хвалилась мной перед коллегами, что совсем не одно и то же. Вполне возможно, что

в детстве мне вообще было неважно, хвалили меня родители или нет. Подумаешь, великое достижение — заслужил похвалу родителей, вот тренер похвалил — это да, а родители — это так, для грудных детей. Вот так, точно. Так я, наверное, и думал вплоть до совсем недавнего времени, когда совершил свое удивительное открытие.

Года четыре назад я начал заниматься йогой. Моя жена притащила меня туда практически насильно под предлогом лечения спины. У меня действительно давно уже болела спина, причем боли начались безо всякой видимой причины, просто начались и не проходили. Никакие врачи помочь ничем не смогли, только радостно сообщали после каждого очередного снимка, что никаких повреждений нет и вообще нет никаких видимых причин для болей. Отлично, ребята, здорово. Но ведь спина-то продолжает болеть, и ваши уверения, что для этого нет причин, означают лишь, что вы не знаете, как мне помочь! Постоянная боль в спине — то еще испытание, кто через это прошел, знает. Вот тут моя жена и подсунула мне этот листочек из студии йоги, сказав, что надо попробовать, раз ничего другое не помогает, и что она тоже пойдет со мной, и я буду для нее дополнительным стимулом, а то сама она никак не может собраться начать. Это такая известная женская хитрость, на которую мы, мужчины, попадаемся постоянно, такие очередные грабли. Действительно, раз ты стимул — как же можно отказаться, вперед, так сказать, полезай в кузов. Короче, мы пошли на йогу. Занятие это оказалось

таким, как я себе и представлял: скучным и лишенным всякого содержания. Физическая нагрузка невысокая, лучше уж походить в тренажерный зал, поподнимать гантели, глядишь, может, мышцы какие вырастут. А тут что — только потеря времени. Да, многие позы оказались для меня сложными, ну так это просто с непривычки, а стоит ли тратить время на то, чтобы учиться стоять на одной ноге, когда у тебя их две... Но я продолжал стойко нести хитростью подsunутое мне знамя стимула. Месяца через два я вдруг вспомнил, что ведь у меня болела спина и что я даже не заметил, когда и как она прошла. К этому времени я уже достаточно бодро делал упражнения и принимал позы, хотя никогда не мог запомнить их названия. Мы походили еще год, а потом решили, что нечего тратить деньги, поскольку теперь мы можем сами заниматься дома, в интернете полно онлайн-уроков, да мы и запомнили немало. Так и продолжаем.

Так вот, возвращаюсь к своему открытию. Однажды я обнаружил, что, делая йогу, я мысленно разговариваю с мамой. И не просто разговариваю, а показываю ей, как здорово я делаю йогу, а она меня хвалит. Вообще, я часто в мыслях с кем-нибудь разговариваю. Мысленный собеседник очень удобен: внимательный слушатель, всегда под рукой и в любой момент можно выключить. Но я как-то не думал, что в его роли может оказаться мама. Потом я еще раз это заметил, и еще раз, и всегда я в это время делал йогу, и мама меня хвалила. А я не просто делал, а демонстрировал маме

эти упражнения и ожидал похвалы, как маленький ребенок.

Сделанное открытие меня удивило в первую очередь тем, что, как я уже сказал, я не припомню, чтобы я в детстве сильно искал одобрения родителей. Хотя, возможно, все равно ждал. Возможно, даже получал, но мало. Не хватило. И вот теперь стараюсь добрать, так сказать, полагавшееся, но неполученное.

Такое бывает сплошь и рядом. Лучший пример этого — моя тетя Наташа, мамина сестра. Она мне рассказывала, что в далеком детстве однажды она попросила родителей купить понравившееся ей платье в горошек. Но родители, будучи, во-первых, ограничены в деньгах, а во-вторых, вообще, людьми строгими и считавшими, что всякое «излишество и нескромность» вредит, не купили. А она очень хотела и очень просила. Не вышло. С тех пор как тетя Наташа выросла и стала самостоятельным человеком, у нее все было в горошек: занавески, скатерти, простыни. Детство никогда нас не оставляет, и это проявляется в совершенно неожиданных формах.

Так и я вдруг понял, что не хватило мне маминых одобрений. Это странно хотя бы потому, что все последние лет тридцать я только и слышу от мамы одобрения и похвалы в мой адрес. Впрочем, не только в мой — в нас всех, детей, внуков и уже правнуков. И не просто одобрения, а восхищения и благодарности самой высокой пробы! Мы, конечно, все люди неплохие, даже, наверное, хорошие, но уж не до такой степени, как это преподносит в своих похвалах мама. Похоже, ей и самой не хватило в свое

время восхищения своими детьми и она тоже добивает...

Вот так я объяснил себе тот странный факт, что я мысленно разговариваю с мамой и показываю ей, как я делаю йогу. Странные мы, люди. Все себе объясняем, легко находим толкование всему и сразу же верим, что мы вот такие крутые, раскусили весь этот мир. На самом деле эти мои «видения» были предвестником совершенно реального события, о котором скажу позднее, и даже подсказкой и помощью, которую я, как и большинство людей в таких случаях, даже не попытался увидеть. Впрочем, судьба добра ко всем, даже к таким самонадеянным субъектам. И когда эти события настанут, она снова предложит свою помощь, которую я так гордо не заметил.

Но это будет потом, а сейчас, легко объяснив себе происходящие мысленные разговоры с мамой, я стал задумываться о маминой жизни и пытаться себе представить, какой эта жизнь была. Лет пять назад я написал книгу¹ про отца и, пока писал ее, узнал, насколько же непростой была жизнь родителей.

Вообще, поколение наших родителей, то есть тех, кому сейчас за восемьдесят, жило очень тяжело: нищета нищих, раскулачивание кулаков, война, послевоенная разруха, нехватка жилья, транспорта и так далее и так далее. И все это на фоне страхов, голода и холода. Конечно, люди и при этих условиях умели радоваться, строить планы, любить. Но сами условия от этого лучше не становились, так что

¹ «Война, любовь и психология», книга издана в 2012 году Удмуртским государственным университетом.

жилось им гораздо труднее, чем нам и тем более нашим детям. Но это общие тяжести, общие для всех и не являющиеся выбором, — просто такие условия.

Мои же родители добавляли к этим условиям и свои препятствия, отчего их жизнь была еще сложнее. Причем вот эти добавленные сложности для них были разными: если отец во всем рвался вперед, преодолевая объективные, внешние, крупные такие стратегические трудности и игнорируя неизбежно появляющиеся в силу этого трудности обыденные, то мама шла за ним и вынуждена была бороться с этими обыденными, а потому многочисленными и вечными проблемами.

Все, кто знает маму, без сомнения отметили ее способность преодолевать препятствия, причем самого разного свойства — от профессиональных проблем до домашних забот. Но самым примечательным является то, что эта мамина способность не покидает ее до сих пор, а маме, между прочим, девяносто. Мама ведет активную жизнь, а такая жизнь время от времени приводит к каким-нибудь препятствиям. И пока еще ни одно из них маму не остановило — ни болезни (а у кого их нет в таком возрасте), ни чиновники, ни меняющиеся требования современной жизни. Например, информационные технологии. Мама никогда не была склонна к техническим новшествам и спокойно обходилась без них. Но с какого-то времени дети и внуки стали разъезжаться по разным городам и странам, и надо было как-то поддерживать с ними связь. Кроме того, мама писала воспоминания, и понятно было, что лучше делать это в электронном виде. Так что лет

примерно в семьдесят пять мама начала осваивать компьютер. Сначала она освоила текстовый редактор и смогла заносить туда свои воспоминания, благодаря чему их теперь можно прочитать из любого места, что я, например, периодически и делаю. Затем она занялась электронной почтой, и теперь вся семья регулярно переписывается, это примерно 30 человек в разных городах и странах, мы поздравляем друг друга с праздниками и обмениваемся информацией о значимых событиях в семье. Потом мама освоила скайп, и у нас появились еженедельные онлайн-встречи в составе «мама и дети», то есть мои две сестры и я, «мама и внуки» и «мама и правнуки», и для каждой «группы» у мамы своя программа, она сидит перед экраном со списком заранее продуманных вопросов для обсуждения. А потом мама освоила работу в интернете и теперь уже самостоятельно отыскивает там любую необходимую информацию. К своему девяностолетию она подошла, отлично владея этими современными технологиями. Размеры задач никогда не останавливали маму, она всегда смело бралась за них и всегда справлялась.

Звучит хорошо и правдиво, но как-то не очень вяжется с мамой в моем представлении, я ее знаю совсем не такой, совсем не таким нестигаемым монстром, а, наоборот, легкоранимой, глубоко сопереживающей всем и, как мне казалось, не такой уж и бесстрашной. Мои впечатления подкреплялись и самой мамой, говорившей, что она с детства была очень пугливой, нерешительной и вообще всего боялась.

Как же это так получается, что не очень решительный человек решительно берется за все самые сложные задачи да еще и решает их?

Наверное, люди, которые знают маму много лет, а это в основном ее коллеги и ученики, сказали бы, что вот такая сильная личность. Да, конечно. Но сильные личности бывают разные. Как и смелые. Бывают те, кто не боятся идти навстречу опасностям, а бывают те, кто боятся, но все равно идут.

Был такой анекдот или байка: в окопе оказались генерал и солдат, им предстоит принять неравный бой, хотя могли бы убежать. Солдата аж трясет от страха. Генерал смотрит на него снисходительно и говорит:

— Что, солдат, страшно тебе?

— Да, страшно.

Генерал:

— Вот потому ты и солдат. А я генерал — мне не страшно.

— Да, — говорит солдат, — но, возможно, если бы тебе было так же страшно, как мне сейчас, ты бы уже убежал.

Сама мама про себя говорит, что всегда была «серой мышкой и всего боялась». А я всегда в такие минуты говорю маме, чтобы она не кокетничала, ведь то, какой люди ее знают, никак не соответствует такому определению. Но на самом деле я маме поверил и решил, что так оно и было. Я решил, что сначала мама всего боялась, но все равно шла и делала. А потом этот шаблон — «боюсь, но надо, поэтому иду и делаю» — стал ее путеводителем, образом жизни, из которого постепенно — за ненадобностью —

исчезло «боюсь», а оставшееся «НАДО, иду и делаю» стало привычным руководством.

Я неслучайно выделил слово «НАДО». Во-первых, это слово приобрело у меня стойкую ассоциацию с мамой, я это помню с детства. Видимо, оно применялось часто, возможно, в разных формах, но суть от этого не менялась. Во-вторых, читая разные материалы из нашего архива, я практически визуально себе представлял вот это вот «НАДО», стоящее рядом с мамой в самые сложные моменты ее жизни, не только подталкивающее ее к необходимым решительным действиям, но и поддерживающее на всем пути, не дававшее расслабиться и опустить руки. Оно помогало ей всегда. Оно было ее девизом, путеводителем, рычагом, опорой — всем, что дает человеку силы решиться на то, что пугает и кажется невозможным. Это «НАДО» никогда ее не оставляло, шло с ней по жизни, стало ее частью и в конце концов — о, эта неизбежная ироничная спиралеобразная логика жизни — само поставило перед мамой, пожалуй, самую трудную задачу, о чем тоже, конечно, расскажу.

А пока я задумался: а когда, в какой момент и по какой причине появилось это «НАДО» рядом с мамой, сделав ее из этой самой «мышки, которая всего боялась» личностью, способной на любые преодоления? Как происходят такие изменения вообще? Мне захотелось это узнать. Возможно, чтобы как-то применить это к своим детям и сделать их чуть более способными к преодолению трудностей. А может, я и сам чувствовал нехватку таких способностей

и надеялся открыть этот путь для себя. И я стал более внимательно перечитывать мамины воспоминания в поисках ответа на этот вопрос. Мне кажется, я нашел его. И решил написать об этом. В первую очередь чтобы рассказать об этом самой маме. А также всем ее внукам, правнукам и другим потомкам, настоящим и будущим, и вообще всем, кому интересно. Ведь каждый когда-то оказывается перед стеной, которую, кажется, невозможно преодолеть, а надо.

Как и в прошлый раз¹, я не буду ничего рассказывать о маминой профессиональной деятельности. Мамина работа, успехи, уважение коллег и студентов, их незабываемый профессиональный и семейный союз с замечательным человеком, моим отцом, — все это известно многим людям и не раз описано в многочисленных статьях о родителях. Я же буду рассказывать о том, что помню сам, и о том, что услышал от самой мамы и прочитал в ее воспоминаниях.

¹ Имеется в виду упомянутая уже книга про отца.

Детство

Мама родилась в городе Гжатске Смоленской области 17 марта 1927 года. Ее отец — Михаил Лазаревич Витал — умер от менингита, когда маме было всего три месяца. Мама была первым ребенком, он очень радовался ей и с удовольствием проводил с ней все свободное время, нося ее на руках. Он был бухгалтером, профессионалом высокого класса, несмотря на молодость. Бабушкин папа, дед Василий, работал вместе с ним, хорошо его знал и уважал за его высокие интеллектуальные способности. Когда в доме только заговорили об их (Михаила и маминой будущей мамы) возможной свадьбе, дед Василий говорил, что вряд ли Михаил захочет жениться на Катьке (так звали потенциальную невесту, мою будущую бабушку Екатерину Васильевну Виноградову), «он ведь из одного ума состоит». Не знаю, что он имел в виду и почему наличие ума жениха должно было стать препятствием к свадьбе, невеста тоже была далеко не дура, к тому же его дочь. Вполне возможно, что дед Василий сам был не очень счастлив в браке и просто предполагал, что умный человек вообще не станет жениться, —

мысль, как известно, не новая, изложенная многократно в разных формах, апогеем которых для нас стала песня со словами «если б я был султан — был бы холостой». Но тогда «Кавказской пленницы» еще не было, поэтому дед Василий для иллюстрации мысли использовал попавшихся под руку молодоженов. Но это только одна из многочисленных возможных версий. В любом случае свадьба состоялась, в результате чего на свет и появилась моя мама. Как я уже сказал, ее отец Михаил Витал был бухгалтером высокого класса, а в те времена бухгалтер был не только «учетчиком», но и — самое главное — ревизором, человеком, проверяющим хозяйственную деятельность других людей, которым было вверено какое-нибудь государственное — а другого тогда не было — имущество. Сочетание ума, профессионализма и высокой порядочности привело к тому, что именно его старались посылать на разные предприятия и в колхозы с проверками, так что ему приходилось много передвигаться по району и области, очень часто просто пешком. Однажды, возвращаясь из очередной такой пешей командировки, Михаил решил отдохнуть, прилег прямо в лесу, через который шел, и уснул. От долгого лежания на земле или, возможно, от ветра он заболел. Когда он пришел домой, вскоре почувствовал себя плохо, болезнь стала развиваться быстро. Его срочно повезли в Москву, где жила его сестра Ольга, но было поздно, его спасти не смогли. Когда я узнал эти подробности, я представил себе, как он, ложась в лесу отдохнуть, засыпая, думал, что вот скоро придет домой, будет опять проводить время

с дочкой и как все здорово, и как много времени у них впереди...

После смерти мужа бабушка с дочкой переехала к своим родителям, которые считали, что она уже больше замуж не выйдет, ведь ее умерший муж был еврей, да еще с ребенком. Но они ошиблись: за бабушкой стал ухаживать самый видный «парень на деревне» — учитель Алексей Орлов, очень уважаемый в городе человек, мечта многих девушек, надежда и опора своих родителей. Так что, когда он пришел свататься, мама бабушки требовала от нее немедленного согласия, а папа бабушки — уже знакомый нам дед Василий — на согласии не настаивал в первую очередь потому, что он все еще помнил умершего бабушкиного мужа, которого, как я уже сказал, он очень уважал. Кстати, дед Василий тоже был бухгалтером высочайшего класса и вообще очень хорошим, добрым человеком. Мама очень любила этого своего дедушку, и, когда он заболел и уже лежал и не мог говорить (у него был рак горла), мама — ей было три или четыре года — оказалась единственной в семье, кто каким-то чудом мог догадываться, что ему надо, и поэтому все время была около него. Когда его хоронили, мама очень сильно плакала, няня долго держала ее на руках. Сама мама вспоминает эти события как первое серьезное испытание в жизни.

Другим серьезным испытанием детства мама считает историю с коровой. Было начало тридцатых годов, время расцвета коммунистического способа ведения сельского хозяйства — кулаков раскулачить, всех коров отобрать и отдать в колхозы для эффек-

тивного управления. Первую часть выполнили успешно, а потом коровы в колхозах закончились, остались только в личных хозяйствах, у тех, кто не надеялся на колхозы. А есть хотелось всем. Поэтому коммунистическая партия в лучших своих традициях решила оставшихся коров опять поделить поровну, при этом геройски начать с себя. Было принято постановление, что в хозяйстве члена партии не должно было быть больше одной коровы. То есть такая простая математика — в семье может быть два: либо две коровы, но тогда ни одного члена партии, либо один член партии и одна корова. Уж и не знаю, что было в семьях с двумя членами партии, надеюсь, от них не потребовали производить молоко самостоятельно. В маминой семье коровы вообще не было, но зато был член партии — ее новый папа. И жили они с мамой бабушки — тогда уже вдовой деда Василия Анной Павловной. А у нее была корова. И у родителей маминого нового отца, коммуниста, тоже была корова. Родители жили отдельно, но коровы считались общими для семей родственников. Поэтому дедушка, член партии, должен был отдать одну корову, и, как настоящий коммунист, он считал, что надо отдать корову из той семьи, где живет он сам. В то время корова давала, наверное, половину всего витаминного рациона, и лишиться ее — значит существенно снизить свой и без того низкий уровень жизни. Услышав об этом, Анна Павловна пришла в ярость. Она ни в какую не хотела отдавать корову, устраивала скандалы, плакала и рвала на себе волосы, пытаясь таким образом повлиять на свою дочь, чтобы та, в свою очередь, угомонила своего мужа-

коммуниста. Еще недавно настаивавшая на их женитьбе, теперешняя Анна Павловна ежедневно раздражалась истериками и причитаниями, среди которых неизменно присутствовало «мы врага пустили в свою семью». Все это продолжалось довольно долгое время и осталось в маминой памяти очень тяжелым воспоминанием. Внесла Анна Павловна свою лепту. Видимо, были у деда Василия основания...

Кроме испытаний, начавшихся в раннем детстве и никогда потом не покидающих маму, она рано познакомилась со страхом. Таких страхов у нее было несколько, и исходили они в основном от няни, которая, не справляясь с детьми и, конечно, не ведая, что воспитывает будущего профессора педагогики и психологии, прибегала к простому народному средству убеждения — запугиванию. Пугала она всем, что «попадалось под руку»: и Бабой-ягой, и Кощеем, и сверчком, и волком, и богом. Такая вот компания. Прямо и не знаю, как туда затесался сверчок. А еще кукушкой. Мамина няня любила спрашивать кукушку, сколько кому лет осталось жить, и мама очень боялась, что ее маме, моей бабушке, кукушка не накукует достаточно. При этом и сама «кукуемая» бабушка любила подпевать: «Мама, ты спишь, а тебя одевают в белый, совсем незнакомый наряд...», окончательно вгоняя свою дочь в слезы, а заботливая няня в это же время просила маму не плакать и «поберечь глаза». Согласитесь, в таком водовороте трудно удержать равновесие. Мама до сих пор помнит эти страхи, а отсутствие слез сегодня связывает и с этими событиями тоже.

Еще из маминых детских страхов — иконы. Няня периодически брала маму в церковь. Вообще, маму окрестили в возрасте трех лет втайне от ее папы — члена партии. Конечно, его согласие на это дело вряд ли могло бы быть получено, ведь партия бога не признавала вообще, а дедушка был настоящим, преданным и политически подкованным коммунистом. Я сам лично помню из своего детства, как он сидел летом на веранде и читал газету (наверное, «Правда») с двумя карандашами — синим и красным — в руках, подчеркивая, видимо, наиболее важные места. Я не разбирался в подробностях: что он подчеркивал красным, а что синим и каковы были последствия, но сам подход! Так что никаких шансов на крещение, стань о нем известно дедушке, не было. Теперь-то, конечно, все изменилось, и нынешнее поколение партийных и государственных идеологов отчаянно крестится по команде, поглядывая на «старшего» и стараясь не забежать вперед и не отстать, полагая, видимо, что этот процесс из той же серии, что и марш в колонне. При этом у них такие же лица, как в новостных передачах с их заседаний в правительстве, — сосредоточенные, нахмурившиеся, вспотевшие от напряжения и старательности. Никак не смахивает на счастье разговора с богом. Дедушка с его карандашами был гораздо убедительнее. Так вот, няня водила маму в церковь. Наверняка предполагалось при этом, что поход в церковь является желанным событием. На самом же деле все было не так: мама ужасно боялась мрачной обстановки церкви, в особенности икон со святыми, и эти страхи тоже остались с ней

до сих пор. Правда, все было не так плохо: от этих страхов мама начинала отчаянно молиться, это старание не оставалось без внимания и воспринималось как усердие и послушание, за что маме первой подавали ложку с причастием, а это уже был положительный момент, который маме нравился и тоже запомнился.

Кто знает, может быть, именно эти упражнения воспитали в маме одно из важнейших, на мой взгляд, ее качеств — умение в любых ситуациях находить положительные стороны и сосредотачиваться на них.

Новый муж бабушки хотел маму удочерить, но родственники ее отца упростили оставить ее с отцовской фамилией. Так мама и осталась до замужества Витал Анной Михайловной. Маму любили все: и родственники ее настоящего отца, и родственники ее нового отца. И мама поддерживала отношения с ними всеми. Особенно ей нравился Юра — племянник ее настоящего отца, он много играл с ней, заботился о ней и вообще впоследствии стал идеалом мужчины, именно таким мама уже тогда представляла себе своего принца на белом коне. Они сохранили отношения на всю жизнь, и, когда я студентом приехал на научную конференцию в Латвию, познакомился с дядей Юрой и его женой, они там жили. Замечательные, по-настоящему родные люди.

Вскоре у бабушки с новым мужем родилась еще одна дочка — Наташа, сестра мамы.

Мама вспоминала, что в детстве она (мама) была плаксой, часто плакала *«и уходила из дома, даже в темноту (хотя очень ее боялась), на скамеечку*

соседнего дома, а папа приходил уговаривать меня простить обидчика (это, как правило, была сестра) и вернуться»¹. Вот такая вот была ее сестра Наташа, которая обижала ее, напоминая ей, что она, мама, «неродная» (за что ей попадало от отца нещадно), и которая впоследствии стала маме самой близкой подругой на всю жизнь. Мама рассказывала, что Наташа была смелее ее, даже критиковала своих родителей, упрекая их в том, что они, по ее мнению, чего-то там недодают, то ли игрушек, то ли платьев, а она, мама, всегда была трусихой и довольствовалась тем, что есть.

Мамины родители воспитывали своих детей в строгости и скромности, под девизом «„Я“ — последняя буква в алфавите». Девиз, кстати, оказался очень даже живучим — я отлично помню, как нам в школе некоторые учителя именно с помощью этого девиза объясняли наше место в этой жизни. Мамины родители всегда ставили на первое место работу и общество, а личное — всегда на потом. При этом не баловать детей было для них таким же естественным выбором. Я уже рассказал про любовь тети Наташи ко всему в горошек. Другим примером такого подхода может быть, например, история с куклами, которых дедушка привез своим дочерям из Москвы. **«Это были настоящие большие куклы с закрывающимися глазами! Нам разрешали играть с ними только по праздникам»**. Неприятное чувство посетило меня после прочтения этих строк.

¹Здесь и далее — таким шрифтом выделены цитаты. Если автор не указан прямо, то это отрывки из маминих воспоминаний.

«Вот что за родители — ну, купили детям куклы, так дайте им наиграться, радости лишней не бывает, почему надо ограничивать „только по праздникам“?!» — справедливо негодовал я про себя. Но тут же вспомнил, что как раз недавно мы купили младшему сыну его мечту — такой компьютер, который позволяет играть в какие-то там хорошие игры. И тут же определили ему — только по субботам и воскресеньям. Нет, конечно, это мы из благих побуждений, ведь в будние дни надо учиться и вообще не перебарщивать с этими компьютерами, все хорошо в меру... Эх, так и ходим поколениями по одному и тому же кругу.

По воспоминаниям мамы, она сама себе в детстве не нравилась: *«...белобрысая, курносый нос, на нем веснушки, лицо круглое (а не продолговатое, оно — идеал!), ростом меньше большинства ровесников. И когда в детстве окружающие говорили маме или няне, что я очень симпатичная девочка, я удивлялась, не верила, считала, что это насмешка или просто неправда — для успокоения»*. Это, видимо, то, что мама назвала «серая мышка».

Тут я с мамой категорически не согласен, когда смотрю на ее фото в молодости, то вижу, что она была очень привлекательной девушкой. Думаю, мамино недовольство собой было субъективным: зашкаливавшая скромность, воспитанная в ней родителями, просто лишила ее возможности радоваться себе — какой бы она ни была. Такое воспитание было в духе того времени, да я и в своем детстве это еще помню, просто не всем родителям удавалось это вбить в голову детей так крепко. Но мамин-

ны родители были способные воспитатели — они смогли, в первую очередь своим собственным примером. Бабушка (мамина мама) всегда ставила профессиональную и общественную работу выше личных и семейных вопросов, включая детей.

В школе мама училась на отлично и всегда получала грамоты. Любила общественную работу, участвовала в художественной самодеятельности. С удивлением я узнал из маминых воспоминаний, что она, оказывается, еще и училась музыке, но бросила. Я уже знал к этому времени, что у отца в детстве обнаружили абсолютный музыкальный слух и хотели учить игре на скрипке, но он тоже не захотел. Удивило все это меня потому, что мои родители впоследствии отдали меня в музыкальную школу и три года (!) заставляли меня туда ходить. Я тоже впоследствии бросил и теперь знаю, что это наследственное.

Во второй половине тридцатых годов в городе начались аресты, арестовали маминого дядю — отца Юры — Соломона Львовича. Дядя Соломон был лучшим врачом в городе, его знали и уважали все жители, но это его, конечно, не спасло. Об аресте рассказала няня Юры, Дуняша, она прибежала в дом маминых родителей и рассказала, как это было: грубо и страшно. В городе поселился страх, и его мама впоследствии вспоминала как одно из самых тяжелых испытаний в ее жизни. Дядя Соломон отсидел почти десять лет, вернулся совершенно больной, неузнаваемый. «Ничего не осталось от уверенного, веселого, остроумного папы», — писал дядя Юра. Так начались потери, которые продолжались и дальше: позднее в Бабьем Яру фаши-

стами были расстреляны мамыны тети — Рахиль и Фира.

В тридцать девятом году семья переехала на Дальний Восток. Официальной версией такого переезда было то, что дедушка Алеша (мамин новый отец) решил откликнуться на призыв партии и поехать укреплять Дальний восток. И только в семидесятых годах мамин брат Виктор (он родился позднее описываемых событий) рассказал, что он знает от отца, что реальной причиной было уехать подальше от наполненного страхом города.

Сейчас, оценивая все эти события, я думаю, какой же дедушка Алеша молодец, что совершил этот шаг. Я представляю, как это было непросто: оставить все и поехать в неизвестность, да еще с двумя детьми и беременной женой (бабушка ждала третьего ребенка — им как раз и был Виктор), в такую даль. Он всю семью спас не только от жизни в страхе, но и от смерти — когда в Гжатск пришли фашисты, они убили мамино дядю (другие родственники успели уехать) и сожгли дом.

На Дальнем Востоке дедушку сразу назначили директором школы. **«Квартиру дали прямо в здании школы (такой был порядок), зато впервые в нашей жизни — вода и туалет не на улице!»** Современной молодежи-то никак уже не представить радость от туалета не во дворе, они же не понимают, что такое туалет на улице, да еще зимой. Ну, попытаюсь помочь: представьте, что вы выехали на природу, а вайфай берет только в лесу, где полно комаров.

Шла борьба с неграмотностью, и маму прикрепили к двум прачкам, которых она прямо там,

в прачечной, учила читать и писать. В пятом классе маму наградили путевкой в пионерский лагерь, из которого она сбежала через три дня, как она сама объясняла, она **«ужасно домашняя, тоска заела, ночью спать не могла»**. Родители возмутились тем, что мама вернулась, но спасла сестра Наташа — поехала вместо нее, так что путевка не пропала. Как позднее написала мама: **«Всю жизнь она проявляла мобильность, поэтому узнала мир, а я „клуша“ и раб привычек»**. Тетя Наташа действительно узнала мир в полном смысле этого слова — она впоследствии вышла замуж за дядю Франтишка, гражданина Чехословакии, и уехала жить в Прагу, ее муж был геологом, ездил по всему миру и возил с собой семью. Я расскажу об этом дальше, не так все это было просто в те времена.

Там же, во Владивостоке, мама вступила в комсомол. Она до сих пор помнит, как, возвращаясь домой с билетом, боялась, что его отнимут, и поэтому шла посередине улицы, зажав его в ладонях. Кто конкретно мог отнять билет — идеологический враг или завистник, пытающийся проникнуть в комсомол, я не знаю. Но в который раз восхищаюсь этим поколением — насколько же у них все было по-настоящему! Кто сегодня так искренне верит в каждый свой шаг?

К этому времени уже родился мамин брат, Витя. У него было плохое здоровье, нужно было хорошее питание, молоко. Всего этого во Владивостоке не было, вернуться было нельзя, шла война. И тут дедушка опять совершил смелый шаг — перевелся в рыбацкий поселок под названием Тафуин там же, на Дальнем Востоке. В Тафуине было более развито

частное сельское хозяйство, можно было найти молоко, сметану и другие нужные продукты, в первую очередь рыбу. Рыбу ловили в море прямо ведрами, вялили на чердаке. *«Рыба и рыбный запах пронизывали все: воздух, землю (удобряли ее рыбными отходами), все овощи, мясо (кормили животных рыбной едой). До сих пор у меня двойственное отношение к рыбе: спасла нас в войну, польза несомненная... Но запах до сих пор отталкивает».*

Большие трудности были с водой. *«За питьевой водой (из чистого колодца) были большие очереди из ведер. Мы с сестрой по дороге в школу ставили свое ведро, на одной из перемен выбегали (по очереди), чтобы подвинуть... а после уроков бежали домой переодеться и идти за водой — нам полагалось четыре ведра на семью. Но их сначала надо было набрать: в колодце был родник, между камней вода сочилась понемногу, доставали консервной банкой на один литр, привязанной к веревке длиной в четыре метра, то есть чтобы набрать четыре ведра, надо было черпать тридцать шесть раз! И нести до дома около пятисот метров в гору (местность там неравнинная), в общем, на добычу питья у нас уходило не менее двух-трех часов, еще нужно было принести четыре ведра для хозяйственных нужд из другого колодца, где много воды болотистой, это еще в километре от дома. Дрова тоже требовали немалых усилий и времени, топили печи углем, но для разжигания их нужны дрова, примерно два килограмма ежедневно. Леса нет, а лишь кустарники высотой в два метра*

в шести-восьми километрах от нашего поселка. Я, как старшая, ходила с группой одноклассников один раз в неделю. Это приятно — веселое общение, но и тяжело — несли вязанки на плечах по девять-десять килограмм. А как тяжело было со стиркой — руками на доске большое постельное белье, воду экономить, гладили тяжелым утюгом, который нагревали углями! Но все надо было успевать, преодолевать».

Я всегда восхищался этой маминой способностью к преодолению, которую она постоянно демонстрировала — и продолжает демонстрировать — в силу различных обстоятельств. Я даже сначала хотел и книгу так назвать — «Любовь и преодоление». Видимо, эта способность начала развиваться как раз во времена описываемых событий. Представляю, как же все это было тяжело. Возможно, маме было бы легче, если бы она тогда знала, какие еще испытания ей предстоят впереди, кто знает... Так дедушка, мамин отец, в трудные минуты говорил ей: «Держись, дальше будет хуже». Дальше действительно было хуже, еще как хуже: началась война.

Война

«О войне я услышала, когда мы с няней отдыхали у дяди на пограничной заставе. Дом в лесу, море тюльпанов, сами росли на полянах! Много лесных ягод, грибов — раздолье, красота! Мы в клубе — спектакль, полный зал. Вдруг закрывается занавес, выходит дядя — он был начальником заставы — и объявляет, что началась война! Все быстро расходится. Дома, помню, дядя вручил своей жене пистолет, показывал, как стрелять. И уехал на заставу. Она — в панике. Первый страх у меня был за родителей — как же они? Как мы без них, а они без нас?»

От сильного нервного потрясения у мамы начались резкие боли в желудке, ей было очень плохо, тошнило, ее бросало то в жар, то в холод. Этот сильнейший нервный стресс продолжался очень долго и оставил свой след на всю мамину жизнь. С того самого раза (и до сих пор, вот уже почти восемьдесят лет!), что бы ни случилось со здоровьем, желудок дает о себе знать первым, напоминая о себе и о том далеком времени.

Во время войны проявились и наверняка укрепились мамины упорство и способность длительное

время выполнять тяжелую работу, потому что НАДО. Эта мамина способность впоследствии не раз окажется решающей в преодолении хоть уже не военных, но все равно очень сложных проблем и задач в повседневной жизни.

Конечно, все хотели принести как можно больше помощи стране. Первым порывом у маминых одноклассников, и у нее тоже, было отправиться на фронт. В ответ военрук школы снисходительно улыбался и предлагал всем для начала поползть попластунски по лужам. На фронт никого, конечно, не отправили. Тогда все эти школьники принялись помогать своим трудом. Это была целая эпоха трудового подвига — иначе и не назовешь. Когда я читаю мамины воспоминания о том, как они работали, чтобы помочь фронту (а еще ведь и учились!), я даже представить себе не могу нынешних ее ровесников в этой роли. Хотя, конечно, если бы началась война, кто знает... Но лучше пусть не начнется.

Мама была в шестом классе, а на реальную работу для фронта (в колхоз, помогать убирать урожай) отправляли начиная с девятого класса. ***«Несколько дней со слезами умоляла отца (как директора) разрешить мне поехать тоже. Обещала, что не подведу, не заболею и буду работать наравне со всеми. Получила добро!»***

Вот, думаю, если бы мои младшие дети, которым сегодня тринадцать и шестнадцать лет, попросились бы на работу в колхоз или что там сейчас в деревне есть, меня бы не надо было уговаривать. Но такое чудо вряд ли случится.

«Сдержала слово: тоже выполняла по 1,25 трудодня (окучивали картофель, пололи морковь и свеклу, от этого были кровавые мозоли!), как и все, носила на коромысле воду (в ведрах по 12 литров каждое) через всю деревню ежедневно после 8 часов работы в поле, из-за этого натирала до крови кожу на шее... Но вернулись мы гордые: благодарность в адрес школы, и каждому — заработанные овощи и банку меда!»

Все военные годы были наполнены постоянным трудом для фронта. *«Каждый апрель — май ловили мойву для консервирования. В эти месяцы она шла косяками к берегу метать икру — ночью! Надо было успеть наловить ее как можно больше. Мы ловили ведрами! Бегом относили их в ямы, вырытые нами заранее в песке на берегу. А утром приезжали рабочие, грузили рыбу на машину. Мы уходили в школу, захватив по ведру рыбы для семьи. На уроках нередко засыпали...»*

Одним из самых длительных, самых тяжелых и самых запомнившихся эпизодов стало спасение консервов. Мама подробно описала эту историю в своих воспоминаниях.

«1942—1944 годы, я — школьница (8—10 класс). Живу в рыбацком поселке на берегу Японского моря, на полуострове Тафуин. Центр поселка — завод, где создают продукцию из рыбы и крабов, которые добывают рыбаки на сейнерах (небольшие суда с мощным мотором, палубой, трюмом). Большими сетями — неводами ловят за один раз до 50 кг рыбы и привозят на завод до 500 кг. Во время войны работа шла почти круглосуточно:

«Все для фронта, все для победы». Рыба — очень полезный продукт для каждого человека, тем более в условиях войны: банка рыбных консервов с хлебом — это быстро, питательно и вкусно. Об этом писали бойцы с фронта и благодарили наш завод и людей. И вдруг возвращается — как брак — целый вагон консервов, выработанных на нашем заводе! Такого никогда не бывало!

Оказывается, этот вагон попал под дождь, простоял в течение нескольких дней, и большинство банок покрылись ржавчиной, значит, могут быть опасными для еды! Это тысячи штук! Питание для тысяч наших бойцов-защитников! И это огромный урон для завода — напрасный труд многих людей, гибель ценных продуктов (в войну дорогá была каждая крошка хлеба — ничего не выбрасывалось, все время хотелось есть). Да еще и падение престижа завода, который всегда был среди передовых!

На уме у всех взрослых, не только у руководителей, была одна мысль: спасти консервы! Но как? Поняли, что можно бы очистить от ржавчины, но это очень кропотливое, требующее большой тщательности дело. Рабочих рук на заводе и так не хватает для своевременной обработки и консервирования ежедневного улова, а на этой работе денег не заработаешь, да и не с чего платить...

Отец был директором школы, и он решил обратиться к комсомольцам и старшим пионерам. На другой день в школе состоялась торжественная линейка: все ребята седьмых — десятых классов выстроились в коридоре (он заменял и фойе, и зал), как обычно, со знаменем. Выслушали директора,

парторга, комсорга школы (это была я) и старшую пионервожатую (моя подруга). Как же мы обрадовались этой просьбе! Уже там дружно кричали «Поможем!». Но надо было все продумать, организовать, распределить во времени, разбить на группы... Надо было работать ночами, чтобы не мешать рабочим, достаточного свободного места не было.

Первая бригада школьников вышла в первую же ночь (мы с подругой и еще восемь десятиклассников). Нас посадили на ящики в холодном помещении вокруг большого таза, наполненного солидолом (такая густая клейкая мазь грязно-зелено-коричневого цвета, неприятная, трудно смываемая). Оттирая на каждой банке ржавчину наждачной бумагой, не пропуская ни одного коричневого пятнышка, мы тщательно смазывали ее этой мазью — для предохранения. С энтузиазмом и большим старанием мы принялись за работу... Хватило нас на четыре часа, и сделали мы значительно меньше, чем хотелось. Но лиха беда начало!

В последующем разбились на бригады — по классам, по желанию, по семейным возможностям. Уставали предельно, болели руки, едкая мазь проникала под кожу, даже возникали язвочки (перчаток не было!), уставала до боли спина, нередко замерзали (неотапливаемое помещение — склад, морозильников не было), но не простуживались (в войну такого заболевания, как правило, не наблюдалось!). Некоторые ребята время от времени выбывали, но большинство держалось всю зиму! Выходили по две бригады (каждая

по 8—10 человек) в течение ночи по очереди. И получалось — каждый работал по четыре часа через ночь.

Конечно, было нелегко: одна смена с десяти вечера до двух ночи, другая — с двух до шести утра, когда организм, тем более молодой, требует сна. Были и пропуски, и опоздания, поэтому и обсуждали, и прощали. А нам с подружкой приходилось работать намного чаще — мы ответственные за всех! Но работа шла каждую ночь с ноября до марта. Втянулись! И каждый раз очищали и смазывали все большие банок! Сначала казалось, что не будет конца... Но все больше становилось ящиков, готовых к отправке на фронт! Потом к нам еще присоединились жители поселка — домохозяйки. И некоторые рабочие задерживались на часок-другой — понимали, как все это значимо!

Самым трудным было для нас, ребят, — борьба со сном! Некоторые даже сваливались со своего ящика, двое, помню, даже попали в таз с мазью — и смех и грех, все вмиг проснулись и бодро трудились до утра! Но отмываться дома было очень нелегко: с мылом и горячей водой было ох как трудно! Поэтому было спецзадание каждому (поочередно) готовиться, чтобы всем петь любимые песни, рассказывать что-то веселое, повторять вслух уроки, — помогало!

Во время уроков в школе после ночной работы ужасно хотелось спать, глаза закрывались сами. А в перемены (10 мин) мы не резвились, а спали на своей парте. Даже не слышали звонка на урок и прихода учителя! И так продолжалось каждый

день и всю зиму. Учителя страдали не меньше нас: учить полусонных детей почти бесполезно, но и запретить им помогать заводу и фронту невозможно! И получалось так, что сердились мы друг на друга. И переживали тоже взаимно... Дни и ночи пролетали, ржавые банки все заметнее убывали, и к концу зимы мы победили!

На торжественном сборе по этому случаю парторг завода сообщил, что благодаря комсомольцам и пионерам не менее 80% спасенных консервов отправляются на Западный фронт! Как же нас благодарили! Как нам аплодировали и на заводе, и в школе, и дома. А руководство завода распорядилось наградить каждого двумя банками консервов, которые уже не очистит (они годятся для еды, но не для сохранения на несколько дней), и по буханке хлеба! Это были очень ценные подарки — дома мы накормили свою семью!

А в конце учебного года мы успешно сдали экзамены (раньше их сдавали в школе каждый год), чем удивили и обрадовали учителей».

Эту историю мама описала в своих воспоминаниях отдельным рассказом, предназначенным для внуков и правнуков. Родителям этих детей (то есть нам, маминым детям и взрослым внукам) предписывалось прочитать им этот рассказ и задать вопросы-задания: 1) придумать название; 2) было ли интересно и почему; 3) какие появились вопросы к бабушке. Мама хотя и пенсионер, но продолжает стойко нести звание преподавателя и психолога. Она ничего не рассказывает просто так. Любой рассказ сопровождается заданиями или, на худой

конец, вопросами, призванными проверить, насколько внимательным был слушатель и что он усвоил из услышанного. Я помню, однажды на свадьбе моей дочери Ани мама произносила тост, который начался словами: «Я бабушка невесты, меня зовут Анна Михайловна», и дальше была, как всегда это бывает у мамы, интересная и содержательная речь, включавшая, в том числе, и раздел, посвященный трем коням, который в последнее время стал практически обязательным для изучения внуками и правнуками, я потом, может быть, расскажу. Так вот, завершила свой тост мама не словами типа «Горько!» или «Выпьем за здоровье молодых!», а своей коронной фразой: «А теперь вопрос...»

Так что после прочтения рассказа о маминой работе в тылу войны дети должны были ответить на поставленные вопросы. Мамин правнук Давид (шесть лет, сын моего старшего сына Максима) выполнил задание, присвоив рассказу название «Война, школа, консервы и рыба», а также сообщил, что ему было интересно и что он бы послушал еще раз, а вопросов у него нет. Мой средний сын Марк (шестнадцать лет) назвал рассказ «Консервная банка», сказал, что ему было интересно, потому что подробно и много деталей, и что вопросов у него тоже нет. А мой младший сын Павлик (тринадцать лет), которому рассказ понравился тем, что это реальные события, задался вопросом: «Почему все девочки хотели на фронт, если знали, что их могут убить?» Про мальчиков у него такого вопроса не возникло. Не знаю, какой из этого можно сделать

вывод, по крайней мере, дети что-то узнали о войне из первых рук.

Тогда же, во время войны, мама, как комсорг школы, организовала работы по спасению нефти: в заливе Японского моря, недалеко от поселка, разбилась баржа с нефтью. Жителей призвали по просьбе военных на спасение — ветер гнал нефть к берегу. Мамина комсомольская организация в полном составе вместе со взрослыми черпала ведрами нефть несколько дней! Удалось спасти основную часть — от военного командования были получены благодарности и подарки школьникам.

И таких эпизодов самоотверженного тяжелого труда во время войны у мамы было много.

«Боль за Родину, стремление хоть как-то участвовать были неистощимы: делали для фронта вату из старых простыней (выдергивали нитки), вышивали носовые платочки, вязали носки и рукавицы, собираясь вместе у кого-нибудь дома, и одновременно изучали историю партии.

Каждое лето мы трудились в колхозе (прополка, окучивание картофеля, сбор помидор и огурцов), работали наравне со взрослыми — выполняли и перевыполняли норму, за что уезжали домой с наградами: благодарностью в адрес школы и продуктами для своей семьи.

Рыли окопы — готовились к возможному нападению Японии, тренировались быстро надевать противогазы». Также мама, ее сестра Наташа и подруга Тося организовали работу по оказанию помощи старым людям, сыновья и внуки которых ушли на фронт, и сами участвовали в ней. Они носи-

ли воду, дрова и уголь, мыли полы. **«Ни одной семьи фронтовика не оставалось без помощи школьников-тимуровцев!»**

Впоследствии маму и несколько других школьников наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а также ценными подарками: американскими сапогами, которые потом перешивались по размеру, и часть кожи оставалась для туфель — шикарные вещи в то тяжкое время, и отрезом на пальто. Вообще-то, у мамы уже было пальто — старое бабушкино пальто, которым, до того как оно стало маминым, накрывали бочки с капустой. Мама его почистила, подшила и носила до самого конца войны, благоухая воспоминаниями о капусте. Так что полученный отрез был отложен «на выход», который случился после войны в виде маминой поездки в Ленинград на учебу. Медаль маме тоже вручили уже в Ленинграде.

«Но мы, конечно, и весело отдыхали! 5–6 раз в году проводили школьные вечера, на них и концерт, и непременно танцы. Я, как правило, была заводилой: первой начинала и учила танцевать, особенно мальчишек (специально собирались в промежутках между вечерами), и песни разучивали под моим руководством».

Мамины страхи, думаю, никуда не исчезли. Просто бояться было некогда, и сил на это не было — надо было помогать Родине. НАДО. Оно не только гнало маму вперед, но и заставляло забыть все страхи.

Ленинград — город, определивший судьбу

Рассказывая о маминной жизни на Дальнем Востоке, я ни разу не упомянул ее друзей. Их было несколько, но самой близкой подругой была Тося. Все испытания — от самых незначительных до самых тяжелых — мама проходила вместе с ней.

Тося была на год старше мамы и поступила в Ленинградский государственный университет еще за год до окончания войны, в сорок четвертом. Она перепробовала три факультета и остановилась на философском — там тогда начали преподавать психологию.

И мамин дальнейший выбор — профессии, вуза, города и вообще всего дальнейшего пути — определила ее подруга Тося. Очень жаль, что мне не довелось познакомиться с Тосей (Антониной Васильевной Пенской), ведь получается, что я и ей обязан своим рождением. Хотя мы, конечно, понимаем, что и Тосю кто-то поставил рядом с мамой. Не буду так сильно углубляться, слишком большая получается толпа причастных к моему рождению, ограничимся Тосей.

Они переписывались с мамой весь год, и к моменту окончания школы мама уже не сомневалась, куда идти дальше: Тося, как и большинство студентов, была очарована лекциями и личностью профессора Ананьева, преподававшего психологию в Ленинградском государственном университете, в своих письмах маме она в том числе приводила целые куски из его лекций. Так что мамин выбор был предreshен как этими лекциями, так и возможностью вновь соединить свою жизнь с любимой подругой.

«Я очень тосковала без Тоси, жила мечтой поехать учиться туда же. У меня был выбор: бабушка умоляла жить у нее, в Москве, и учиться в МГУ. Но я — только в Ленинград!»

Судя по Тосиным письмам, она тоже плохо переносила разлуку и тоже мечтала, чтобы мама приехала в Ленинград и чтобы они учились вместе. Так и произошло, и Ленинград стал городом, определившим всю дальнейшую жизнь мамы.

Прямо с вокзала с огромным деревянным чемоданом мама направилась в мраморный зал ЛГУ на лекцию профессора Ананьева. Тут вышла небольшая заминка — в мраморный зал с чемоданом не пускали. Оставить чемодан в раздевалке тоже не разрешали. Вот что хочешь, то и делай. Эта способность администрации — на любом уровне, вплоть до вахтера, — ставить человека в безвыходную ситуацию отработана у нас давно. Сейчас бы любой сообразил, что надо просто «дать», и все разрешится, но тогда люди были честными, и вахтер искренне охранял изысканность мраморного зала от поруга-

ния периферийным чемоданом, видя в этом свою главную функцию и, возможно, вообще причину своего прихода в этот мир. Мама растерялась, но Тося, будучи уже опытной студенткой и вообще столичным жителем, быстро сумела уговорить цербера подержать чемодан в раздевалке. Мама была настолько уставшей после поезда, что все время засыпала, к тому же она мало что понимала в речи профессора. И все же он произвел на нее впечатление, рассеяв последние сомнения, если они и были. Из-за того что мама опоздала, ей надо было сдать четыре вступительных экзамена за два дня. Мама, конечно, справилась, а ее сочинение так понравилось, что ее стали уговаривать поступить на филологический факультет. Но мама была непреклонна — только психология!

Учиться поначалу было нелегко. Помогало оно, «НАДО».

«Из-за войны с Японией я опоздала на месяц — почти ничего не понимала в курсах древней философии, логики и политэкономии. Плакала не раз втихомолку... Трудно адаптировалась к ленинградскому климату: сонливость на лекциях! А с учебниками было очень плохо, один-два на всю группу психологов, то есть на 30 человек. Вернулась бы домой! Но этот путь отрезан и экономически, и психологически (позор, и нет денег). Полгода упорно преодолевала — училась ежедневно, начиная с пяти-шести утра и заканчивая к полуночи, перерывы только на еду».

«НАДО» и упорный труд принесли свои результаты — мама сдала свою первую, самую трудную, сессию на одни пятерки.

«Условия жизни были нелегкие: общие туалеты и кухни (на весь этаж), вода только холодная, никаких душей, мытье в городской бане 1 раз в неделю, очереди, в которых учили английские слова. Есть хотелось постоянно, но все продукты были по карточкам».

Но куда денешься — НАДО.

К концу первого семестра у мамы закончились деньги, выданные ей родителями. Других, естественно, не было, и просить, кроме как у родителей, тоже не у кого. Мама собралась с духом и послала им телеграмму с одним словом: «Обанкротилась». Не знаю, почему мама выбрала такую форму простой просьбы «Пришлите денег», но это оказалось очень кстати. Городок, где жили бабушка с дедушкой, был маленький, там многие друг друга знали, а уж их тем более, и бабушке бы не хотелось, чтобы все поняли, что мама просит денег. Слово «обанкротилась» пригодились — работники почты, откуда обычно расходятся все новости маленьких городков, не знали, что оно означает, и бабушка разъяснила им, что это означает, что мама хочет приехать. Впрочем, доля правды в этом была — мама действительно не отказалась бы приехать, она с детства была привязана к дому, к семье. А еще очень хотелось есть. А есть было нечего. Продукты питания давали по карточкам, самые необходимые, самый минимум, который для молодого растущего организма был слишком минимальным. Поэтому добирали чем могли. Самым популярным был жмых — то, что остается от продукта после того, как из него выжали сок. Самыми популярными продуктами для этого были соя и кукуруза. Вообще-

то, жмых предназначался для животных, но в то голодное время особо не разбирались, к тому же жмых можно было получить без карточек. От такого питания мамин давно ослабленный желудок страдал еще больше, но что делать, приходилось терпеть, чтобы пережить этот голод. Еще мама с подругами по комнате в общежитии пристрастились варить и есть картофельные очистки, оставленные везунчиками, которым присылали картошку. Иногда помогала спекуляция — так в те времена называли операции купли-продажи, совершаемые частным лицом. Их не просто так называли, это было уголовное преступление, за него реально приговаривали к тюремным срокам. Если эту книгу прочитает кто-то из молодых, не живших при социализме, ему, наверное, это будет непонятно. Что плохого в том, чтобы купить, а потом продать и получить прибыль, ведь этим занимаются все торговые предприятия, обеспечивая движение товара от производителя к потребителю, и как же без этого? Может, просто дело в том, что люди получали прибыль и не платили налоги? Э, нет. Дело совсем не в этом, иначе вместо тюрьмы приговаривали бы к уплате налога. А в том дело, что социализм подразумевал, что все люди одинаковы и живут одинаково — как скажет государство. Преимущественно бедно. А всякая попытка проявить инициативу «поверх положенного» каралась. При этом государственная машина действовала умно, она не просто карала таких людей, она постоянно создавала и поддерживала их отрицательный имидж в глазах населения, имидж преступников. Все вокруг постоянно (от кинофильмов до плакатов на улице)

кричало гражданам прямо в ухо, что спекуляция — это преступление, спекулянты — отвратительные, упавшие морально личности, а разоблачающие их милиционеры — герои фильмов — все сплошь Лановые и Юматовы¹. Так что никому и в голову не приходил вопрос «А что тут плохого?». Мою бабушку Еву, например, осудили за спекуляцию на 10 лет тюрьмы, причем не за всю спекуляцию, а только за вторую ее часть — продажу, и даже не за продажу, а за обмен. Во время войны, живя в осажденном Ленинграде, она меняла одежду своего сына (моего отца, он был на фронте) на продукты, за что и была осуждена, так что даже необязательно уже было доказывать про прибыль, продаешь — значит, спекулянт! Так вот, говоря о том, что маме помогала бороться с голодом спекуляция, я не имел в виду, что мама спекулировала чем-то, — сама мысль об этом вызывает у меня смех. Но у них в общежитии жила девушка, которая отправляла в Челябинск синьку и зеленку (это такие порошки соответствующего цвета, я даже не знаю, для чего они применялись, кажется, для дезинфекции) и получала за них оплату ржаными лепешками! И она делилась ими с подругами по общежитию, демонстрируя в том числе, что спекулянт — это не всегда плохой человек. Впрочем, мало кто мог узнать об этом — куда ей было против государственной пропаганды.

Несмотря на все эти трудности студенческой жизни в голодном послевоенном Ленинграде, мама вме-

¹ Василий Лановой, Георгий Юматов — известные актеры, секс-символы 50-х — 80-х годов.

сте с Тосей и другими студентами участвовала в ней вовсю. Она пела в хоре ЛГУ, занималась художественной гимнастикой, парными танцами (даже побеждала в конкурсах), ходила на танцы в общезжитии под патефон по субботам и, конечно, в театры. Они обошли все театры, видели всех знаменитостей, вплоть до Лемешева¹. Такса была простая — одна хлебная карточка менялась на один билет в театр.

В университете мама и познакомилась с отцом, ставшим не просто ее любящим мужем и отцом нас, их детей, но настоящим проводником по жизни. Кстати, и здесь решающую роль сыграла Тося, хотя у нее был другой план.

Они все учились вместе и даже дружили — отец, мама и Тося. Отец недавно вернулся с войны — худой, израненный, без ноги (с костылями), одинокий (его мама, сестра и брат еще не вернулись из эвакуации), без жилья (когда он вернулся с фронта, их комната была уже занята), но со страшным желанием учиться, поддержанным острым умом, любознательностью, целеустремленностью и поразительной работоспособностью. К тому же отец был очень симпатичным молодым человеком. В общем, такой набор пропустить было невозможно, и Тося не пропустила — сразу же обратила на него внимание и вскоре влюбилась в него. Я уже описывал раньше эту историю, вкратце она выглядит так: Тося влюбилась в моего будущего отца, а он этого не замечал,

¹ Сергей Лемешев — самый известный в то время советский оперный певец.

по крайней мере, не проявлял к Тосе повышенного интереса — друзья и друзья. Тося мучилась, но боялась объясниться. Мама, которая с детства привыкла приходить ко всем на помощь, решила помочь и здесь, искренне полагая, что вот сейчас она быстренько переговорит с отцом, все недопонимания исчезнут, и воцарится сплошная любовь и радость.

Сколько помню маму, она всегда мечтает примирить всех со всеми, наверное, ее идеальной картинкой мира является зеленая лужайка, на которой рядом гуляют львы, тигры, волки, овцы, свиньи и коровы, и все мирно щиплют травку, включая пастухов и дрессировщиков. Мама поддерживает отношения не только с нашими — детей — бывшими половинами, но и с их родственниками, продолжая считать всех одной семьей.

Так вот, мама решила (с согласия Тоси) поговорить с отцом, чтобы, так сказать, внести ясность и наставить его на правильный путь любви к Тосе. В ответ отец сообщил, что любит ее, маму, а вовсе не Тосю. Могу себе представить мамино состояние: «Что я скажу Тосе?!» Тосе пришлось сказать правду. Уж и не знаю, что она почувствовала (да и мама тоже), но как-то они сумели это пережить и сохранить свою дружбу на всю жизнь. Согласитесь, маловероятная развязка в наше время, но такие вот они были люди.

Конечно, отец тоже нравился маме. Я уверен, он вообще всегда нравился всем женщинам, привлекая их своим умом, любознательностью, открытостью, смелостью и волей. И инвалидность не только

не была помехой, но, наверное, еще одним свидетельством его силы воли и способности не ломаться под тяжестью судьбы. Мало кто может похвастаться этим — и в те времена, и тем более сегодня.

Но мама не думала о любви, она думала об учебе, а также проводила много времени, изучая город, его архитектуру и памятники, где-где, а в Ленинграде этого больше, чем в любом другом городе страны.

Однако, видимо (я не спрашивал у мамы об этом, так что это мой вывод), после такого признания отца мама решила, что он тоже занимает достойное место среди достопримечательностей города, и сместила свое внимание. Короче, они стали официально парой, то есть проводили почти все свое время вместе — и в университете, и в библиотеке и вообще везде, только жили еще отдельно.

Это было начало нового этапа маминых испытаний и преодолений, только она об этом не знала, да и наверняка не думала. Как я уже говорил, мама умела сконцентрироваться на положительном, я помню это с самого детства. Не знаю до сих пор, является ли это ее естественным видением вещей или сознательным поведением. Я сам больше склоняюсь к тому, что сознательным, потому что помню, как она давала такие рекомендации: во всем есть положительное, и надо в первую очередь концентрироваться на нем. Такие советы, мне кажется, могут давать люди, которые сами умеют это делать, и делать сознательно, то есть намеренно выбирая оптимистичное отношение к событиям, предпочитая его столь же возможному пессимистичному. Вот, например, моя жена Ирина тоже в подавляющем большинстве случаев смотрит

на любые события оптимистично. Но вовсе не потому, что она считает это правильным выбором в сравнении с пессимистичным, а потому что для нее вообще этого выбора нет — она так видит события. Например, когда наш сын Марк принес очередной отчет из школы об успеваемости, который безо всяких двусмысленностей сообщал нам, что наш сын, мягко говоря (очень мягко!), не догоняет положенный уровень, у меня не было иного выбора, кроме как воспринять это как негативное событие, расстроиться, начать думать в очередной раз, что делать (Чернышевскому бы эти проблемы, посмотрел бы я на него), подсознательно понимая, что сделать-то я ничего не могу, и расстраиваясь от этого еще больше. А Ирина говорила что-то типа «Подумаешь, вовсе не обязательно хорошо учиться в школе, чтобы быть счастливым. Марк вовсе не глупый, просто ему пока неинтересно учиться». Пока?! Пока?! Интересно, а когда ему станет интересно узнать, чем заканчивается таблица умножения на 10? В двадцать лет?! Я рвал и метал. «Как можно быть такой равнодушной к будущему своего сына?! — оценивал я Иренино спокойствие. — Надо немедленно что-то предпринять! И кто это должен сделать? Только я, потому что всем же наплевать!» И я предпринимал, и предпринимал, пока до меня не дошла совершенно простая истина...

Впрочем, сейчас не об этом, а о том, что концентрация на положительном дает гораздо больший эффект в решении задач и проблем. Так вот, моя мама, для которой видение событий в положительном свете, возможно, и не было естественным, умела

это делать сознательно. Я думаю, это одно из маминых качеств (но не единственное), обусловившее мамину способность преодолеть, казалось бы, совершенно непреодолимые события, которые ждали ее впереди.

Мама и отец поженились в сорок девятом году, еще будучи студентами, прямо в день рождения мамы, семнадцатого марта. Ей исполнилось двадцать два года. В то время возможность предстать перед родителями невесты до свадьбы была далеко не у всех, денег не хватало ни на что, а уж на билеты тем более, так что ни на знакомство с родителями невесты, ни на присутствие их на свадьбе надеяться не приходилось. Поэтому отец написал маминим родителям письмо, в котором в том числе, подробно изложил финансовый план их будущей жизни, убедительно доказывающий, что они всем обеспечены и способны прожить без финансовой помощи со стороны. Плану сбыться было, конечно, не суждено, так что и родители мамы, и мама отца (моя бабушка Ева) помогали молодой семье чем могли. Отец подрабатывал в школах, а еще сторожем на каких-то огородах, о чем у него даже имелось удостоверение, до сих пор хранящееся в нашем семейном архиве.

Интересно, что историю о том, как отец писал письмо маминим родителям, я прочитал много позднее того, как и сам написал подобное письмо родителям моей жены Ирины. Причем моя ситуация была куда как опасней отцовской: что бы ни сказали родители мамы в ответ на его письмо, они с мамой все равно уже были вместе, к тому же далеко от роди-

телей. У меня же все было не так: Ирина была у меня в гостях в Ижевске, когда мы решили начать жить вместе, и она поехала домой, в далекий Нижневартовск, чтобы забрать свои вещи, а заодно сообщить родителям эту новость. Не то чтобы у меня, как когда-то у моего отца, не было денег, чтобы к ним съездить, были, но на момент начала нашей совместной жизни я работал на достаточно ответственной работе (так я тогда полагал, считая, видимо, что работа важнее, а родители невесты — их единственной дочери — подождут), и, кроме того, незадолго до этого я сломал ногу и ходил на костылях, предстать в таком виде перед родителями Ирины — не лучший способ убедить их в правильности ее выбора. Поэтому я сел и написал ее родителям письмо, надеясь, что аргументы и обещания, приведенные в нем, сработают лучше, чем демонстрация ловких прыжков на костылях. Сработало — Ирина вернулась ко мне с вещами и с одобрением родителей.

То, что жизнь с отцом не будет легкой, для мамы, думаю, было очевидно сразу — просто в силу его упрямого характера, целеустремленности и решительности. Но это ее не испугало, во-первых, потому что настоящую любовь такой ерундой, как сложная жизнь, не напугаешь, а во-вторых, эти качества притягательны сами по себе, а сложная жизнь просто прилагается к ним без вариантов.

Одним из первых маминых испытаний на этой почве как раз и было уговорить отца обуздать свою принципиальность ради будущего. Вскоре после их свадьбы, летом сорок седьмого года, отец работал и ставил эксперименты в обезьяньем питомнике

в Сухуми, а также проводил там экскурсии — для дополнительного заработка. Однажды в разговоре с одним из экскурсантов отец высказал свою точку зрения на некоторые стороны жизни в южных районах страны, которые (взгляды) не совпадали с генеральной линией партии и правительства и, наверное, самого генерального партийного правителя. Собеседник, видимо, не нашел достаточных аргументов и логики, чтобы получить удовлетворение в споре, поэтому решил получить его обычным для того времени путем — накатал на отца донос в университет. От отца потребовали написать бумагу о том, что он сожалеет о высказанных взглядах, в противном случае ему грозило отчисление. Отец бумагу писать не собирался, говоря: «Пусть отчисляют». Уговаривали его всем курсом, включая его друзей — членов партии и профессора Ананьева. Ничего не помогало, и только мама сумела разжалобить его универсальным средством — слезами, пролитыми в обильном количестве на Дворцовом мосту, где она упрашивала отца в очередной раз, а он упрямо повторял, что лучше уйдет, чем будет извиняться. Все же слезы любимой сильнее любых аргументов и принципов, а уж соединенные со словами «Подумай о нашем будущем» могут горы свернуть. Так что отец сдался. Но это было так, разминка, перед чередой действительно серьезных испытаний.

Таким уже действительно серьезным маминым испытанием была разлука. Они с отцом закончили университет и должны были куда-то распределяться. Профессор Ананьев, научный руководитель отца, сказал, что постарается, чтобы родителей распреде-

лили вместе, он вообще хотел их обоих оставить в аспирантуре. Но с их еврейским происхождением рассчитывать на это было практически невозможно, даже с учетом наличия у них ленинградского жилья и прописки. Все же Ананьев сумел отстоять отца, опираясь в том числе на то, что отец — инвалид войны. Маме отказали и в аспирантуре (ее хотела взять руководитель ее диплома А. А. Люблинская), и в работе по специальности в Ленинграде (было место преподавателя в институте культуры). Предстояло принять решение. Расставаться не хотелось, тем более так надолго — три года! — и с учетом того, что видеться придется редко. Можно было, например, маме остаться в Ленинграде и работать где-то не по специальности. Или искать работу обоим где-то далеко, отцу отказаться от аспирантуры. Решение было принято: отец остается в Ленинграде в аспирантуре, мама едет работать в Сыктывкар (Республика Коми), так как это был ближайший к Ленинграду город, где предлагали работу по специальности. Ближайший-то ближайший — «всего-то» полторы тысячи километров, но добираться туда было очень трудно, никаких прямых поездов, от станции — на грузовике... Но остальные варианты были еще хуже. Ждать появления более хороших вариантов было невозможно — им просто было не на что жить.

Сыктывкар. Первые шаги, и не только в профессии

Это было стратегическое решение, которое во многом определило жизнь родителей: надо было добиваться высоких профессиональных целей с самого начала — как для профессиональной карьеры и самореализации, так и для достойного материального уровня. И первый шаг получился таким: отец должен был закончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию, а мама должна была работать, чтобы поддерживать отца материально и поднимать свой профессиональный уровень. В жертву цели была принесена возможность двум влюбленным быть вместе в только что так счастливо начавшейся семейной жизни.

Когда я обо всем этом узнал, я, кажется, смог понять, в чем была мамина сила, которая помогла ей преодолеть это и еще много других тяжелых испытаний, о которых я расскажу дальше. Сила эта заключалась в мамином умении отогнать страхи и руковод-

ствоваться только целью в момент принятия решения, а уже потом преодолевать все страхи и трудности как его неизбежные последствия. И помогало ей в этом всю жизнь слово «НАДО». Я и сам много раз слышал в детстве от мамы это слово, как в виде команды, так и в виде подспорья и даже объяснения его чудодейственной силы. Мне было лет шесть, наверное, когда мама вела меня в больницу удалять фурункул, выросший у меня в самом неподходящем месте — на ягодице. Кажется, говорили, что это результат переохлаждения, вызванного неумеренным купанием. Сейчас, когда я каждую проблему детей — типа головной боли или отсутствия аппетита — объясняю им самым слишком долгим сидением у компьютера, я вполне допускаю, что купание было ни при чем. Как бы там ни было, а фурункул ужасно болел, при этом рос. Постоянная боль преследовала меня несколько дней, от нее невозможно было освободиться ни на минуту. Фурункул рос вглубь, поэтому никакой надежды на «само рассосется» или «прорвет» не было, его надо было вскрывать, так что к боли прибавился еще и страх. Мама уговаривала меня пойти к врачу, объясняла, что надо немного потерпеть, и все будет хорошо, но я боялся. Страх и боль тянули меня в разные стороны, а я ничего не мог сделать, только плакал от невозможности вырваться из этого круга. В конце концов мама обманом — «только сделать перевязку» — уговорила меня пойти с ней в больницу. Когда мы были уже у врача в кабинете, мама сказала, что сейчас мне будут вскрывать этот фурункул. Людям моего возраста легко понять, как это могло происходить. А тем,

кто помоложе, поясняю: никаких обезболивающих не было, терпеть боль на приеме у врача было обычным делом, и не только у зубного. Я очень боялся, я это отлично помню, помню, что мама несколько раз говорила «надо» вперемежку с описанием радостной перспективы — как мне будет потом легко, и ничего не будет болеть. Мама положила меня к себе на колени лицом вниз и гладила по голове, а я все плакал от страха неизбежной боли и собственной незащитности перед ней. Если бы я в тот момент мог представить, каково было маме... Она наблюдала, как врач подносит к фурункулу, до которого больно даже дотронуться, какие-то специальные ножницы и резко вонзает их прямо в его центр. Вот этот самый момент я не помню, но я отчетливо помню свое состояние сразу после вскрытия: я лежу у мамы на коленях, я смотрю в пол, еще боль и шок от ее неожиданности не прошли, но я уже чувствую, как уходят мои мучения, длившиеся несколько дней, уходит эта постоянная тяжесть, я как будто бы освободился от нее, и я лежу на коленях у мамы, и теперь все будет хорошо. Я вспомнил это свое состояние (облегчение и покой после длительного времени беспокойств и переживаний, и мама рядом) много лет спустя, когда ситуация повторилась в гораздо более серьезных обстоятельствах, я расскажу об этом позднее.

С тех пор как я стал задумываться о жизни своих родителей, читать их переписку и разные другие материалы из нашего семейного архива, некоторые события я пытался представить себе в их развитии — как они происходили. В числе таких событий было

и принятие вот этого решения о мамином отъезде в Сыктывкар — я пытался представить, как родители принимали это решение. Поскольку я уже прочитал немало и даже написал целую книгу про отца, я был уверен, что могу это сделать с большой долей попадания. Без сомнения, для отца альтернативы вообще не было, он всегда был сторонником кардинальных решений без оглядки на их «стоимость». Да и остаться на такой период без мамы было для него не таким страшным (хотя, без сомнения, крайне нежелательным) событием, ведь оно в какой-то мере компенсировалось предстоящей интересной научной работой в любимом и знакомом городе под руководством любимого руководителя. Кроме того, это было важным шагом на долгом пути построения семьи и профессиональной карьеры родителей. Так что отец — я в этом был уверен — не сомневался. Про маму же я думал так: скажи отец что-нибудь типа «к черту эту аспирантуру, не хочу с тобой расставаться, оставайся со мной, пусть ты будешь работать пока не по специальности, зато будем вместе», и мама без оглядки бы согласилась, и это было бы для нее на тот момент самым желанным решением. Но отец не дал ей такой возможности. Он сразу заговорил о первом варианте как о единственно правильном для них обоих, для их начинающейся семьи, привел маме все стратегические аргументы и предложил принять решение. И конечно, мама понимала, что это решение правильное. И я могу себе представить, как она боялась, ведь ей предстояло ехать — одной! — в какой-то неизвестный Сыктывкар, к неизвестным людям, вообще в неизвестную жизнь и при этом рас-

статься на долгий срок с единственным любимым человеком, единственной опорой. Но было «НАДО!». А как не хотелось! Не физически, а психологически представлял я себе этот момент так: она садится в поезд, ей страшно от неизвестности впереди, от сознания, что расстанется надолго, остается одна, да, наверное, надо, но разве нельзя по-другому, чтобы не расставаться, чтобы вместе, ах, как же не хочется... Но надо... Но не хочется. И он еще держит ее руку, вот она уже заходит в вагон, страшно, сейчас руки расцепятся, и все... Скажи он одно только слово, что можно по-другому, и тут же спрыгнет обратно на перрон, и прижмется к нему, и останутся вместе, и сразу все страхи пройдут, и так сразу спокойно... Но не было этого слова. Было только «НАДО». И мама согласилась на этот вариант, доверяясь полностью отцу, полагаясь на него и преодолевая нежелание и огромный страх расставания и неизвестности.

Вот как красиво и логично я себе все это представил, прямо как в голливудской мелодраме, а как было на самом деле, не знал.

Но в том-то и радость моя сегодняшняя, что я обо всем этом могу спросить у самой мамы. Мама моя не просто жива, она еще полна сил и до сих пор является центром всей нашей огромной семьи, и в том числе организатором и руководителем еженедельных скайп-свиданий со своими детьми, внуками и правнуками, живущими в разных городах и даже странах! Маминым активным долголетием восхищаются многие, а мы — дети, внуки и правнуки — еще и пользуемся, получая от мамы

массу полезных советов, интересной информации и поддержку.

Так что позднее я от мамы узнал, что мой голливудский сценарий провалился: как оказалось, мама сама считала выбранный ими вариант единственно правильным, ни о какой работе не по специальности и слушать бы не захотела, профессиональное развитие видела для себя обязательным условием. Кроме того, ее подталкивало чувство ответственности перед теми, кто в нее верил, — в первую очередь перед родителями, а также перед страной, давшей ей образование. «Как же можно, — думала мама, — получив такую поддержку и такие ожидания, обмануть их?» Перед глазами были примеры тех, кто остался в Ленинграде и работал не по специальности, но мама считала, что это неправильно и для нее никак невозможно. Поэтому решение о ее отъезде в Сыктывкар было принято уверенно и единогласно. Однако кое в чем я все-таки оказался прав: стоило маме сесть в поезд, как все страхи тут же на нее налетели: одиночество, неизвестность, разлука с любимым, и она впервые ясно это себе представила. Но бояться было поздно — решение уже принято, и она уже в поезде. В Сыктывкаре мама еще долго не могла привыкнуть к одиночеству и писала отцу письма со словами типа «как ты мог отправить меня одну», «ты не должен был». Отец, конечно, тоже переживал, думаю, тоже не раз переоценивал это решение, имея в виду все трудности, свалившиеся на маму, и даже отвечал ей: «Ну, может, вернешься?», но мама не считала для себя возможным сдать, на что, думаю, и отец тоже надеялся.

Всю дорогу в поезде в Сыктывкар мама проплакала. В этом ей «помогли» ее попутчики — молодая семейная пара выпускников ЛГУ ехала туда же по распределению. Жена тоже боялась, а муж ее успокаивал. Глядя на них (вместе!), мама еще больше ощущала свое одиночество и страх перед неизвестностью.

Не сомневаюсь, что Сыктывкар сейчас совсем неплохой город, может быть, даже совсем хороший. Но в то время это был глухой край с множеством колоний, где сидели уголовные преступники.

Этот край встретил маму во всей «красе» — мужик в окровавленной рубаше после какой-то драки на ходу запрыгнул в кузов грузовика, в котором мама добиралась от станции Котлас до Сыктывкара, в котором и станции-то не было.

Маму поселили в пустой аудитории института, в котором ей предстояло работать. Вот представляю себе: заводят ее в пустую аудиторию и говорят, что вот здесь она будет жить. А что может быть в пустой аудитории для жизни? Тем более после пусть и маленькой, но все же обжитой их с отцом комнате в Ленинграде. Наверное, там была какая-нибудь кровать, но и это вряд ли добавляло уюта. Так что настроение мамино в начале этой главы оставляло желать лучшего.

«Любимый, когда же я теперь увижу тебя? Понимаешь — я совсем одна. Все коллеги — семейные, пожилые люди, так что мне остается ждать твоих — бесчисленных! — писем и тебя. Конечно, если ты будешь в аспирантуре (в это время отец еще только готовился к поступлению), то оста-

нешься в Ленинграде, а если нет, то обязательно нам нужно быть вместе. Зачем нам столько мучений! Все взятое в дорогу я привезла сюда, и все лежит. Ничего мне не хочется, только был бы ты... Я понимаю, для нашего будущего лучше, чтобы ты закончил аспирантуру, но сейчас так тяжело, так страстно мечтаю быть с тобой... Лучше бы вместе работать... Все распаковала, а так не хотелось — все напоминает о тебе... Пишу и реву, может, лучше не было бы тебя у меня? Нет, нет, я не могу без тебя! Прости, родной, что так огорчаю тебя! Знаю, что не имею на это права... Никогда мне не было так тяжело! ...Нет у меня надежды, что смогу жить одна...»

Вот такое было у мамы настроение, но — НАДО!

Маму приняли ассистентом кафедры педагогики и психологии местного института.

Ответственный подход к делу, присущий маме всю жизнь, а также постоянное внимание отца — письма, разговоры по телефону, посылки — сделали свое дело, и настроение начало меняться. Письма из отчаяния и страха превращались в сплав положительных эмоций, семейных забот и профессиональных дискуссий, иногда переходя из одного в другое без всяких пауз:

«...Счастье мое, сейчас такой хороший вальс исполняли... и мне представилась наша встреча. Какое это будет прекрасное время! Мне так радостно, что ты у меня есть, все замирает от счастья. Как не хватает слов, чтобы выскать все чувства, переполняющие меня. Павлук, ботинки еще можно починить, ты сначала купи

костюм! ...Почитаю Лысенко, напишу лекцию, мучает меня локализация функций в мозгу и учение Павлова — никак не могу свести концы с концами...»

Мама работала на кафедре, а еще преподавала логику и психологию в школе, стремясь больше зарабатывать, чтобы поддерживать отца, пока он учится в аспирантуре. Она ответственно, как и всю последующую жизнь, подходила к своей работе, ее лекции были всегда интересны и студентам, и посещавшим их преподавателям, а ее уроки в школе чуть не стали для нее проблемой. В школе ученикам дали задание написать сочинение на тему «Любимый урок». И почти все написали об уроках психологии и логики, обманув ожидания многих учителей. Особенно обиделась учитель истории, полагавшая, видимо, что пребывание на «передовой» идеологического фронта само собой гарантирует ей первое место. Ан нет, дорогая. Первое место — и тогда, и сейчас — гарантирует только одно: способность сделать свой предмет интересным для учеников. Кстати, несколько маминых учениц того времени впоследствии поступили в ЛГУ. Мамины коллеги быстро разглядели в ней ответственного, знающего специалиста, ее уважали, ставили ее лекции в пример. В общем, жизнь постепенно налаживалась, но уже готовила следующее испытание.

За время маминой работы в Сыктывкаре отец два или три раза приезжал к ней, один раз она ездила к нему в Ленинград. Результат не заставил себя ждать — мама ждала ребенка.

«Я мечтала о ней больше, чем потом о Люсе и Леве: (это моя следующая сестра и я) первенец! Уже три года как мы женаты, а главное: она — спасение меня от одиночества, от тоски в разлуке с любимым супругом! ...И когда я почувствовала ее в себе, радовалась безмерно. Чувствовала прилив новой энергии, еще большего стремления стойко держаться до окончания «ссылки».

Но уже на втором месяце началась интоксикация — тошнота, рвота, мучили запахи пищи, все усиливающаяся слабость. Как всю последующую жизнь, выручали желание не навредить ребенку, максимальное включение в профессиональную работу и мечты о счастливом будущем. Во что бы то ни стало быть в форме! Для студентов и школьников оставалась энергичной, улыбчивой, подготовленной к интересному общению».

«НАДО» было на своем посту!

В связи с новым маминым статусом ей дали комнату в преподавательском доме.

«Теперь я среди людей-коллег, с печкой, если мерзну, могу истопить, что-то сварить, подогреть, создать домашний уют...»

Новые заботы еще более положительно сказались на мамином настроении.

«Ежедневная тоска из-за разлуки с ПЛ¹ ушла на второй план! Чувства мои сосредоточились на материнстве — все подчинить здоровью ребенка: не упасть (зимние дороги были крайне опасны —

¹ Павел Лейбович — так звали моего отца, мама часто использует это сокращение в письмах и воспоминаниях.

деревянные тротуары заснеженные и скользкие), диета в питании, режим и, самое трудное, спокойствие и сон».

Кроме того, беременность означала скорый декретный отпуск, а значит — поездку надолго в Ленинград и встречу с любимым. Маму и здесь поджидали трудности: перед самым отъездом она простудилась, поднялась температура, но, конечно, ее ничто не остановило — ни жуткий холод до минус сорока градусов, от которого невозможно было спря- таться, ни необходимая пересадка с тяжелым чемо- даном (а носильщиков тогда не было), ни просто дол- гая дорога. Всю дорогу у мамы был жар. По приезде в Ленинград вызвали врача, и ее положили в больни- цу с плевритом. Вскоре еще оказалось, что ребенок лежит ножками вперед, и в этот период — на послед- нем месяце — уже невозможно изменить его поло- жение. Когда наступил срок, ребенок не хотел выхо- дить, маму снова положили в больницу, а отца вызвали в больницу, чтобы спросить, кого спасти в случае чего... Мама, конечно, узнала об этом много лет спустя. Роды были очень сложными, мама мучи- лась в схватках почти сутки.

«Вспоминаю, как спасал меня Маяковский: окру- жающие женщины (их было трое или четверо), мучаясь, громкими голосами проклинали мужей, а я, растирая в кровь поясницу, во весь голос декла- мировала:

«Я волком бы выгрыз бюрократизм!

К мандатам почтения нету!

К любимым чертям с матерями катись любая бумажка! Но эту...

Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза —

Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!»»

Во как. Я, кстати, когда учился в школе, тоже проходил Маяковского, более того, он, кажется, был единственным поэтом, который мне нравился. Но я и не подозревал такого его участия в жизни нашей семьи, пока не прочитал мамины воспоминания.

Роды тоже были мучительными и болезненными, маме потом месяц не разрешали вставать. Но зато моя старшая сестра Наташа появилась на свет здоровой и невредимой. Все вздохнули с облегчением — родители, моя бабушка Ева (мама отца, она помогала все время во всем, была для моей мамы настоящей второй мамой всю жизнь), а также профессор Беккер, принимавший роды. Маяковский наверняка тоже перенервничал. Позднее маму ставили в пример за ее героическое поведение, весть о пользе стихов во время схваток разнеслась по больнице, и другие роженицы приходили к маме — наверное, за обменом опытом, а может, плохо учились в школе и не знали стихов Маяковского, приходилось срочно наверстывать. Вот так, дети, учитесь в школе хорошо — никогда не знаете, где что пригодится, так что учите на всякий случай все.

Мама же так намучилась, что решила больше не рожать, так и сказала отцу: «Если захотим еще детей — возьмем из детского дома». Не знаю, что ответил отец, скорее всего, ничего — зачем спорить, когда можно просто подождать? Верность такой тактики убедительно была подтверждена последующим

рождением другой моей сестры Люси и меня, но это было позднее.

Мама вернулась с маленькой Наташей в Сыктывкар, где ей предстояло прожить еще полтора года — до защиты отцом диссертации. Конечно, одной с маленьким ребенком было тяжело, но уже по-другому, не было одиночества, да и все уже знакомо — и город, и люди. Пригодился и тот самый деревянный чемодан, который не смог прорваться с мамой на ее первое посещение лекции Ананьева, теперь он стал первой Наташиной кроватью. За время маминной жизни в Сыктывкаре у нее появились не только знакомые, но и близкие друзья, интересные и уважающие ее люди.

Вообще, мне кажется, мама не могла не притягивать к себе интересных, умных, внимательных людей, потому что она сама такая, и такие люди, как правило, сразу видят друг друга. А мама к тому же еще умеет слушать и понимать людей, и это делает ее еще более привлекательной личностью. Я, вообще, сколько помню, мама легко начинает разговаривать с незнакомыми людьми, ну, например, в очереди или с незнакомыми еще соседями, и она всегда настолько приветлива и открыта, что люди также приветливо ей отвечают, втягиваются в разговор, и вот так вокруг мамы все время какая-то доброжелательная обстановка, и, наверное, поэтому ей всегда удавалось организовывать людей: что нас в далеком детстве на сбор навоза для огорода, что студентов на творческие педагогические исследования, что теперь соседей на борьбу с жадным ЖКХ.

Ижевск — город, ставший домом

Этот город стал для всех нас домом на долгое время, а для родителей — навсегда. Я вообще здесь родился и прожил большую часть своей жизни, здесь родились мои дети и даже один мой внук, здесь живут мои самые близкие друзья и моя мама, так что он значит для меня больше, чем любой другой город.

Отец закончил аспирантуру и был распределен в Ижевск, куда родители приехали с Наташей в пятьдесят третьем году. Я представляю, какой радостью была его защита для них обоих, ведь это не просто удачно завершённый длинный и трудный этап, это был конец их разлуке, наконец-то вместе и навсегда. Я представляю, как радовалась мама, мне даже не надо ее об этом спрашивать. Она радовалась, не предполагая, конечно, что впереди разлука еще более тяжелая. Впрочем, и обычный ритм жизни содержал массу проблем и задач.

Отец вскоре защитил диссертацию. Он работал в пединституте (теперь Удмуртский государственный университет), на кафедре педагогики и психоло-

гии, молодой и перспективный кандидат наук, быстро обративший на себя внимание как администрации института, так и научного сообщества. Не все, конечно, было гладко, но все же двигалось вперед. Маме же места на кафедре не нашлось, поэтому она стала искать работу в школах, преподавать логику.

Жизнь шла своим чередом, постепенно налаживалась, хотя все равно была тяжелой, просто потому что жизнь тогда вообще была тяжелой. Но когда тяжести останавливали жизнь?

Вскоре мама получила работу на кафедре ассистентом. И тут случилась новая проблема.

В раннем детстве у Наташи заподозрили порок сердца. Само название болезни приводило в отчаяние. Но как обычно, никакое отчаяние не могло остановить родителей от действия. Потребовались обследования, лечение, снова обследования, режим... Мама, как и всегда, разрывалась между работой и домом. Большим подспорьем родителям было то, что они жили в доме прямо за их институтом, поэтому они могли между занятиями приходить домой, если надо. А надо было всегда, особенно маме, у нее все было одно за одним: лекции, поиск продуктов и стояние в очередях, болезни детей, семинары, подготовка к новым лекциям, забота о доме, родительские собрания, поездки с лекциями по республике и так далее и так далее.

В результате длительной борьбы болезнь Наташи была практически побеждена, но надо было свозить ее в санаторий на юг, в Сочи. Оставить работу на такой долгий срок родители считали невозможным.

Да, вот такие тогда были взгляды и люди: работа на благо общества — главное, а ты сам вместе со своей семьей подождешь. Я и сам отлично помню все эти песни типа «раньше думай о Родине, а потом о себе». Конечно, звучит красиво. Но кто сегодня останется на работе, если надо лечить ребенка с пороком сердца?! А тогда работа была главным.

Поэтому родители приняли решение — пусть едет одна! Наташе было не больше семи лет. Ей надо было долететь на самолете до Сочи, а там еще на автобусе ехать до санатория. Кто-нибудь сегодня отправит семилетнего ребенка в такое путешествие? А родители отправили. Пришлось. Надо было. Представляю себе мамино состояние, когда принималось решение, и что она пережила, говоря «да». Но это было НАДО. Все время между посадкой Наташи в самолет и ее телеграммой о том, что добралась, мама провела в полном ступоре, разные страхи приходили в голову, желание и невозможность все вернуть обратно доходили до отчаяния. Наташа с рождения была активной и смелой девочкой, что в этом случае, наверное, придавало маме еще больше волнения. Наташа без приключений добралась до санатория, послала телеграмму, мама наконец смогла немного расслабиться, хотя все равно волновалась каждый день, пока Наташа не вернулась.

Кстати, этот случай, точнее, это его описание чуть было не привело если не к конфликту в семье, то, по крайней мере, к серьезным «разборкам». Дело в том, что я дал почитать описание этого случая Наташе, с единственной целью — уточнить, что она сама об этом помнит. Наташа категорически заяви-

ла, что ни в какой санаторий в семь лет она не ездила, а было это, когда ей было уже четырнадцать, и потребовала от меня немедленно внести изменения. Я, недооценив, видимо, серьезности момента, весело сказал, что, поскольку я пишу книгу в основном по воспоминаниям мамы, а она точно уверена, что Наташе было не больше семи, то, наверное, я оставлю все как есть. «Возможно, — добавил я на свою голову, — ты просто сама не помнишь». Тут Наташа возмутилась еще больше, видимо, самому факту моих сомнений в ее памяти и в еще более категоричной форме потребовала внести изменения, а на мой вопрос, почему она так заволновалась по такому неважному, в общем-то, вопросу (в конце концов, это не учебник истории), ответила металлическим голосом, что она не может допустить, чтобы читатели подумали о наших родителях плохо: мол, отпустили такую маленькую девочку одну в дальнюю поездку. Мне бы и остановиться на этом, да самому и решить — например, убрать этот эпизод вообще. Так нет, дернуло меня в очередное наше свидание в скайпе предложить маме и Наташе непосредственно друг с другом выяснить этот вопрос. Наташа подошла к делу серьезно — она принесла фотографию, на которой группа подростков лет от четырнадцати до шестнадцати, ну уж точно не семи, стояла на фоне курортного пейзажа из пальм и четырех цементных столбов, изображающих, по-видимому, ворота. Наташа поднесла фотографию к камере своего компьютера, чтобы мы могли убедиться, что один из подростков — она. «Мне больше сказать нечего», — произнесла Наташа тоном, которым адвокат

говорит судье фразу: «У меня больше нет вопросов», после того как задал свидетелю обвинения вопрос, поставивший последнего в тупик и сделавший очевидной ложность всех его показаний. Мама, однако, сдаваться не собиралась, и было понятно, что сейчас разгорится нешуточный спор. Я попробовал бросить наживку в виде среднего варианта: «Возможно, Наташа ездила в санаторий два раза...» Мама тут же клюнула, она вообще сторонник средних вариантов и компромиссов, чтобы и волки, и овцы, и мир во всем мире. Но Наташа — это другое дело, она за правду будет стоять горой, так что моя уловка не прошла. Тогда, чтобы как-то остановить этот процесс, я пообещал каждой из сторон написать ее версию, что и сделал. А как было на самом деле, теперь уж и не знаю.

Постепенно семья разрослась — появилась моя сестра Люся, а затем и я. О своих обещаниях больше не рожать мама, похоже, забыла. К тому же в то время возможности планирования рождения детей были сильно ограничены, так что на все была воля сами знаете чья. Может быть, это и к лучшему, по крайней мере, все основания считать ребенка подарком свыше и соответственно относиться к нему. А то сейчас все так планируется, прямо как в инкубаторе, никаких сюрпризов. А тогда все было с сюрпризами.

Например, мое появление на свет было цепью событий, среди которых были и случайные, и такие неслучайные, которые могли привести к совершенно иному результату.

Семнадцатого марта пятьдесят девятого года родители отмечали десятилетие со дня их свадьбы.

Саму свадьбу десять лет назад отметить как следует не удалось — не было денег, не было условий. Тогда гостей вместе с молодоженами было девять человек, собрались все в комнатке, на двенадцати квадратных метрах, на столе было свое «вино», выпили его, и жених тут же отключился — уснул то ли от выпитого вина, то ли от усталости и волнения.

Теперь, через десять лет, родители жили в своей квартире, хотя и маленькой (получалось пять квадратных метров на человека), но по тем временам все равно достижение. Они преподавали в университете, были уважаемыми людьми и зарабатывали достаточно, чтобы раз в десять лет позволить себе «шикануть». Так что в этот раз все должно было быть совсем по-другому. Оно и было по-другому. Во-первых, гости. Коллеги, соседи друзья — всего тридцать человек. Приехали мамы родители и мама отца (его отец, мой дедушка, умер во время войны в блокадном Ленинграде). Бабушка Ева, мама отца, будучи непревзойденным кулинаром, собиралась не просто всех накормить, а сразить наповал своим искусством, конечно, не в прямом смысле. Об этом бабушкином искусстве в нашей семье ходят легенды. Сам я, как обычно, ничего из ее произведений не помню, кроме халы и бульона с «мондалами» (так мы называли мандалах — такие маленькие обжаренные кусочки теста), это было очень вкусно. Так что гостей ждал настоящий пир, какой и произошел, как я уже сказал, семнадцатого марта пятьдесят девятого года. Семнадцатое марта, вообще, особенный день в нашей семье, в двадцать седьмом году в этот день родилась мама, в сорок девятом — мама

с отцом поженились, а еще в восьмидесятом родилась моя дочь, тоже Аня. Но и это, как я узнал совсем недавно, еще не все. Так вот, пир удался. Тридцать человек разместились в комнате площадью восемнадцать квадратных метров, туда же поместился стол, за которым они сидели и отведывали бабушкины блюда, там же они умудрялись еще и танцевать. Я, кстати, в этой квартире потом жил лет десять, так что я отлично представляю себе эту «залу», только не могу представить, где они там все танцевали. Танец, видать, был не гопак. Когда праздник подошел к концу, усталые гости разошлись, а хозяева и приехавшие родственники стали укладываться спать на тех же восемнадцати метрах. Гостям, как положено, были предоставлены лучшие места, а «молодым» — что осталось. А осталось небольшое место за диваном, около стены, на полу, где родители и разместились и где, как потом выяснилось, и был дан старт моей жизни.

Узнав о беременности, мама решила, что рожать не будет: куда еще детей, когда и с двумя-то так тяжело. Но у отца было другое мнение на этот счет — он вообще хотел большую семью, а уж сына — тем более, а вдруг как раз сын! Отец долго уговаривал маму, но безуспешно. «НАДО», похоже, своей роли в этом вопросе не видело и тихонько стояло в стороне, наблюдая родительские дискуссии на тему «надо — не надо маме рожать». В конце концов отец стал умолять маму, стоя на коленях. Видимо, этот аргумент маму убедил, а может, стоящее рядом «НАДО» так впечатлилось, что стало потихоньку теревить маму за локоть и шептать «надо», не знаю,

в любом случае третьего декабря пятьдесят девятого года я родился.

Вот так ненавязчиво я сообщил, когда у меня день рождения. Именно так сделал в свое время Василий Иванович Барабаш, бывший пианистом-аккомпаниатором у девушек — гимнасток университетской команды, в которой и я тоже тренировался, будучи студентом. Как-то, аккомпанируя очередному вольному упражнению, Василий Иванович рассказал мне и моему другу и коллеге по команде Рустаму историю, произошедшую с ним во время войны. Именно так — Василий Иванович рассказывал нам историю, не переставая аккомпанировать на фортепьяно, он был замечательным пианистом. История была о том, как однажды Василию Ивановичу выпала честь аккомпанировать самой Шульженко¹: что-то случилось с ее аккомпаниатором, и Василий Иванович его заменил. В середине рассказа, не помню уже почему, Василий Иванович между делом сообщил, что у него день рождения то ли первого, то ли двадцать третьего февраля, точно я не запомнил. Когда он закончил свой рассказ, одновременно с окончанием аккомпанемента, он спросил нас: «Ну, так вы запомнили, когда у меня день рождения?» Я, как видите, не запомнил, внезапное осознание того, что я знаком с человеком, аккомпанировавшим самой Шульженко, вытеснил все остальное содержание рассказа.

¹Клавдия Ивановна Шульженко — известная советская певица, давшая сотни концертов на фронте. Именно в ее исполнении появились такие песни, как «Синий платочек», «Давай закурим» и другие.

Когда отец узнал о результате проведенной за диваном ночи, **«он обрадовался и несколько дней и ночей убеждал, умолял меня сохранить ребенка. Разве я могла отказать в этом своему любимому супругу?! А ведь уже после рождения первой дочери (роды были тяжелыми, долгими, с осложнениями) я твердила, что других детей мы будем усыновлять. Но муж иногда действовал на меня гипнотически, и я ему говорила в таких случаях: „Я бедная муха, попавшая в твою паутину“».**

За свое согласие мама была вознаграждена: роды были легкими, чего мама никак не ожидала, а уж когда сказали, что родился мальчик, она вообще не поверила и потребовала предъявить «доказательства».

Так что у родителей было уже трое детей. Не буду рассказывать обо всех делах и заботах, связанных просто с наличием трех детей, конечно, их было немало, но такие проблемы были у всех. Кстати, я провел свое детство в доме, где жили преподаватели того же института, примерно двадцать семей, и, кажется, только в одной был один ребенок, во всех остальных — по два или три, тогда это было нормально.

С моим здоровьем родителям тоже пришлось несладко, у меня выявили паховую грыжу. Не знаю, в чем там проблема, и не помню, конечно, было ли мне больно, но название мне не нравится. Из рассказов мамы знаю, что боли были постоянные, я все время плакал, родители каждую ночь по очереди носили меня на руках, боли не проходили. В конце концов врачи поставили этот диагноз и еще сообще-

ли, что сделать ничего нельзя, помочь может только операция, но ее можно делать после трех лет. А мне было всего три месяца! И опять вместо отчаяния — поиск решения и кропотливая длительная работа. Народная мудрость гласила, что помочь может свекольный сок. Однако другая мудрость (возможно, и не народная, не знаю) говорила, что давать свекольный сок такому маленькому ребенку опасно. Поэтому решение было давать, но очень постепенно, оценивая мое состояние и результаты. В течение нескольких месяцев, день за днем, мама неустанно давала мне этот свекольный сок, начав с одной капли и доведя до чайной ложки. И все сработало, все боли прекратились. Так мама спасла меня от операции — она уже была не нужна — и еще неизвестно от каких ее последствий. Грыжа исчезла бесследно, и я при памяти ее уже не застал и не помню. Хотя след она все-таки оставила: до совсем недавнего времени я не любил свеклу, даже смотреть на нее не мог.

Аспирантура

С тремя маленькими детьми маме явно было чем заняться, даже если бы она вообще не работала. Но у отца были другие взгляды на мамину занятость — он ни за что не хотел, чтобы мама «перебивалась» на вторых ролях в профессиональной жизни, и уже обдумывал следующий этап.

В шестьдесят втором году мне было два года, Люсе — шесть, Наташе — десять. В этом году маме предстояло новое испытание. Я говорю «маме», хотя, конечно, все испытания были для них с отцом общие. Но, как я уже говорил, для отца все испытания были шагом к счастливому будущему, поэтому он на них шел с радостью, а мама, хотя осознавала необходимость этих шагов и делала их, подталкиваемая вечным своим спутником «НАДО», все же тяжело переживала все сопутствующие проблемы. В этом году маме исполнялось тридцать пять, а это был крайний возраст для очной аспирантуры. Поэтому отец настаивал, чтобы мама поехала поступать в аспирантуру в Ленинград с конечной целью написать и защитить кандидатскую диссертацию.

Здесь, наверное, надо пояснить, что написание в те далекие шестидесятые — да и во многие предыдущие и последующие годы — кандидатской диссертации было большой научной работой. Это был серьезный шаг, на который надо был решиться, понимая, что впереди не только огромный, длительный — не менее трех лет — труд, но и вся последующая жизнь, связанная с наукой. Я уже не говорю, что для этого надо было иметь неплохие мозги, высшее образование (не просто диплом, а ОБРАЗОВАНИЕ!) и хоть какой-то научный задел. Это было серьезным шагом, возможность которого выпадала немногим и на который не каждый из этих немногих решался.

Небольшое отступление об образовании

Я не знаю, как это выглядит сейчас, но я помню время в девяностых, когда получение научной степени было лишь вопросом денег. В те годы я работал в коммерческом банке и получал неплохую зарплату, хотя она была очень далека от того, что себе представляли тогда люди при слове «банкир». Однажды ко мне пришел Миша, мой знакомый, он был лет на пятнадцать старше меня, серьезно занимался наукой, кажется, был кандидатом или даже доктором наук. Мы не были близкими друзьями и до этой встречи не виделись довольно долго. Так вот, приходит он ко мне и спрашивает, не хочу ли я написать кандидатскую диссертацию, используя наличие у меня образования и практики в двух совершенно разных областях, программировании и уголовном праве, что может дать интересный научный результат. Эта мысль была для меня не нова, поскольку я к тому времени уже написал и защитил свою дипломную работу на юридическом факультете на тему «Использование компьютерных информаци-

онных систем в работе правоохранительных органов». Однако вопрос со своей возможной научной деятельностью я решил давно и не в пользу последней. Еще в начале восьмидесятых, во время моей учебы на физико-математическом факультете, а затем работы там же в вычислительном центре, был такой план у моих научных руководителей, я должен был поступить в аспирантуру в Москве и даже, кажется, сдал один кандидатский минимум — что-то типа вступительных экзаменов. Однако поразмыслив на эту тему серьезно, я решил, что заниматься наукой вряд ли захочу, а поэтому не стоит и начинать такое серьезное дело, которому надо посвящать всю жизнь или не начинать вообще. Вот такое тогда было серьезное отношение к науке. Поэтому, когда Миша предложил мне писать диссертацию, мне не надо было даже думать, я отказался. Но я спросил у Миши, почему он вдруг решил мне это предложить. Из его объяснений я постепенно уяснил себе ситуацию: экономические проблемы перестройки практически утопили научное развитие, лишив его не только финансирования, но и престижа. Кандидаты и доктора наук не только не могли своими зарплатами прокормить семьи, они вообще перестали быть востребованы, в том числе и в высшем образовании. Многие из них просто пытались выжить, в том числе продавая свои научные знания и таланты «денежным мешкам», которые полагали, что, приписав в своей визитке «доктор экономических наук», они получают преимущество перед своими соперниками в забеге за звание «Самый умный, обаятельный и привлекательный».

Вступили в действие рыночные механизмы «ближнего боя»: высшему образованию, как и любой другой отрасли, не хватало финансирования, приходилось «продавать» те услуги, за которые потребитель готов платить. Родители студентов готовы были платить не за то, чтобы их дети стали образованными людьми научной сферы (боже упаси, перед их глазами уже было достаточно примеров обтрепанных, а иногда и просто голодных доцентов и даже профессоров), а чтобы они получили дипломы юристов или экономистов с последующим трудоустройством где-нибудь в банке или, на худой конец, в страховой компании. Ученые и классические преподаватели того времени, попавшие под это перестроечное колесо, стали не нужны, а нужны стали те работники вузов, которые смогут организовать такой вот коммерческий поток. Вопрос о том, насколько действительно образованными, интеллигентными будут выпускники таких вузов (например, насколько соображения долга перед законом и обществом будут мотивом в принятии решений, возможно, будущего судьи или прокурора), уже никого не волновал, орудия «дальнего боя» стали не нужны ввиду отсутствия таковых целей.

Кстати, весь этот процесс перерождения прошел на моих глазах: я был студентом и в «застойные годы», когда учился на физико-математическом факультете, и в годы начала перестройки — на юридическом. Контраст был настолько поразительным, что я долгое время не мог уяснить правильный подход к учебе на юридическом факультете. В конце концов я его уяснил: надо просто пом-

нить, что твоя единственная цель обучения — диплом. В принципе, это соответствовало моему случаю, но настолько было непохоже на мое представление об учебе в университете, что я долгое время не мог усвоить эту очевидную истину того времени.

Я слишком хорошо помнил предыдущую свою учебу в семидесятых на физико-математическом факультете. Нас обучали преподаватели, абсолютно преданные своей науке, искренне желавшие зародить в нас интерес и передать все свои знания, не проявлявшие ни капли высокомерия или несправедливости по отношению к нам. Между прочим, между ними шла настоящая конкуренция — каждый хотел «затащить» в свое направление наиболее способных студентов. Все это происходило в атмосфере настоящего творчества, это были отношения будущих коллег. О непрофессионализме преподавателей не могло быть и речи — они были просто ассами в своей науке и настоящими наставниками.

Все изменилось за какие-то восемь лет. Правда, и на юридическом факультете я встретил преподавателей, по-настоящему знающих свой предмет и преданных своей работе, стремящихся не просто передать знания, а вызвать интерес и глубокое понимание предмета, но это уже были единицы. Конечно, это был юридический факультет, уже не столько наука, сколько практика, и я учился на заочном отделении, так что некоторые отличия вполне естественны. Но не до такой же степени.

У нас был преподаватель — из молодых и, видимо, перспективных, фамилии его не помню, что-то на букву «М», кажется. Так вот, этот М. в свои моло-

дые годы был уже кандидатом юридических наук, хотя находился, похоже, в самом начале своего профессионального пути. Он вел у нас что-то из уголовного права или процесса, а еще он преподавал нам психологию. Почему он преподавал психологию, я не понял: в университете была кафедра психологии, вполне можно было пригласить преподавателя оттуда. Причем М. преподавал не судебную психологию (что можно было бы хоть как-то объяснить, хотя на кафедре психологии были специалисты и в этом направлении), а общую. И он совершенно ничего не знал. Я сам не специалист в психологии, хоть и сын психологов. Но все же я кое-что читал из библиотеки родителей, а также изучал общую психологию на физико-математическом факультете и даже сдал на отлично экзамен, причем не кому-нибудь, а самой Лидии Павловне Колчиной, для которой тот факт, что ты сын психологов и даже ее наставников, не играет никакой роли, а значение имеет только, что ты знаешь и понимаешь в психологии, если вообще что-нибудь понимаешь. Так вот, я сдал ей экзамен на пять и с уверенностью мог сказать, что М. просто пересказывал нам прочитанное из учебника, скорее всего не очень вдаваясь в смысл произносимого и, как показали дальнейшие события, не всегда даже его понимая. Впрочем, ему это было и не нужно: студенты-заочники вопросов не задают, особенно по таким «посторонним» предметам, зато статус специалиста в столь изысканной науке придавал ему в собственных глазах еще больше значимости и еще больше поднимал его представление о своей исключительности на и без того

недосягаемую для его коллег, молодых преподавателей, высоту. Это было видно невооруженным глазом: М. усвоил соответствующую манеру поведения и мимику. Разговаривая со студентами или просто ведя занятие, он принимал вид человека, хотя и говорящего с вами, но одновременно сосредоточенного на чем-то своем, более существенном, недоступном для понимания собеседника. При этом был вежлив, не выпендривался своим несомненным превосходством, понимал, что столь высокий взлет доступен лишь редким людям, и был снисходителен к тем, кому не достался такой дар. Постоянно немножко рассеянный в своей задумчивости о высоком, он благосклонно спускался до темы собеседника, не расставаясь все же со своими мыслями полностью. Он настолько усвоил и отрепетировал этот имидж, что, возможно, многие в него и верили. Это все потому, что они не бывали у него на занятиях по психологии. В конце семестра и всего краткого курса психологии М. диктовал нам вопросы для экзамена. Все старательно записывали, ибо наличие вопросов сужало объем необходимого к прочтению материала. В связи с этим последнее занятие было более многолюдным, чем обычно. Кроме того, есть надежда, что преподаватель тебя заметит и запомнит, как посетившего все занятия до последнего. Именно по этой, видимо, причине я пришел в свое время, будучи еще студентом физмата, на последнюю лекцию по топологии. Топологию я не любил, поскольку не понимал. Она мне казалась очень скучной наукой — а что может быть интересного в науке, в которой ты ни черта не смыслишь? И как ты

можешь что-то понимать в науке, на лекции по которой не ходишь? И чего на них ходить, если так неинтересно? Такой вот замкнутый круг, не давший мне возможности регулярно посещать лекции по топологии. Но почему-то я оказался на последней. Лекции читал Анатолий Александрович Грызлов, бывший к тому же и деканом нашего факультета. Закончив тему последней лекции, Анатолий Александрович сказал: «Вот это все, что я хотел рассказать вам в этом курсе». Повернувшись к доске и стирая графики последней темы, он продолжил: «А сейчас я хотел немного поговорить с вами о самом предмете топологии». Сидевший рядом со мной однокурсник громко сказал: «Ну, наконец-то!» Анатолий Александрович, думая, что это сказал я, повернулся и ответил: «Ну, конечно, Горфункель, если приходите только на последнюю лекцию, вам все в новинку будет». Посещение последней лекции мне не помогло — топология оказалась единственным предметом в моей учебе на физмате, который мне пришлось сдавать дважды, и шутка соседа по парте тут ни при чем — я действительно ничего не знал, попытался проскочить на халяву, но не вышло. И это на самом деле было совершенно невозможно, несмотря на то, что на экзамене можно было пользоваться любыми учебниками. Так, кстати, делали большинство наших преподавателей — они проверяли не нашу память на формулы и теоремы, а то, насколько глубоко мы это понимаем. Как я уже говорил, это была плеяда замечательных преподавателей, настоящих профи, относящихся к нам с интересом и уважением, и Анатолий Александрович был одним из них. Так

что пришлось учить. Учил, даже начало нравиться, но такую вещь, как топология, за неделю не осилишь, особенно если с нуля. Так что пересдать смог только на три. Тогда мне нисколько за это не было стыдно, зато сейчас, когда все это вспомнил, стало. Надеюсь, Анатолий Александрович меня простил.

Так вот, возвращаясь на последнее занятие по психологии на юрфаке: М. диктовал вопросы, а мы внимательно записывали. Очередной вопрос прозвучал так: «Нонконформность». Именно так, а не «нонконформизм», как можно было бы ожидать. Впрочем, никто ничего и не ожидал, а сидящий рядом со мной Андрей громко спросил: «А что это такое?» М. отреагировал: «Вы должны это знать». Андрей сказал: «Но я не знаю, мне же надо знать, о чем я должен прочитать. Скажите, что это означает» — и даже добавил «пожалуйста». М. снисходительно улыбнулся и парировал: «Вот вы будете готовиться к экзамену и узнаете». Я знал, что означает «нонконформизм», но я уже понял, что М. не знает, и мне было интересно, как он вывернется, поэтому я наблюдал за попытками Андрея. Сидящая с другой стороны Лена, которая всегда записывала все лекции, лихорадочно листала свою тетрадь в тщетных попытках найти это слово, но безуспешно. Андрей жалобно пропел: «Ну хоть намекните». И М. снизошел. Утонченно склонив голову в приступе снисходительности и доброты, наш юридический гусь сообщил: «Это означает „неудобство“» — и сделал загадочную паузу, демонстрирующую, что отсутствие прямой видимой связи между понятием и разъясне-

нием — лишь намеренно оставленное им пространство для воображения, чтобы заставить недалекого слушателя хоть немного помыслить. Андрей понял всю свою никчемность в этой жизни и решил больше не отнимать драгоценное время «профессора». А я задумался: почему он сказал именно «неудобство»? Ведь не зная ответа, но желая что-то ответить тому, кто тоже его не знает, можно было выдать что-то более причастное к психологии — типа «слюна собаки Павлова», даже не разбираясь, о чьей там слюне идет речь, или, на худой конец, просто что-нибудь известное и бесспорное — типа «Гитлер капут». Но он сказал «неудобство», и я сначала подумал, что, возможно, у него просто случился припадок произвольной неосмысленной речи. И только позднее я понял: он решил, что «конформизм» имеет общий корень со словом «комфорт», а значит, «нонконформизм» — это отсутствие комфорта, то есть неудобство! Железная логика. Мог бы проявить еще чуть-чуть творчества и перевести это как «удобства во дворе». Вот такое у нас было явление, напоминавшее мне, что это не физмат, а за окном не 70-е годы.

А теперь я попробую найти путь обратно и вспомнить, почему я вообще пришел к этой теме и о чем вообще собирался сказать. Ну да, коммерческие услуги научных сотрудников, оставшихся не у дел и без денег во время перестройки, обесценившиеся научные труды и диссертации в 90-х, деградация высшего образования, «а вот в наше время», высокие требования к научным работам у поколения нашего и наших родителей — мама собирается в аспирантуру. Точно, в этом месте я отклонился. Возвращаюсь.

Аспирантура.

Продолжение

Итак, отец настаивал, чтобы мама трех детей, младшему из которых — мне — всего два года, оставила бы всех на два года и поехала бы в Ленинград, чтобы учиться в аспирантуре, написать диссертацию и получить степень кандидата наук. Кстати, отца в этом поддерживал и директор института Бабин, относившийся к моим родителям с большим уважением. Он пытался стимулировать маму профессиональными перспективами, говоря «**к вашему возвращению из аспирантуры разделю кафедру** (тогда была кафедра психологии и педагогики) **на кафедру психологии и кафедру педагогики** (отец всегда хотел этого), **если вы согласитесь быть ее заведующей**». Тогда болезнь Бабина помешала этим планам. Хотя как стимул для мамы эти планы и не работали — она не хотела быть заведующим кафедрой и вообще никогда не хотела быть никаким руководителем.

Еще решение родителей о мамином отъезде в аспирантуру поддерживали ее родители и мама отца, не только поддерживали, но и обещали

помощь. На этом список «поддержантов» исчерпывался. Основная масса знакомых, соседей и коллег не то чтобы были против (их к голосованию и не приглашали), но были страшно удивлены: «Как? Оставить трех маленьких детей?» Такого же мнения придерживались и в аспирантуре в Москве, куда первоначально планировалось мамино поступление: «Трое маленьких детей?! Какой может быть результат!» Но в Ленинграде профессор Е. Я. Голант думал по-другому и взялся руководить маминой научной работой.

В общем, мама опять согласилась. И опять не просто согласилась, а считала это правильным, потому что НАДО. Это действительно было надо — и для того чтобы развиваться профессионально, на одном уровне с отцом, не оставаясь на вторых ролях, да и для материального достатка тоже.

И опять все пошло по уже отработанному сценарию — твердое решение «надо!», а потом слезы и мысли «как я могла». *«До сих пор (2008 г.) у меня перед глазами одна из картинок: малыши Лева с Люсей, держась за руки, со слезами на глазах провожают меня, а я сажусь в автобус, стараясь улыбнуться им, а на сердце... Но „нужно“ — этот мотив всю жизнь был на первом месте, все больше сочетаясь с „могу“ и „хочу“.* Травма для нас, детей, видимо, была такая сильная, что даже я, практически ничего не помнящий не то что из детства, а даже из совсем недалекого прошлого, эту сцену запомнил: мы с Люсей проводили маму на автобус двадцать второго маршрута у «Блинки» и идем обратно, держась за руки, и режем. Мне было всего два года. Я

сам не считаю себя большим фанатом детей, хоть их у меня целых четыре, я далеко не так сильно на них сосредоточен, как, наверное, средний родитель. Но даже я, когда недавно уезжал на месяц, по ним соскучился. И это притом что им не два года, младшему уже было двенадцать, и я не уверен, что они вообще заметили, что меня не было. Так что представляю себе, каково было маме оставить трех таких маленьких.

«Ссылка» в Ленинграде проходила уже гораздо лучше, чем в Сыктывкаре. Во-первых, родной уже город. Во-вторых, родной человек «мама Ева» — мама отца, другие родственники и друзья. Все лето — каникулы с семьей в Гжатске. К тому же профессор Голант посреди учебного года отправлял маму в командировки в Ижевск для сбора материала. А если прибавить к этому постоянную заботу отца — он постоянно советовал и помогал маме профессионально, а также рапортовал о своих успехах в воспитании детей и ведении хозяйства, поддерживая мамин оптимизм и не давая ей захандрить, то это уже получается и не ссылка, а практически санаторий с защитой диссертации в качестве финального банкета. Шучу, конечно, все было непросто, и с диссертацией тоже, работы было много, были и неудачи, и разочарования. Было даже желание все бросить, когда мама обнаружила, что в это же время кем-то из ее коллег проводилась работа на очень похожую тему. Но отец и «надо» всегда были рядом с мамой, а против такой компании никакие трудности не устоят. Так что все закончилось хорошо, мама успешно защитила диссертацию. Банкет, кстати, как

полагается, тоже был. Тогда мало у кого были деньги на банкеты в ресторанах, так что банкет состоялся дома. Для этого соседка предоставила свою комнату, она у нее была больше — двадцать восемь квадратных метров! — против маминых двенадцати. И было тридцать человек на банкете — не знаю, как они там уместились, видать, танцев в программе не было. Но такой повод — успешное окончание длительного трудного периода, тут и теснота не мешает радоваться. Было много похвальных речей и тостов в мамин адрес, но сама мама мало что из этого помнит: волнение, усталость, и, наконец, финиш и скорое возвращение домой позволили не концентрироваться на заслуженных хвалебных речах, а просто хоть немного расслабиться, она это заслужила. Вечный спутник «надо» стоял незаметно рядом и, похоже, уже планировал следующие испытания.

Семья

Последующие годы были временем расцвета профессиональной деятельности родителей, поэтому на нас, детей, времени оставалось не так много. Однако потребности в том, чтобы семью одеть и накормить, никто не отменял, и все это лежало на маме.

Время же было еще то — самый расцвет социализма, когда «от каждого — по способностям, каждому — по его труду». Не знаю, откуда по замыслу отцов этой прогрессивной формулы должны были появиться продукты в магазинах, но их не было. Нет, какие-то все же были, я думаю, многие люди моего возраста и старше помнят эти пирамиды из консервов, выложенные в холодильных витринах. Причем «пирамиды» означает не разнообразие консервов, а лишь большое число одних и тех же банок, составленных в правильную геометрическую фигуру, как правило, в равнобедренный треугольник. Глядя на них, граждане могли, например, оценить устойчивость правильных фигур или вспомнить о египетских пирамидах. Почему банки надо было держать в витринах с охлаждением, я не знаю — они же кон-

сервы, но предполагаю, что в соответствии с теорией справедливого общества магазины должны были ломиться от колбасы, мяса и молока, которые и должны были красоваться в холодильных витринах, побуждая вечно сытых граждан купить еще небольшой кусочек сервелата на вечер. Но что-то в процессе пошло не так, и вместо этого голодные граждане рыскали по магазинам в надежде чего-нибудь достать. Это слово «достать» стало символом того времени и означало купить что-то, чего просто так в магазине не продавали. А поскольку практически ничего хорошего в магазинах не было (его либо не было вообще, либо до магазинов оно не доходило), все люди мечтали об одном и том же — «достать чего-нибудь». И для того чтобы просто нормально питаться, надо было доставать еду. И родителям — а в основном маме — приходилось этим заниматься, тратя немислимое количество времени на поиски, а затем на стояние в очереди. С учетом нагрузки в институте, а также иных прочих профессиональных нагрузок (родители не только преподавали, но участвовали во многих других направлениях деятельности, связанных с педагогикой и психологией) я даже не могу себе представить, как ей это удавалось. И как она носила все эти сумки и сетки, особенно с рынка, куда даже автобусы не ходили, не знаю. Но она делала это много лет. В этом, однако, были и свои плюсы: стараясь уменьшить эту непомерную нагрузку, родители поручали нам ежедневные стояния в очередях и мелкие покупки, и я уже в четыре года самостоятельно ходил в наш хлебный, при этом не только покупал там продукты по списку, но еще

и говорил продавцам, сколько мне положено сдачи. Попробовало бы нынешнее поколение так, я имею в виду не детей, а родителей. У кого есть ребенок четырех лет, попробуйте себе представить, что вы его послали одного в магазин. Вообще, «доставание» продуктов в то время было отдельной большой темой для всех. Этому уделялось много времени и сил — не только в самой «добычке», но и в разговорах. Самой обычной темой разговора тогда было «где что выбросили» и «кто что достал». «Выбросили» означало не уничтожение продукта, как можно было бы подумать сегодня, а, наоборот, доведение его до потребительских масс путем продажи в магазине. Но это редкий способ «доставания» хороших продуктов, в основном их в магазинах не было. Главным способом добычи был блат — такой механизм, при котором имеющиеся в небольшом количестве блага, включая продукты питания, распространялись по принципу «ты — мне, я — тебе». То есть чтобы достать, например, продукты, надо быть человеком, который и сам может что-то предложить. В принципе, не так уж несправедливо. При такой схеме блат практически заменял деньги, принимая на себя функцию перераспределения. Единственным принципиальным отличием блата от денег являлось то, что блат не эмитировался и не регулировался государством, поэтому в результате таких сделок в дураках оставалось именно оно. А также те, кто по каким-то соображениям не хотел или не мог пользоваться блатом. Например, по соображениям этики, для которой аргумент «все так делают» ничего не решает. Наши родители были классическими представителя-

ми этой группы. Оба. До такой степени, что даже когда государство установило различные льготы для инвалидов войны (официально!), отец никогда этим не пользовался, если рядом были люди, у которых не было таких привилегий. То есть, например, он не отказывался от проездного билета на общественный транспорт, как инвалид войны, но он никогда не покупал что-то без очереди, я и сам не могу себе представить отца, размахивающего перед покупателями удостоверением инвалида войны и требующего обслужить его первым. Мама тоже предпочитала не пользоваться привилегиями, хотя отцу это было проще — он же не занимался доставкой продуктов ежедневно. А мама занималась. Эта мысль — чем накормить — оставалась в ее мыслях постоянно, вместе с планированием лекций, практических занятий, общественной деятельностью, здоровьем детей и еще кучей других забот, и все это не разовые мероприятия, а ежедневная рутина без видимого конца. Иногда бывали моменты, когда мама просила отца воспользоваться своим правом покупок без очереди, но отец был непреклонен. Из этого можно было бы заключить, что, будь у мамы такие привилегии, она бы непременно воспользовалась. Но лично я в этом сомневаюсь, одно дело — просить кого-то, другое дело — сделать это самому, а мама, вспомним, была с детства воспитана на девизе «„Я“ — последняя буква алфавита» и прочих идеологических лозунгах того времени. Впрочем, однажды мама решилась. В те времена она часто и много ездила по Удмуртии с лекциями по психологии для разных трудовых коллективов. Это были долгие, отнимающие много вре-

мени и сил поездки, мама не очень их любила, но приходилось — ведь это было поручение по работе, исходящее от ее непосредственного начальника, заведующего кафедрой, которым был отец. Поездки отнимали время, в том числе и от добывания продуктов. И вот однажды маму пригласили в Воткинск, очень хотели послушать ее лекцию. Мама стала отказываться, но организаторы были очень настойчивы и продолжали ее уговаривать. И тут мама, лектор по совершенно новой прогрессивной тематике о роли психологии в семье и воспитании, говорит: «Я не могу поехать, потому что заняла тут очередь за курами, так что мне надо ждать...» Надо ли говорить, что организаторы тут же пообещали маме сколько угодно кур, лишь бы она поехала. Мама поехала, кур действительно дали — принесли прямо перед обратной дорогой целых пять штук. При этом дорога и лекция заняли меньше времени, чем мама стояла бы в очереди, да еще с неизвестным результатом: ведь кур могли и не «выбросить». Так что мама однажды воспользовалась блатом, хотя бы в такой нетрадиционной, профессиональной форме. Но это был редкий, если вообще не единственный, случай. Поэтому родители, которые, в общем-то, неплохо зарабатывали — оба кандидаты наук, доценты, а отец еще и заведующий кафедрой, постоянно испытывали недостаток денег, ведь все, что они покупали на общих основаниях, обходилось гораздо дороже, чем если бы по благу. Кроме того, отец, строя будущее семьи, не очень заботился о финансовой основе такого строительства. Наверное, так и надо, если будешь просчитывать свои возможности

на каждом шагу — вообще не сдвинешься с места, и отец все время покупал необходимые для процветания семьи вещи. Одной из основных статей, постоянно разрушающих бюджет, были запчасти для машины. Я сколько себя помню, машина у нас была всегда, хотя понятно, что когда-то ее не было, просто я этого не помню. Отец очень любил машины, в первую очередь, я думаю, даже не столько за то, что они ему, инвалиду, существенно помогали, просто кардинально меняли его жизнь, давая возможность передвигаться на длинные расстояния, сколько за столь дефицитное ощущение свободы, которая в данном случае принимала форму свободы передвижения. Я так думаю, потому что я и сам всегда любил водить машину и связывал эту любовь именно с ощущением свободы, которой нам всем так не хватало в период развитого социализма. Впрочем, видимо, не только за это — сейчас мне свободы хватает, а машину водить все равно люблю. Машины у нас были в разное время разные, я помню две последние — «запорожец-965» и «москвич-408». Первый достался отцу, как инвалиду войны, и очень напоминал настоящую «инвалидку» — так называли существовавший тогда механизм с мотоциклетным мотором, похожий на инвалидное кресло с крышей, четырьмя колесами и рулем, так что при определенной фантазии его можно было назвать машиной. «Запорожец-965» недалеко ушел от этого предка, но все же звук его двигателя уже не напоминал мотоцикл, поэтому это все-таки была машина. Хотя она стояла в нижнем ряду машин из-за расположения мотора — он был сзади, и я помню, что какое-то вре-

мя я испытывал неудобство перед товарищами. Отец легко избавил меня от этого чувства, начав учить водить машину, мне было 7 лет. Я сразу же влюбился в вождение, а заодно и в саму машину. Отец тоже любил машины, поэтому покупал для них все, что было нужно. А нужно было много и часто, они ломались просто с завидным постоянством, как будто специально были сделаны для этого. Еще одно преимущество социалистического строя было налицо: если гнивающим капиталистам, для того чтобы получить с трудящегося деньги в сумме стоимости «мерседеса», надо было этот «мерседес» как минимум произвести, то у нас этим не заморачивались: достаточно было всучить трудящемуся «Запорожец» или, на худой конец, «Москвич», и вскоре общая сумма затраченных им на ремонты и запчасти средств приблизится к «Мерседесу», хотя при этом «Запорожец» останется «Запорожцем». Вот так вот, уметь надо, господа капиталисты, с «мерседесом»-то каждый дурак сможет. Так что расходы на содержание машины били по семейному бюджету существенно, оставляя все меньше средств на необходимые расходы, в том числе на продукты. А однажды отец купил «москвич», это была последняя его машина. Ему, как инвалиду, был положен очередной «запорожец», теперь уже более усовершенствованной модели, основным отличием которой от предыдущей было отсутствие «горба», что должно было убедить окружающих, что это все-таки машина. В остальном это было все то же недоразумение. А отец хотел хорошую машину. Вот он молодец — хотел и купил. То есть он жил СЕЙЧАС, чему большинство людей не могут

научиться за всю жизнь. Поэтому родители поднапряглись (а хорошая машина инвалидам не полагалась — действительно, зачем инвалиду войны давать хорошую машину? Надо было покупать за полную стоимость) и купили эту хорошую машину, которая была, несомненно, лучше «запорожца», хотя это больше характеризует «запорожец». Будучи более дорогой машиной, «москвич» и требовал больше. Когда в семье не хватало денег на продукты, отец просил маму занять у кого-нибудь, сам он не мог просить. Неспособность просить помощи — качество, очень осложняющее жизнь. Я унаследовал его от отца и знаю об этом не понаслышке. Причем зачастую ты не просишь помощи у людей, которым на самом деле совсем не трудно тебе помочь, и, более того, они будут рады этому. Но вот такое качество, ничего с этим не поделаешь. У меня есть свой личный опыт в этом вопросе и даже рекомендации по этому поводу, расскажу как-нибудь в другой раз.

Отец тратил деньги не только на машину, благодаря которой мы испытали в нашем детстве массу радостей — от поездок за грибами до дальних путешествий в Гагарин и Ленинград, не говоря уже о моей радости вождения. Еще были его увлечения, например, фото- и видеосъемка, которые оставили нам на память огромное количество фотографий, ставших сейчас самыми дорогими воспоминаниями. Были и другие траты — книги, мастерская и много еще чего. Так что маме приходилось занимать в долг, чтобы сводить концы с концами и более-менее сносно кормить семью. Эту задачу — чтобы семья была накормлена — мама усвоила от своей свекрови, кото-

рую она называет своей второй мамой, моей бабушки Евы, которая пережила ленинградскую блокаду и точно знала, что такое голод. Так что маме еще и приходилось просить в долг, что для нее было делом крайне неприятным. Но надо. Всегда это «НАДО». Впрочем, это все были текущие проблемы, ставшие просто нормой, рутиной жизни.

На маму ложились и практически все другие «текущие» проблемы, включая и детей — школьников, которые сами по себе проблема, не говоря уже об их учебе. Могу себе представить, какво было маме выслушивать замечания от учителей, которые еще недавно сдавали маме экзамены, ведь они все вышли из пединститута, где родители работали. Впрочем, здесь, я думаю, маме повезло. Замечаний было не так уж много, и к тому же была Люся, наша средняя сестра, которая являлась образцом социалистического школьника, практически всегда училась на пять, делала все уроки и даже записывала в тетрадь фамилии одноклассников, нарушающих школьную дисциплину. Учителя захлебывались в похвалах, и это было, наверное, маминым единственным отдохновением.

Я и Наташа не могли похвастаться такими достижениями, хотя наша учеба не доставляла родителям беспокойства: мы оба учились вполне сносно, а родители вовсе не считали, что надо быть отличниками. Правда, мы доставляли другие проблемы, и разбираться с ними приходилось в основном тоже маме. Даже не представляю, как у нее еще и на это хватало времени и сил. Правда, будучи профессионалом, мама действовала весьма эффективно. Напри-

мер, когда учительница жаловалась, что Наташа пишет на парте, мама не обещала: «Я ее накажу, и она больше не будет», как, очевидно, от нее ожидали, а говорила: «Оставьте ее после урока мыть парту, а я ей дам в следующий раз с собой лист бумаги — пусть рисует на нем». Самой учительнице эта сложная конструкция, видимо, в голову не пришла, вызвать родителей было в то время универсальным педагогическим приемом. Или например, учитель выговаривала маме, что Наташа все время отвлекается, и поэтому она, конечно же, пропускает весь материал. Тогда мама посоветовала в такой момент попросить Наташу повторить, что было рассказано на уроке. Учитель так и сделала и, к своему удивлению, обнаружила, что Наташа все слышала и запомнила. Самой запомнившейся маме проблемой с Наташей был открытый урок ее учительницы литературы, считавшейся одним из лучших учителей. На этот урок пригласили других учителей, мол, учитесь, как надо учить. Конечно, из самых лучших побуждений (чтобы лучше донести до молодых коллег искусство преподавания в школе) эта учительница урок подготовила. «Тебе, Маша, я задам этот вопрос, а тебе, Петя, вот этот, а вы ответите вот это» — все планировалось тщательно, и триумф был гарантирован. Но тут в дело вмешалась Наташа, чуть не испортив весь концерт. Несмотря на то, что литература была ее любимым предметом (она после школы собиралась поступать в театральный), готовящаяся показуха не давала ей покоя, она считала это неправильным и несправедливым. Я уже рассказывал раньше об этом обостренном чувстве справедли-

вности, переданном нам родителями, которое, подчас просто зашкаливая, становится решающим мотивом в тех или иных ситуациях, портя, так сказать, всю картину. Но с этим ничего поделаться нельзя, оно живучее, как глисты, и вылезает в самый неподходящий момент. Лично в моей жизни оно несколько раз сыграло просто решающую роль, развернув ее, жизнь, на сто восемьдесят градусов. Я даже однажды написал об этом качестве стих, в котором были слова «...и душит чувство справедливости души прекрасные порывы». Так вот, Наташе оно тоже было не чуждо, и она рассказала дома родителям о готовящемся обмане, добавив, что она этого не потерпит и в ходе урока встанет и скажет вслух, что все это подготовлено. Мама пришла в ужас, она стала просить Наташу не делать этого, но Наташа твердо стояла на своем. Тогда мама кинулась к отцу за помощью, но он, как и следовало ожидать, только сказал: «Ну и пусть скажет». Мама была в отчаянии, представляя, какой будет скандал, как она сама говорит, ей всегда было важно, «что скажет Марья Ивановна» (это выражение использовалось у нас в семье в качестве упрощенной реплики Фамусова¹). Спасение мама нашла, как всегда, в среднем варианте. Мама верит, что «истина посередине». В этом мы с ней расходимся. В большинстве случаев истину вообще не стоит искать и совершенно не важно, где она. Но в тех случаях, когда это важно, для меня средний вариант — самый плохой. Тут я весь в отца и тоже бы сказал:

¹ «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна» (Грибоедов, «Горе от ума») — символ зависимости от чужого мнения.

«Пусть скажет». Но мама этого допустить не могла, поэтому она стала уговаривать Наташу сказать все это учительнице, но не при всех, а наедине, сказать, что она, Наташа, считает это неправильным, но так, чтобы никто больше не слышал. В конце концов Наташа вообще махнула на это рукой — ведь одно дело разоблачить обманщицу прилюдно, выведя, так сказать, на чистую воду раз и навсегда, и совсем другое — предупредить ее, дав таким образом возможность обмануть в следующий раз. Так что скандала удалось избежать, а Наташа, наверное, сделала вывод, что не все стоит рассказывать родителям, иногда лучше «бить» без предупреждения. Поэтому позднее, когда у Наташи появился друг, а по прошествии достаточного времени они решили пожениться, Наташа обо всех этих событиях сообщила родителям в одном разговоре, включая скорую дату предстоящей свадьбы.

Со мной тоже, как оказалось, особых проблем в школе не было. Я никогда не был отличником, даже близко, но родителей это не волновало, меня, естественно, тоже. Что волновало родителей — это мое поведение. Точнее, оно волновало учителей, а те уже волновали этим родителей. Замечания о поведении записывались в дневник, который в конце недели должны были подписать родители, и, таким образом, правду было не скрыть. Дневник на подпись следовало нести отцу — таков был порядок. Но по рассказам мамы, я часто просил ее подписать, если были замечания или плохие отметки, и мама, не в силах отказать, подписывала. Я сам мало что помню о своем поведении в школе и до маминых рассказов пред-

ставлял себя достаточно спокойным, уравновешенным, средним школьником. Правда, один случай я все же помню. Когда меня перевели из двадцать четвертой школы в тридцатую для более глубокого изучения математики, я, будучи новичком в классе, на первом же уроке этой самой математики сполз вниз и прополз под партами всего ряда до последней, где сидела очень красивая девочка Юля, я представился ей и пополз в обратный путь, во время которого и был «схвачен» учительницей Ниной Ивановной. Нина Ивановна была «предметником», мое отклонение от нормы поведения пионера-ленинца ее не волновало, а волновало, что, пока я ползал под партой, я пропустил что-то важное в математике, о чем она мне, а заодно всему классу и сообщила. Я не расстроился — какая математика могла сравниться с Юлей! Да и Нина Ивановна бы, наверное, успокоилась, если бы знала, что после школы я окончу университет именно по отделению математики, так что я наверняка восполнил потерянные под партой знания. И кстати, с Юлей мы до сих пор друзья. Но этот случай как-то прошел мимо родителей. Остальные — нет. Как оказалось, мне часто делали замечания за неправильное поведение на уроках, выражавшееся в том, что я все время двигался, разговаривал и смешил других учеников. А еще, в более старших классах, я, оказываясь, в компании нескольких одноклассников критиковал Брежнева — и не где-нибудь, а на уроке истории, повергая политически подкованную историчку Зинаиду Михайловну в ужас. Этот ужас она вываливала маме, которая должна была принять меры. Причем Зинаида

Михайловна утверждала маме, что среди всей группы «заговорщиков» я был заводилой. Я лично думаю, что это неправда, я уверен, что заводилой был Сашка, он у нас был самый «оппортунист», возможно, потому что его отец работал в правительстве. Но я вполне мог присоединиться к «мятежникам». Думаю, Зинаида Михайловна всем родителям сказала, что именно их ребенок был главным бунтовщиком, надеясь таким образом вызвать в них больше негодования, переходящего в воспитательные мероприятия ремнем, и таким образом быть отпущенной за пережитый стресс, вызванный созерцанием поругания незыблемых идеологических пьедесталов неблагодарными учениками.

Учитывая все эти ежедневные бесчисленные дела: накормить, купить, одеть, умыть, сводить к врачу, сходить на родительское собрание и так далее без конца, я даже не представляю, когда мама вела свою профессиональную работу. А работу она тем временем вела немаленькую, и лекции и семинары были лишь небольшой ее частью.

Научная работа

Вообще-то, и я сказал об этом в самом начале, я не собирался ничего писать о маминой профессиональной деятельности. Я в этом вопросе исхожу из того, что когда пишешь о ком-то, то пишешь о личности, которая проявляется вовсе не обязательно в профессии, но даже если и в профессии, то не только в ней. Профессиональные достижения и неудачи, конечно, характеризуют человека, и даже не сами достижения и неудачи, а его реакция на них, но, на мой взгляд, характеризуют все равно мало. Кроме того, если бы мама, например, была не ученым, психологом и педагогом, а, скажем, продавцом в нашем молочном магазине, для меня бы это мало что поменяло, разве что я видел бы ее чаще. Если раньше я предполагал, что с человеком, не занятым умственным трудом и глубокими исследованиями, не о чем поговорить, то за последние несколько лет я убедился, что это не так, в каком-то смысле даже наоборот. И профессиональная деятельность моих родителей радует меня в первую очередь не достижениями, а самым фактом того, что они нашли в этой жизни любимое занятие и посветили

ему всю жизнь. Это классно. А результаты — да, конечно, это показатель. Но для меня процесс всегда важнее результата. Кроме того, те события, в которых мама сыграла важную роль в моей жизни, никак с ее профессией не связаны, а определялись лишь тем, что она — моя мама. И все же я решил немного рассказать о том, чем занималась мама в профессии, точнее, лишь об одном из ее профессиональных направлений, и вот по какой причине. Я всегда полагал, что исследователем в психологии был только отец, а мама больше занималась прикладной психологией, то есть применением ее в реальной жизни, и стояла в стороне от всяких исследований и экспериментов. Но совсем недавно, разговаривая с мамой, слушая ее очередной рассказ об их с отцом жизни, я вдруг понял, что это совсем не так, что на самом деле в жизни мамы была серьезная исследовательская история, которая продолжалась много лет. Я даже открыл, что некоторые события, которые я сам помнил из своего детства, оказывается, были частью этой серьезной главы маминой профессиональной жизни. Это очень впечатлило меня, так что я решил об этом рассказать. И вот рассказываю.

Я уже сказал о маминой аспирантуре, которую она успешно закончила защитой диссертации и получением степени кандидата наук в шестьдесят четвертом году. Но на самом деле мамина аспирантура началась задолго до этого, еще с аспирантуры отца, в пятидесятом, когда родители закончили университет. Маме отказали в аспирантуре, а отцу разрешили поступать. Три месяца решался вопрос, берут отца туда или нет. И это не то чтобы три меся-

ца приемная комиссия думала, какую отметку поставить ему за вступительные экзамены, нет. Они взвешивали. На одной чаше весов была запись о национальности — еврей. На другой — бесспорные способности и перспективность отца, ходатайство самого профессора Ананьева, тот факт, что отец — инвалид войны, и в довесок наличие ленинградской прописки. И они сомневались. Для них «еврей» имело больший вес, чем все эти составляющие. В конце концов отца приняли. Мама в это время была уже в Сыктывкаре, работала в институте, обеспечивая материальную основу отцовской аспирантуры и будущего семьи. Как во время войны, в тылу — все для фронта. Хотя кто из них в данном случае был «на фронте» — это еще как посмотреть. Отец считал, что с мамой обошлись несправедливо, отказав ей в аспирантуре. Он считал, что она не менее способна в науке, чем он, а принести пользы может даже больше, учитывая ее трудолюбие и способности к длительной планомерной работе. Он вообще считал, что закончил университет и поступил в аспирантуру благодаря маме, которая не только проливала слезы, уговаривая его написать заявление в случае с сухумским собеседником, но и дисциплинировала отца в течение всей их учебы, заставляя выполнять необходимые учебные задания, когда отец терял к ним интерес, увлекшись очередной новой темой. Поэтому тот факт, что он — в аспирантуре, а мама — нет, отец считал несправедливостью, которую необходимо исправить. В самом начале своей аспирантуры он сказал маме: «Ты должна пройти тот же путь, что и я, думай о теме», имея в виду тему ее будущей диссертации. Стратег,

он смотрел на много лет вперед. Хорошо подавать команды из родного Ленинграда, а как выполнять их в далеком Сыктывкаре — ни родных, ни друзей, да и работы и без того много? Но «НАДО» было на посту, и мама думала. Посоветоваться было не с кем, разве что с заведующим кафедрой, на которой мама работала. Им был человек по фамилии Белендир — умный такой дядька из сосланных немцев. Белендир давал хорошую оценку маминной работе в институте, но помочь с темой не смог, ничего ему в голову не пришло. Мама с отцом решили, что, пока нет темы, мама займется хотя бы сдачей кандидатского минимума. И вот мама, и без того загруженная работой в институте и подработкой в школе, стала готовиться к экзамену по философии, который успела сдать совсем незадолго до рождения первой дочери Наташи. Но дальше в сдаче экзаменов продвинуться не удалось — для этого надо было ехать в Ленинград, а возможности такой не было. Результат пропал, так как по правилам того времени он действовал только два года. Но мама не перестала думать над темой. Когда родители приехали в Ижевск, маме места в институте не нашлось, и она стала работать в школах. Но мама любую работу делала — и делает — на максимуме, даже если это работа вынужденная, поэтому она подошла к ней со всей серьезностью, получив хорошую практику и приобретя новых коллег — учителей и руководителей школ, которые сразу увидели в ней активного, серьезного, грамотного педагога и психолога, несмотря на ее молодость. Через некоторое время маме нашли часы на кафедре, она какое-то время работала «почасовиком», а затем

стала ассистентом кафедры, перейдя туда на полную ставку. Она проработала ассистентом десять лет, хотя обычно это было два-три года, после которых человека назначали на должность старшего преподавателя, предоставляя ему в том числе право читать лекции, что не входило в компетенцию ассистента, а также соответствующую зарплату. Но для мамы сделали «исключение» — работая ассистентом, мама читала лекции по трем курсам! Поскольку мама имела опыт работы и хорошие связи в школах, ей поручили в том числе руководить педагогической практикой студентов. И вот (ничего не бывает в этой жизни просто так), присутствуя на уроке русского языка, мама обратила внимание на странный факт: многие дети делали ошибки в написании слов и предложений, при этом отлично знали правила, определяющие их написание. То есть буквально ребенка просят назвать правило, и он его называет, а когда ему диктуют предложение на это правило — он делает ошибки. Не было единства знания и практики. Замеченная проблема требовала решения, и мама его нашла: школьникам было предложено перед словами и предложениями, написание которых регулируется каким-либо правилом, ставить специальные символы, которые мама и придумала. Дело, конечно, было не в самих символах, а в том, что теперь школьникам необходимо было подумать о правиле перед тем, как написать слово или предложение. Мама начала эксперименты, которые подтвердили: методика приводит к более высоким результатам обучения. Было понятно, что речь идет не просто об улучшении учебного процесса, а о качественном его измене-

нии — от зубрежки к системному мышлению. Мама продолжала работу в этом направлении в течение почти десяти лет.

Думал ли мамин дедушка, дед Василий, что его внука будет решать вот такие глобальные проблемы школьного обучения? С уверенностью могу сказать, что нет, не думал, ибо и проблем таких в его время не было. А была у него совсем другая проблема. Когда ему, семилетнему Васе, пришла пора поступать в школу, а было это, понятное дело, еще при царском режиме, родители хотели определить его в самую простую, бесплатную школу. К этому времени Василий умел уже бегло читать, в отличие от большинства его сверстников. И это оказалось проблемой, поскольку в бесплатные школы принимали только тех, кто читать не умел. Чувствуете разницу с сегодняшним днем? Так вот, у родителей Васи не было денег на платную школу, поэтому надо было как-то прорываться в бесплатную. Отец Васи накануне объяснил ему, как надо себя вести, если предложат что-нибудь почитать: надо очень медленно, по одной букве, с трудом складывать каждое слово, и даже прорепетировал с ним пару раз. Получилось неплохо, и на следующий день они пошли в школу. На собеседовании в школе Вася сначала все делал правильно и на коварный вопрос «Умеешь ли ты читать?» уверенно ответил: «Нет». После этого — железная логика! — ему предложили продемонстрировать, как это он не умеет читать, для чего предложили прочитать из какого-то текста следующую фразу: «Как иду я мимо булочной пекарни». Не знаю, в чем там заключался сюжет и что случилось у этой

пекарни, возможно, это и был весь рассказ. Вася добросовестно начал свою роль: «К. А. Ка. К. Как. И. Д. У. Иду, я» — и так далее. Сидевший тут же его папа, затаив дыхание, мысленно шел по буквам вместе с ним, боясь спугнуть удачу, бывшую уже практически в кармане. Но на четвертом слове Вася не сдержался и выпалил за мгновение — как будто выдохнул задержанное до предела дыхание — оставшееся «мимо булочной пекарни!». Присутствовавший Васин папа тут же дал ему подзатыльник, но было поздно, обман был раскрыт, Васю не взяли, пришлось отдавать в платную школу. Вот какие были проблемы в школах того времени.

К моменту поступления в аспирантуру у мамы уже даже была опубликована статья в московском журнале, что по тем временам было недоступно и более маститым ученым. В аспирантуре мама продолжила эксперименты, применив для обработки результатов — одной из первых! — методы математической статистики. Для этого она, со свойственной ей скрупулезностью в любом вопросе, прослушала курс «Математическая статистика» в Ленинградском университете. Узнав об этом, я крайне удивился: математика и мама никак вместе не укладывались в моей голове. А вот, пожалуйста, оказывается, не так укладывал. Кстати, аспирантуру мама проходила в пединституте имени Герцена, поскольку в университете мест не было, и поэтому она защищалась как педагог, что в те времена считалось менее престижным, чем психолог. Но родители рассудили, что название имеет меньшее значение, чем возможности, которые приносит степень кандидата наук,

неважно каких. Обучаясь в аспирантуре, мама продолжала и расширяла начатую тему, применяя психологию в работе школьных педагогов — то, что теперь называется педагогической психологией. Мамина работа, выросшая в диссертацию, была уникальной, «единичным экземпляром», как ее охарактеризовал мамин руководитель, профессор Голант. Впоследствии она долгое время использовалась в институте в качестве образца для аспирантов. По сути говоря, мамина работа говорила о том, что главной темой школьного образования должно стать развитие мышления, а не впихивание в учеников определенных объемов информации. После успешной защиты диссертации мама не остановилась, занялась пропагандой и внедрением наработанных методик в практику работы школ Удмуртии. Она поняла также, что все это надо начинать еще в начальной школе. Для начала была выбрана одна школа — №25, все ее начальные классы, мама обучала учителей, проводила семинары. Потом еще одна школа. Результаты были налицо, стало ясно, что надо подключать все начальные классы Ижевска. Маму поддержали Министерство образования Удмуртии и Институт усовершенствования учителей. Было понятно, что обучить такое количество учителей одной маме не под силу просто физически. Тогда организовали семинар завучей начальных классов, чтобы они потом могли оказать методическую помощь учителям в своих школах. И все это начало работать. Какой размах! До того как я узнал об этом маминем научном направлении, я совершенно не представлял ее, развивающей такой глобальный

проект. И на этом еще ничего не закончилось. В это время в Москве академики Гальперин, Давыдов и еще несколько ученых мирового уровня приступили к созданию новых программ обучения в начальных классах по русскому языку и математике. Это было неспроста, это было время начала информационного бума. Компьютеры, технологии, алгоритмы, развивающее обучение — вот модные термины тех лет. И образование тоже требовало соответствующих изменений, так что мама еще в самом начале своей темы каким-то чутьем угадала приближающееся время. «Ученик — это не сосуд, который надо наполнить знаниями, а факел, который надо зажечь» — под таким девизом начинались эти реформы. Так вот, большие ученые в Москве, создававшие новые программы, организовали специальные курсы по реформе начального образования. Мама, которую от Удмуртии послали на эти курсы, получила там еще бóльшую уверенность в правильности направления. А тут как раз в Москве решают, что надо «двигать на периферию», и Министерство образования Удмуртии соглашается запустить пилотный проект, руководить которым поручают маме. И дальше была работа — эксперименты, замеры, сравнения. Все это проходило не в Ижевске, а в сельских районах, так что теперь я наконец понял, почему мамы так часто не было дома. Работа показывала положительные результаты: в школах, где преподавание велось по новой методике, результаты контрольных работ были лучше. Но и это не было последним шагом: убедившись на опыте, что самая большая проблема в перестройке образования — учителя, мама заня-

лась вопросами развития их педагогических способностей. Это была еще одна тема того же направления.

Мама и здесь «приложилась» основательно. Развивая эту тему, мама все больше обнаруживала, что внедрение нового тормозится именно учителями, их неспособностью переключиться на новые методики. С учениками-то как раз все было в порядке, они быстро схватывали и даже подсказывали учителям, когда те пропускали какие-то предусмотренные методикой шаги. И опять мама угадала тему — именно в это время начался бум в отношении учителей, какими они должны быть вообще. Шли поиски критериев профпригодности, в первую очередь психологических. В своих опытах и наблюдениях мама пришла к выводу, что одним из основных качеств, необходимых для школьного учителя, является эмпатия — способность понимать эмоциональное состояние другого человека через сопереживание. Это помогает сотрудничеству, делает его более эффективным, а в отношении подростков — особенно. Кстати, те многочисленные лекции, с которыми мама ездила по всей Удмуртии, в основном были о подростках и о взаимоотношениях с ними в семьях. Мамины лекции интересовали слушателей в первую очередь тем, что, в отличие от распространенного тогда подхода к конфликтам с подростками — «направлять и контролировать», мама вставала на их сторону, рассказывала о том, что подростки страдают от непонимания не только со стороны окружающих, но и не понимая себя, того, что с ними происходит, и о том, что в этот период очень важно

«сотрудничать» с ними, а не толкать их на «единственно правильный путь». Сейчас, когда я и сам являюсь отцом двух подростков, я двумя руками соглашаюсь с мамой.

И кстати, здесь к маме присоединился отец, и у них появилась совместная статья — единственная за всю жизнь. Отец тогда сказал: «Нам надо было сразу ориентироваться на совместную работу». И они решили, что, когда выйдут на пенсию, напишут вместе серию статей о подростках и для подростков. Сбыться этому плану было не суждено, а жаль — мне сейчас очень бы пригодилась такая литература. Впрочем, зачем мне ненаписанные статьи, когда есть их автор — мама, и теперь — все-таки родительские мечты когда-то сбываются — я с ней довольно часто советуясь.

Чтение мыслей на пути в Горбок

А дальше пошли события, которые я и сам помню, но про которые никогда не знал, что они были частью всей этой маминой профессиональной истории. В 1968 году мы поехали всей семьей отдыхать на Украину, в село Горбок, недалеко от города Ужгорода. Нет, там не было никакого санатория, и никто из родственников там тоже не жил. У нас там не было даже знакомых, и я до сих пор не знаю, почему мы поехали туда, кажется, отец просто хотел, чтобы мы все отдохнули где-то в другом месте, а не в Гжатске, где мы проводили каждое лето целиком. У отца была с собой камера, и он все время что-то снимал, я это знаю потому, что у нас до сих пор хранятся записи из этой поездки. Я помню также, как мы ехали из Ужгорода на автобусе в это село. А до этого мы заехали на конференцию в Киев. Именно так я тогда это и воспринимал — мы заехали на конференцию, которая как раз проходила в Киеве, мимо которого мы проезжали по пути в село Горбок. Тот факт, что с нами почему-то ехали еще и мамыны студенты,

несколько человек, меня, видимо, не удивлял, в конце концов, родители всегда были в окружении студентов, дело привычное. Наверное, мы, дети, не посещали саму конференцию, но зато я отлично помню прогулку по реке на катере, устроенную для участников. Там был один ученый — профессор, который демонстрировал, уж не знаю, как это назвать, способность угадывать мысли человека по импульсам, исходящим от его тела. В качестве доказательства он попросил одного из присутствующих, назовем его «проводник», задумать действие, которое он, ученый, должен совершить. После этого профессор взял его за запястье и попросил его неотрывно думать о задании. И вот я отлично помню, как профессор, держа проводника за запястье, безо всяких киношных пауз с задумчивостью и прищуриванием очень быстро побежал по проходу, подошел к отцу, снял с него очки, потом подошел ко мне и надел эти очки на меня. После этого он спросил у проводника, это ли задание он задумал, и проводник сказал: «Да». Я был в шоке. Я это отлично помню. Это вообще один из немногих моментов моего детства, который я помню так хорошо. Можно угадывать мысли человека! Наверное, в тот момент мне пришлось не менее десятка полезных для школьника приложений этого волшебного искусства. Ах, как я хотел уметь так же! Но...

Впрочем, однажды я сумел снискать славу «мыслевнушателя», правда, среди очень небольшой аудитории. Дело было в девяносто девятом году, мы с Ириной только что начали жить вместе, с нами жил и мой сын Максим, ему было шестнадцать. В тот день

я, как обычно, приехал домой на обед. Максим увидел в окно, как подъехала моя машина. Выждав минут пять, он сказал Ирине: «Сейчас папа придет», и в этот момент раздался звонок. Ирина с Максимом вышли открыть дверь, и зашел я. Ирина была крайне удивлена такой прозорливостью Максима и тут же спросила его, как он узнал, что я сейчас приду. Тут Максим, тоже тот еще шутник, увидев, что «аудитория» готова, немедленно сочинил Ирине историю о необыкновенной телепатической связи между мной и им, замеченной нами уже давно и неоднократно подтвердившей свою реальность. Ирина слушала с восторгом, а на лице ее появилось такое выражение, такая смесь беспрекословного доверия с некоторым сомнением, мешающим ей же самой насладиться этим доверием, — примерно такое выражение было на лице героини Максаковой в фильме «Летучая мышь», когда ее муж в исполнении Соломина врал ей про собаку, названную сначала Эммой, а потом Гектором. Но Максима уже понесло, поэтому он тут же, без перерыва, сказал: «Не веришь? Вот смотри» — и, повернувшись ко мне: «Пап, задумай число». Я задумал, а может быть и нет, не помню. «Девять», — сказал уверенно Максим. «Точно», — спокойно сказал я. Ирина была в шоке. Она еще долго верила в эту нашу способность, пока кто-то из нас не раскололся. И вот я теперь думаю — а действительно ли профессор угадал? А может быть, проводник просто постеснялся сказать, что профессор ошибся? Это вполне естественно — спасти репутацию нечаянно ошибившегося профессора. По крайней мере, со мной такое однажды было.

Гипнотический опыт

Году в семьдесят восьмом, я учился на втором курсе физмата, к нам в город приехал знаменитый гипнотизер по фамилии Зах. Отец, кажется, был с ним знаком, вроде бы они планировали какие-то совместные мероприятия, точно не помню, но в любом случае у отца были контрамарки на единственную в Ижевске лекцию Заха с демонстрацией массового гипноза. Отец дал мне контрамарку и сказал: «Сходи, тебе будет интересно». Я решил пойти. Я уже раньше видел гипноз и даже читал кое-что об этом в библиотеке родителей — в общем, уже чувствовал себя экспертом в этом вопросе. Контрамарка была на два лица, поэтому, встретив по пути Женьку с отделения физики, я предложил ему пойти со мной. Возможность увидеть гипноз в действии привела Женьку в полный восторг, и он сразу же согласился. За те пять минут, что мы входили в ДК «Дзержинский», где была назначена лекция, и усаживались на свои места, я пояснил Женьке, что рядом с ним эксперт (я то есть), который гипноз уже видел, все про него знает и, если надо, все объяснит. И как Женьке повезло,

что он все увидит в первый раз, а то мне уже даже скучно на это смотреть.

— А зачем ты тогда пришел? — задал он законный вопрос.

— А я решил симулировать гипноз, — сказал я. Эта мысль мне пришла только что, просто как достойный ответ на вопрос с подвохом, но понравилась.

— А как ты это будешь делать? — спросил Женька с придыханием, глядя на меня как на полубожество.

— А очень просто, — распоясался я, — я же знаю, как ведут себя люди под гипнозом, вот и буду делать так же.

— А если гипнотизер заметит?

— Небось, не заметит, — уверенно сказал я и чуть было не добавил: — Не таких обманывали.

Но это уже было бы слишком.

Началась лекция, содержание которой я не слушал, поскольку мысленно был занят подготовкой к сеансу, и, когда он наступил, я был готов. Гипнотизер произносил свое заклинание, демонстрируя залу маленький блестящий шарик и предлагая смотреть на него и свести пальцы рук за головой. «Вы не сможете развести пальцы!» — громко крикнул гипнотизер в зал и убрал блестящий шарик. Я знал, что в этот момент ассистент гипнотизера ходит по залу и высматривает людей, поддавшихся гипнозу. Я продолжал держать руки за головой и смотреть в ту точку, где еще недавно был шарик. А сам-то все соображал. Помощница гипнотизера меня заметила и позвала на сцену. Я вышел. Там было еще человек десять. Меня посадили на стул и сказали: «Спать». Я

послушно закрыл глаза, а сам-то все соображал. Сон совершенно не шел, и я слышал все, что происходило. Ко мне подошли сзади и спросили:

— Вы курите?

— Да, — ответил я, я действительно тогда курил.

— Хотите бросить?

— Хочу.

Меня передвинули вперед, на край сцены. «Перед вами два человека, которые решили бросить курить», — сообщил Зах зрителям. Я повернул голову. Рядом со мной сидел не кто-нибудь, а преподаватель с кафедры отца, тоже психолог, которого я хорошо знал, и он меня тоже. И он тоже «собрался бросить курить». «Закуривайте», — скомандовал Зах, и мы закурили. Сидим, весь зал смотрит, как мы курим. «Теперь потушите сигареты!» Мы затоптали окурки прямо на полу сцены. «Закройте глаза, спать». И я закрыл глаза, но спать даже и не думал. Дальше гипнотизер сказал длинную речь о том, как мы не сможем больше курить, что даже дым от сигареты будет вызывать у нас тошноту и прочее и прочее. Затем он подошел ко мне, протянул сигарету и сказал: «Ты не сможешь сейчас взять сигарету, попробуй!» И вот я сижу и понимаю, что сигарету я взять смогу легко, но в этом случае гипнотизеру придется туго, толпа обмана не простит, как Остапу Бендеру в Старых Васюках¹, — «может быть, даже ногами». Поэтому я поводил руками вокруг сигареты, даже не затронув ее. То же самое сделал и мой сосед.

¹ Имеется в виду шахматный турнир из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Гипнотизер прокричал в зал, чтобы никто не предлагал нам сигарет в первое время, и мы больше не будем курить. Под аплодисменты толпы мы вернулись в зал.

— Ну что, ты правда симулировал? — спросил Женька.

— Конечно, — сказал я, даже несколько сожалея об исчезнувшей в одночасье тайне гипноза.

Лекция закончилась, мы вышли на улицу. Женька достал сигареты.

— Что, курить-то будешь? — спросил он.

— Конечно, — сказал я, — почему бы нет.

Я затынулся, и тут у меня случилось совершенно жуткое состояние, какового я и до той поры, и после ни разу не испытывал: мне стало трудно дышать, меня прошиб пот, причем сразу по всему телу, все передо мной поплыло, а я решил, что умираю, не иначе. Женька меня схватил под руку со словами: «Что с тобой? Ты совершенно белый, даже зеленый!» Он посадил меня на скамейку. Мы сидели долго, пока я не пришел в норму. «Наверное, в зале было очень душно», — предположил я причину, и мы разошлись. Вот так я ценой здоровья спас репутацию гипнотизера, как в свое время, возможно, тот самый проводник. По пути домой я прислушивался к своему состоянию, оно стабилизировалось, но сомнения остались, ведь не было в зале душно нисколько.

— Ну как, был на лекции Заха? — спросил меня отец, едва я пришел домой. — Понравилось?

— Был, — сказал я, — не понравилось, и я симулировал гипноз.

— Да? — удивился отец. — И как тебе это удалось?

— Ну, я делал вид, что сплю, а сам совсем не спал.
— Но ты делал все, что тебе говорил гипнотизер? — спросил отец.

— Да, но я делал это сам, а не по воле гипнотизера, — ответил я.

— Но ты выполнял команды гипнотизера? — продолжал настаивать отец.

— Да, ну и что с того? Я же это делал по своей воле.

И тогда отец мне пояснил, что суть гипноза в том и состоит, что человек уверен, что исполняет свою волю, а на самом деле находится во власти гипнотизера, заставляющего его в это поверить. Да, не было в зале душно. И я еще долгое время не мог не только курить, но даже думать об этом, меня тошнило не только от запаха — даже просто от вида дыма! Потом, правда, все равно начал снова — неистребимо стремление человека навредить себе. Я после этого еще поразмышлял про гипноз, который в моих глазах потерял из-за этого открытия. Ведь до этого гипноз в моем представлении олицетворял питон, заставляющий кролика ползти к нему в пасть. При этом кролик упирается, не хочет, но сила гипнотизера заставляет его идти против себя, преодолевая даже инстинкт самосохранения. Вот это сила внушения! А теперь оказалось, что кролик не только не упирается, а бодро шагает прямо удаву в пасть — с песней, транспарантом и лозунгом «Мечты сбываются!». Но через некоторое время я решил, что все же внушить человеку, что это его желание, гораздо круче, чем заставить действовать против него. Так что гипноз как явление в моих глазах не пострадал.

Докторская, похороненная в мавзолее

Ну вот, теперь я вернусь к маминой профессиональной истории. Мы, конечно, неслучайно оказались в Киеве, конференция была по этой самой теме — о новых методах школьного обучения. Нас родители взяли с собой просто по пути. А еще с нами ехали мамы студенты, которые принимали участие в ее экспериментах, а теперь должны были и выступить на конференции. Выступление было удачным, тема актуальная. Мама вела профессиональную переписку с профессором Люблинской из пединститута в Ленинграде, где она ранее защитила кандидатскую диссертацию. Люблинская прочитала мамы материалы и написала ей, что эта работа вполне может стать докторской диссертацией. Она предложила маме приехать в Ленинград, выступить на планировавшейся там конференции и обсудить возможности написания и защиты докторской. То есть мама большая профессиональная

работа, длившаяся к тому времени уже более пятнадцати лет, чуть было не принесла маме степень доктора наук. Но не принесла, чему мама теперь очень рада, понимая, сколько времени бы отняла работа по написанию и защите в первую очередь от ее общения с нами, которого и так было немного. Но это сейчас мама рада, а тогда они с отцом решили, что маме надо ехать. Вообще-то, маме не ехать надо было, а лечиться, она в то время переносила очередное обострение, находилась под наблюдением врача, который пытался вылечить ее без операции, показанной ей уже давно. Но какая может быть забота о здоровье, когда работа! НАДО! И мама поехала в Ленинград, взяв с собой меня и Люсю. Была зима, я учился, кажется, в третьем классе. Мы ехали через Москву, где у нас был целый день до поезда в Ленинград. Этот день мы потратили на посещение мавзолея. Я этот визит отлично помню, но никогда не знал, что, оказывается, это мы маму попросили сводить нас в мавзолей. Когда мама недавно рассказала мне об этом, я не мог поверить своим ушам: я просился в мавзолей, да еще и готов был простоять эту огромную очередь! Люди помоложе, наверное, и не знают, что раньше попасть в мавзолей было очень трудно: туда стояла вечная многочасовая очередь, начинавшаяся где-то у Александровского сада. Денег за вход не брали, но стоять было надо. И эта очередь была вечной, она никогда не становилась короче, причем это была настоящая очередь из людей, реально хотевших зайти в мавзолей и увидеть тело Ленина, а не каких-нибудь проплаченных статистов, как можно было бы подумать сегодня. Эти люди были

искренни, они действительно шли отдать дань уважения вождю мирового пролетариата. Вот сейчас написал эти слова — «вождь мирового пролетариата» — и обратил внимание, что мне даже не пришлось думать над формулировкой, фраза сама выскочила из меня, сформированная еще в детстве и не использовавшаяся много лет, но, как оказалось, не забытая и готовая в любой момент занять свое место в строю. Так что неудивительно, что мы сами попросились в мавзолей, отдав ему предпочтение даже перед зоопарком, в который мы всегда ходили летом по пути на отдых в Гжатск. Наверное, мы просто впитали в себя вместе со всей остальной пропагандой того времени, что побывать в мавзолее — мечта каждого советского человека. Так что наша мечта сбылась, мы пошли в мавзолей. Мы стояли в очереди несколько часов, впрочем, стояла мама, а мы-то бегали вокруг и резвились. Поэтому мы не замерзли, а мама окоченела совершенно — был самый разгар зимы. Не знаю, была ли мама так же воодушевлена посещением мавзолея, как большинство посетителей, но уверен, что мысль «хотя бы погреюсь» крепла в ней с каждым часом. Я отлично помню, как внимательно я разглядел приклад винтовки у часового, охраняющего вход в мавзолей. Он был отшлифован до блеска годами его использования, наверное, ружье было старое и вряд ли вообще стреляло. Я посмотрел на часового снизу вверх, он меня, кажется, вообще не замечал и смотрел вперед, куда-то за горизонт, в светлое будущее, хотя на пути находился ГУМ. В мавзолее было темно, люди двигались молча, как на похоронах, которые никак

не могли закончиться. Ленин лежал за стеклом, при зеленом свете, такой маленький, беззащитный и жалкий, совсем не похожий на эти глыбы на пьедесталах, каким его ваяли скульпторы социалистического реализма. Похоже, им не довелось увидеть оригинал, и они стряпали свои работы по личным ощущениям, которые подсказывали, что повернуть такую петрушку, как революция, мог только здоровый крепкий мужик. Мавзолей произвел на меня удручающее, мрачное впечатление, лучше бы мы пошли в зоопарк.

Наутро, прибыв в Ленинград, мы поехали к бабушке Еве, которая тут же увидела, что маме плохо, вызвала скорую, и маму увезли в больницу, где на следующий день ее прооперировали. Попастъ на конференцию, обсудить планы написания докторской маме не удалось. Конечно, это можно было сделать и в следующий раз, но по возвращении домой мама с отцом решили, что не стоит, что все, что ни делается, к лучшему и что время, проведенное с семьей, важнее любой ученой степени, даже докторской. Такой был сделан вывод в результате упорного пятнадцатилетнего труда. Лично я сегодня думаю, что это отличный результат, многие люди не догадываются до этого за всю жизнь, продолжая гнаться за профессиональными успехами, которые в их жизни значат гораздо меньше, чем это кажется, теряя при этом гораздо более дорогое и, самое главное, невозполнимое.

За время своей профессиональной деятельности мама занималась и многими другими вопросами и направлениями, но я, как и обещал, рассказывать об этом не буду.

Самые тяжелые испытания

Те мамины испытания, которые уже видел и осознавал я, начались с папиного ухода. Мы не произносим «смерть», слишком страшное слово и никак не вяжется с отцом — он очень любил жизнь, нисколько ее не боялся и всегда жил сегодняшним днем и планами на будущее, то есть так, как будто его жизнь никогда не закончится. Он был так убедителен в этом, что, похоже, мы все в это поверили, и никто из нас не мог представить, что отец когда-то нас покинет.

Отец был для мамы всем в этой жизни, я уже рассказывал об этом в книге о нем. Они оба были друг для друга всем. Они прошли вместе через самые тяжелые испытания в молодости, они преодолели вместе многие трудности, они построили вместе нашу семью, они были и коллегами, и влюбленными всю жизнь. Поэтому уход отца был для мамы как конец ее собственной жизни.

«ПЛ никогда не говорил об этом... И я не хотела верить, что смерть окажется сильнее его! Позднее

я осознала, что он был «игрок со смертью». Не хотел жить до беспомощной старости.

Я плохо помню дни прощания (мне делали уколы), только осталось в памяти сильное желание (как у всех жен) броситься в могилу к нему, и, как спасение, заставили выпить водку (на поминальном обеде), в груди освободилось, и я могла дышать, даже захотела (очень!) есть.

Точнее, эта серия серьезных испытаний мамы началась несколько раньше — с инфаркта отца. Это был уже третий его инфаркт, в его пятьдесят пять лет. Отец никогда не жалел себя, отдавался разуму и эмоциям на сто процентов, при этом не выдавая их, неся в себе многие переживания — от войны до мирной несправедливости. Поэтому у него уже было два инфаркта до этого. Но этот был самый страшный. Все начиналось хорошо — родители поехали в отпуск в Прагу, где жила мамина сестра с семьей. Это само по себе было праздником: отпуск, вдвоем, да еще в доме самых любимых людей — маминой сестры Наташи и ее мужа Франтишка, да еще и в Чехословакии, разительно отличавшейся от Ижевска в первую очередь чистотой и приветливостью людей. А по возвращении еще была запланирована моя свадьба. Не знаю, вдохновляло ли это обстоятельство родителей тоже, но до кучи все равно праздник.

Время в Праге прошло хорошо и быстро. Родители не только наслаждались общением с самыми близкими людьми и Прагой, отец также покупал всякие вещи, которые невозможно было купить дома, всякие полезные штуки для мастерской и домашнего

хозяйства, отец любил мастерить что-то своими руками и часто этим занимался, хотя «часто» — при его профессиональной занятости — очень относительно. Венцом покупок отца стал рулон линолеума — вещь в ту пору в СССР неизвестная и, естественно, недоступная. Так вот, отец купил этот рулон, с которым, в числе еще других вещей, они с мамой поехали обратно. Никаких служб доставок тогда не было, поэтому отец носил все вещи и еще этот рулон на плече, пока они в Москве перебирались из аэропорта на вокзал. Была страшная летняя жара. Отец ходил с протезом (после ранения на войне ему ампутировали часть ноги), к тому же ранее перенес уже два инфаркта. Когда они наконец добрались до вагона, проводница «доделала» его, решив не пускать: линолеум на плече отца показался ей достаточным для этого основанием. Такие вот попадались настоящие советские люди, охраняющие социалистические поезда от лишних перегрузок, отдавались своему долгу без остатка и готовы были угробить кого угодно, лишь бы поезду не было тяжело. Скандал с проводником оказался последним аккордом — ночью отцу стало плохо, это был инфаркт с аневризмой, на очередной станции вызвали скорую, отцу сделали уколы, а по прибытии в Ижевск его прямо с поезда увезли в больницу. Конечно, мама испугалась, но страх и проблемы не парализовали ее, напротив, она еще сильнее концентрировалась на выполнении задачи. Так было и в этот раз. Представляю, каково ей пришлось. Представлять-то представляю, но не припомню, чтобы я как-то сильно это переживал, сейчас даже

не могу понять почему. Похоже, я еще не воспринимал эти обстоятельства адекватно. А пора бы уж было, все-таки взрослый, жениться уже собрался... Впрочем, как показало время, важность этого события я тоже недооценивал. В связи с болезнью отца свадьбу хотели перенести, но отец был категорически против и требовал от мамы держать настроение и не портить торжество. Мама все выдержала, на свадьбе улыбалась и танцевала. Как обычно, возложенная ответственность стимулировала маму. Я думаю, отец это знал и пользовался этим, чтобы не дать маме впасть в депрессию от этого его тяжелого инфаркта.

В это время пришла еще одна беда — серьезно заболела Люся, моя сестра. Болезнь ее была следствием многочисленных сильнейших стрессов в Казани, где она училась в консерватории и жила с мужем и сыном. Как потом выяснилось, не все было у нее гладко в семейной жизни. Будучи с детства беспредельно ответственной, она все тяготы принимала на себя, оберегая в первую очередь сына (Люся назвала его Павликом в честь отца), а также наших родителей. Проблемы в семейной жизни продолжались длительное время, и все это время Люся это скрывала, а значит, переживала это внутри себя. Я помню, как родители заподозрили неладное и послали меня в Казань, где она жила, чтобы я выяснил реальное положение дел. После моего «доклада» родители уговорили Люсю переехать с сыном обратно в Ижевск, и мы жили все вместе — восемь человек — в одной квартире. Однако последствия уже наступили, Люсю надо было лечить. Родители были

расстроены и напуганы, делали все, что было в их силах. Мама рассказывала, что отец все время повторял: «Она поправится».

Тем временем здоровье отца ухудшалось. Мама понимала серьезность перенесенного инфаркта и прикладывала огромные усилия к его восстановлению, пыталась ограничить его профессиональные нагрузки. Ежегодно, по маминой инициативе, под ее руководством и настойчивостью, мы составляли планы на год, записывали все это и запечатывали в конверт, который вскрывался 31 декабря и сверялся с реальным исполнением. После инфаркта отца в планах больше появлялось заботы о его здоровье. Мама настояла на таких пунктах для него: «1 — освободиться от Общества знаний, 2 — категорически избегать внеучебной работы, 3 — воскресные прогулки в лесу».

Потом у отца появился кашель. Он кашлял практически все время, иногда очень надрывно, тяжело. Это было самым страшным маминым испытанием — отцу поставили диагноз «опухоль в легком». Сообщили маме. Сказали, что необходима консультация в Москве.

«Мое состояние (сказали мне) не описать, а он все понял и, конечно, как всегда, начал успокаивать, подшучивать насчет внеплановой поездки в столицу, да еще вдвоем...»

А где был я?! Я не помню этого вообще! Где мои переживания о том, что отец скоро нас покинет? Я не помню. Мне кажется, я смутно вспоминаю, что мама говорит мне, что у отца опухоль, но я даже никак не связал это со смертельной опасностью! Зна-

чит, мама одна все это переживала. А с кем она могла этим делиться? Люся болела, Наташа жила в Ленинграде. Вот так — трое детей, а мама была совершенно одна перед неотвратимо надвигающимся горем. Но и в этой ситуации мама не опускала рук, делала все, что можно, и даже в этом двойном горе находила «положительные» моменты: **«...болезнь Люси и ужасно мучила меня, и, наверно, спасала: вынужденное распределение сил на двоих любимых тяжелобольных».**

Я уже не говорю, что на фоне всего этого мама еще и работала, и находила время для внука Павлика, которому тоже уделяла много внимания и сил. Отец писал маме из больницы подробные отчеты, включая детальное описание обеда и полдника. Он понимал, что это создаст у мамы впечатление полной информированности о том, что происходит, а раз никаких страшных известий нет, значит, все пока хорошо...

«И когда мы вернулись в Ижевск (операцию ему не сделали из-за сердца, а рекомендовали химиотерапию — она одинаковая в Москве и в Ижевске, поэтому ПЛ рвался домой), он продолжал заботиться обо мне, о моем спокойствии, поэтому был послушен, как никогда до этой болезни. Лечение было очень тяжелым, ПЛ быстро худел, сердце часто давало приступы, но ни одного стона, ни одной жалобы, а наоборот: улыбался даже чаще, юмор («Зато теперь я могу есть все, что захочу, и много, даже кашу!»), продолжал работать — читал лекции, хотя ходил медленно, с остановками через 20—30 шагов (иначе он не мог жить!).

Мы использовали разные народные (природные) средства, но... кашель ускорял изнашивание сердца, часто приезжала скорая помощь. После уколов поднимался его тонус и тянуло к работе, к общению с нами, особенно с внуками — Павликом (5 лет), Аней (3 года), Максимом (1 год). В свой последний вечер он начал писать тезисы к докладу на научную конференцию, но вскоре лег, сказав: «Что-то потянуло уснуть», я обрадовалась: лучше отдохнуть, поспать!.. А ночью его не стало... Ушел он на четвертом инфаркте, врачи говорили, что больное сердце спасло ПЛ от длительных мучительных болей...»

Я помню этот момент, я был дома и услышал мамин стон. Она нашла отца лежащим на полу, пыталась какое-то время делать ему искусственное дыхание, пока не поняла, что это уже ни к чему... Я даже не могу описать, что было с мамой. Мы вызвали скорую, маме поставили какие-то уколы, но она все равно была в состоянии полнейшего шока, и, хотя и говорила что-то и даже давала указания, все равно было видно, что она существует только в каком-то текущем моменте, совершенно не видя себя даже в следующую секунду...

Конечно, уход отца стал самой большой трагедией в маминой жизни и одновременно самым сильным испытанием — надо было суметь продолжать жить в ситуации, когда казалось, что это невозможно. И это испытание отличалось от всех остальных ее испытаний тем, что отца не было рядом, а еще — и это мне представляется еще более важным отличием — тем, что ничего нельзя было исправить.

Болезни детей можно было вылечить, да, это было тяжело, но надо было делать, долго и упорно — и результат достигнут. Свое здоровье надо было поддерживать, но это было достижимо, надо только постоянно работать над этим, да, это непросто, но можно — и результат налицо. Оставить семью надолго, обречь себя на одиночество ради цели — да, тяжело, но выполнимо, надо просто приложить усилия — и результат будет достигнут. Мама умела упорно трудиться и достигать целей. А что было делать теперь? Достигать нечего, ничего нельзя вернуть. Стоявшее рядом «НАДО» могло только мямлить что-то насчет того, что надо дальше жить. А как? Как, если все рухнуло и ты не можешь ничего изменить? Это была совершенно новая задача в жизни — принять.

«Придя в себя через несколько дней, я начала искать какое-нибудь послание от НЕГО, но ничего...»

Только спустя почти двадцать лет мама обнаружила две записки, которые, как она думает, отец написал ей на будущее без него, два пожелтевших листа. На одном: «Дорогая моя девочка! Самых лучших тебе пожеланий! Люблю и целую! Целую и люблю! Твой». На другом: «MY DEAR, Я С ТОБОЙ!»

«Думаю, что супруг писал мне это на одинокое будущее. И я чувствовала себя глубоко одинокой — „с утратой одного любимого создателя пустеет целый мир“ (Ломартин)».

Одиночество... Никакие дети и внуки не могли изменить этого состояния. Все для мамы выглядело как конец ее собственной жизни, за которым

уже ничего нет, и не на что надеяться, и нечего ждать...

Но вечный мамин спутник «НАДО» не бросил ее и здесь. Понимая, что надо как-то жить дальше (НАДО!), мама сумела каким-то образом вновь вернуть духовный образ отца и сделать его — теперь уже навечно — своей опорой, своим советчиком, своим тылом. Она советуется с ним, она рассказывает ему, она и нам говорит: «Посоветовалась с папой, он сказал...»

«Так и живу (...уже 32 года!¹), ежедневно любясь, советуясь, отчитываясь, вспоминая с улыбкой или с тоской ЕГО и нашу жизнь. Как это помогает мне!»

Я думаю, это было решающим моментом и самым сильным маминым «ходом», именно этот шаг обеспечил мамину устойчивость и способность преодолеть эту утрату и все последующие испытания, которые просто комом стали накатываться одно за другим.

В эти дни маме пришлось еще и принять важное решение: мама отца, моя бабушка Ева, еще была жива, но здоровье ее уже было слабое — возраст. Говорить или не говорить ей о смерти сына? Я помню, как мы совещались по этому поводу. Я и Аркадий (самый близкий ученик и коллега отца) были за то, чтобы сказать, как бы тяжело это ни было. Остальные жалели бабушку и считали, что говорить не надо. Решение пришлось принимать маме, она решила не говорить, и еще несколько лет до самой смерти

¹ Воспоминания 2015 года.

бабушки продолжала писать ей письма (как это и было раньше), рассказывая о нашей — в том числе и отца — жизни, а на вопросы бабушки, почему она не может поговорить с сыном по телефону, отвечала, что в связи с болезнью и кашлем у него пропал голос. Уж и не знаю, поверила ли бабушка, вполне возможно, что да.

В эти дни пришло множество телеграмм — от родственников, сокурсников родителей, учеников, друзей, просто знакомых. Практически все писали: «Невозможно поверить».

И много телеграмм и звонков было из разных городов от родных, друзей, коллег... Год спустя мама написала всем почтившим память отца:

«Дорогие наши родные и друзья! Никакими словами не выразить боль утраты такого близкого, родного Человека. Ведь Он был еще полон душевной энергии, могучего интеллекта, огромных планов. Всегда Он был в полете! Как Он хотел жить! Как много Он хотел еще сделать для студентов, для кафедры, для семьи! Невозможно поверить, что Его нет, что когда-нибудь зарубцуется страшная рана в нашем сердце... Мы очень благодарны, что вы пришли почтить Память нашего любимого Павла Лейбовича! Помнить Его — это значит осуществлять в делах и поступках Его желания и мечты: Он страстно хотел, чтобы процветала кафедра и лаборатория; чтобы наши дети были целеустремленными, преданными делу, семье; чтобы внуки были здоровы и хорошо воспитаны; чтобы все мы были дружны, жили единой семьей, помогая друг другу; чтобы мы, как и Он, любили жизнь,

не только ее радости, но и трудности, не мелочились, а жили высокими интересами. И, как и Он, были бы оптимистами! Как и Он — требовательными, преданными и нежными в любви. Хочется, чтобы все мы верили: покинуло этот мир только Его тело, а Дух его с нами, в нас навсегда. Он помогает нам, советует, вселяет мудрость, надежду, мужество, умение быть щедрыми для людей! Поднимем же бокалы за нашего любимого и любящего МУЖА, ОТЦА, ДЕДА, ЗЯТЯ, ДРУГА, КОЛЛЕГУ!»

Прощание было для мамы очень тяжелым. Университет¹, конечно, взял на себя заботы по организации прощания и похорон, но он же не мог взять мамины страдания. Впрочем, университет и тут сыграл свою роль — мама вышла на работу чуть ли не на следующий день, понимая, что работа поможет ей, нет, не забыть, конечно, но отвлечься хотя бы на время от мыслей о невозвратимости.

«Пока читаю лекцию студентам, все во мне сосредоточено на ней, а в груди в это время освобождается место для дыхания и сердца, из головы уходят черные мысли — полтора часа передышки. Помню — студенты к моему приходу клали розы на кафедру...»

Так для мамы началась серия очередных испытаний, которая отличалась от всех предыдущих тем, что отца рядом не было, и не было никого, кто его мог бы хоть частично заменить. Не знаю, насколько мама надеялась на нас, детей, насколько чувствовала

¹К тому времени пединститут, в котором работали родители, получил статус университета.

свою возможность опереться на нас, но мне почему-то кажется, что не было у нее такого чувства. Хотя, конечно, мы были рядом и вообще жили все вместе, кроме моей сестры Наташи, которая жила в Ленинграде.

Через две недели после похорон отца пришло известие о том, что умер мамин отец, мой дедушка Алеша. Мама срочно полетела в Гагарин — так к тому времени переименовали Гжатск, в котором Юрий Гагарин родился и был, кстати, учеником у дедушки Алеши, а бабушка с дедушкой дружили с его родителями. Мама даже полетела на самолете, который она никогда не переносила, но надо было срочно, там была одна ее мама семидесяти девяти лет, маме тогда было пятьдесят шесть. Мама в своих воспоминаниях пишет, что смерть ее отца стала одновременно и еще одним горем, и облегчила ее страдания: ведь они теперь разделились на два горя. Я не поехал с мамой в Гагарин, видимо, был оставлен «на хозяйстве» — со своей семьей, сестрой Люсей и ее сыном Павликом. Не знаю, как мама все это выдержала, конечно, помогало оно, «НАДО».

После возвращения мама попросила меня заняться разменом квартиры — она не могла находиться в квартире, напоминающей о смерти отца. В то время возможностей типа «купил-продал» не было, надо было искать людей, у которых есть именно то, что тебе надо, и которые ищут то, что есть у тебя. В результате мы обменяли квартиру на две маленькие, но зато в одном подъезде на улице Кирова. В однокомнатной квартире поселился я со своей семьей, а в двухкомнатной — мама, Люся

и Павлик. Мама была довольна, насколько это возможно было вообще, хотя квартиры были маленькие, в панельном доме, на шумной улице. Но мы все были достаточно непритязательными, так что жизнь продолжалась.

На фоне случившихся утрат мама продолжала заботиться о Люсе и ее сыне Павлике, я, наверное, тоже принимал какое-то участие, но я, как обычно, не помню. В любом случае основная нагрузка и организаторские функции были на маме, я разве что был небольшим подспорьем. Только-только начало что-то стабилизироваться, Люсю выписали из больницы (хотя до полного выздоровления было еще далеко), пришли новые заботы. Бабушка написала из Гагарина, что вокруг нее появились какие-то люди, требующие прописать их в ее квартиру, и просила маму приехать пожить с ней. Мама уволилась с работы, выписалась, поехала к бабушке и жила там полгода. Потом бабушка решила ехать жить с нами в Ижевске. Я произвел очередную обменную комбинацию, в результате которой все улучшили свои жилищные условия, включая бабушку, поменявшую одиночество на жизнь среди родных.

Так мама стала жить со своей мамой, дочерью Люсей и внуком Павликом, и каждый из них требовал ее внимания и времени. Мама со свойственной ей, похоже, только укрепившейся от перенесенных испытаний энергией организовала жизнь всех так, что каждый, кто нуждался в заботе, ее получал, и все жили одной семьей, мы часто собирались — опять же в основном по маминой инициативе. Бабушка с удовольствием общалась с правнуками, а их обще-

ние с Люсей благотворно влияло на обеих. Мама разработала целую программу для восстановления Люси, основанную на физических упражнениях, включавших бег, а зимой — лыжи, и она не командовала Люсе «Бежать!», а бегала и каталась на лыжах вместе с ней. Вообще, мама организовала на лыжи нас всех, включая внуков и даже меня, и, кстати, я с удовольствием принимал в этом участие и до сих пор вспоминаю это. Все мы в рамках этих мероприятий получили массу удовольствия и радости, не говоря уже о здоровье. Конечно, маме было нелегко, да и бабушка время от времени ворчала и предъявляла претензии, хотя и необоснованные, но все равно устраивающие.

«Действительно, мама нередко сожалела, что уехала из Гагарина, поэтому сердилась на меня (на кого же еще!), возмущалась (выпускала пар), я и понимала ее и жалела, но и тоже не сдерживалась иногда — возмущенно разъясняла, что это было ее решение, что к Наташе и Вите она не захотела ехать, а одна жить не могла».

Наташа и Витя — мамыны сестра и брат. Бабушка не то что прямо не хотела ехать к ним, но, конечно, выбрала ехать к нам, поскольку, во-первых, нас тут больше, бабушка уже тут была, да и ближе.

«Каждый раз, остыв, мама признавалась, что ее устраивает жизнь с нами, особенно она любила Люсю и Павлика. Приступы настроения, депрессии повторялись у мамы нередко (первые два года): страдала она без постоянного внимания многочисленных друзей, заботы о них и помощи, всю жизнь они с папой были шефами! (Она не учитывала, что

близкие друзья уже скончались или уехали к своим детям из-за беспомощности, как-то время от времени забывала об этом — склероз.)»

Я помню некоторые наши с мамой разговоры в такие моменты, мама призывала к пониманию бабушки и снисхождению (хотя я на бабушку, кажется, и не «наезжал»), а также по старой педагогической привычке пугала меня будущим — дескать, вот смотри, я такая же буду, а то и хуже. Сегодня я могу с уверенностью сказать, что угрозы мамы не исполнились: мама никогда не ворчит, никого не ругает и, вообще, всегда доброжелательна и полна благодарности — к нам, к коллегам, к людям вообще, а также деревьям, цветам, помидорам и всему остальному. И это притом что маме уже девяносто, а бабушке было восемьдесят.

Продолжая заботиться о бабушке и Люсе, мама плотно взялась за сына Люси, Павлика. Мама, видимо, боялась, что все семейные перипетии Люси сказались на нем не лучшим образом, что он будет «не очень успешным». Я помню, как мама все время повторяла: «Дотянуть бы его до ПТУ». Для тех, кто не знает, — ПТУ (профессионально-технические училища) готовили рабочих разных специальностей типа токарей, сварщиков и других. Хорошее, в принципе, дело, но в эпоху развитого социализма, как раз бушевавшего в стране в то время, ПТУ считалось отстойником для тех, кто явно был не в состоянии поступить в вуз и после восьмого класса школы (а чего время терять на девятый и десятый) шел в ПТУ для получения рабочей специальности. Так что мамино упование на ПТУ было, видимо, ее оцен-

кой перспектив Павлика. Не знаю, почему она так считала, мне всегда казалось, что Павлик — очень вдумчивый и серьезный парень, сообразительный, так что на ПТУ мог и «не потянуть». Мама занималась им серьезно и последовательно, включая все виды воспитания (профессионал же!), в том числе и изведенные нами в детстве трудовые повинности на огороде, главным апофеозом которых было собирание коровьего навоза на полях и перенос его на участок для удобрения. Действовало, кстати, безотказно — я мало что помню из своего детства вообще, а это, как видите, запомнил. Мама так мне и обещала в детстве: «...еще будешь вспоминать и своим детям рассказывать». И я действительно вспоминаю, но, наверное, не в том ключе, который имела в виду мама. Что касается рассказов детям, то тут она тоже промахнулась. Своим старшим детям, Ане и Максиму, мне это рассказывать не пришлось, они еще застали это время и сами участвовали в этом ритуале. Не знаю, насколько им это понравилось и где им пригодятся приобретенные навыки. Своим же младшим детям, Марку и Павлику (названному тоже в честь отца), я об этом рассказал. По их реакции я понял, что они восприняли мой рассказ как смешной и не очень правдивый.

Мамины усилия по дотаскиванию Павлика до ПТУ с треском провалились: Павлик закончил восемь классов, потом десять классов, потом поступил в университет, закончил его и вскоре защитил кандидатскую диссертацию по психологии. Мамину роль в этих достижениях трудно переоценить, ведь она все эти годы была для него и бабушкой, и учите-

лем, и другом. Да, Павлик был способным с детства, но любые способности надо развивать, и мама в течение многих лет обеспечивала это развитие.

В восемьдесят пятом году умер мамин двоюродный брат и самый близкий друг в течение всей ее молодости — Юра, еще одна большая утрата.

А вскоре умерла и бабушка. До этого она долго лежала — она сломала шейку бедра, поскользнувшись на улице, и уже не вставала. Мы все ухаживали за ней, как могли, особенно мама и Люся. В мои функции входили больше разовые мероприятия — перенести бабушку на другую кровать, пока ей меняют белье, или отпилить длинный толстый ноготь, который уже не поддавался никаким ножницам. Болезнь бабушки еще больше сблизила нас всех, как бы еще раз подчеркнув, что мы все одна семья. Бабушка умерла тихо, во сне. Мама и это событие перенесла стойко, сосредоточившись на своих обязанностях, а не на горе. Хотя я понимаю, что наедине с собой она наверняка отдавалась своим чувствам. Но не помню, чтобы она делилась ими с нами, по крайней мере не со мной. Сейчас, много лет спустя, мама делится с нами всем — своими воспоминаниями, своими чувствами и даже диагнозами, которые ставит себе сама. Как истинный ученый, мама внимательно наблюдает за собой, за своими физическими, психическими и умственными процессами, она рассказывает обо всем нам и записывает все это в отдельный текстовый файл. Когда-то давно я предложил маме вести такие записи, в которых бы она рассказывала о встречаемых проблемах со здоровьем и методах их решения, чтобы мы могли вос-

пользоваться этим, когда придет наше время. Я время от времени заглядываю в этот текст и с каждым разом, во-первых, восторгаюсь маминой скрупулезностью и последовательностью изложения, в том числе и о том, как непоследовательны становятся мысли, а во-вторых, все больше сомневаюсь, что мы сумеем применить мамины способы преодоления проблем. Не знаю, как моим сестрам, но лично мне, как говорилось в известном фильме, «не достался этот ген», и мне за всю жизнь не проявить столько последовательности и упорства, сколько мама демонстрирует ежедневно.

Примерно в то же время умер Айкс — всеми нами любимый пес.

«Какая тяжелая утрата — нас покинул Айкс! 14 лет он был членом нашей семьи! Самым верным! Самым, самым терпеливым! Защитником! Психотерапевтом! Мы брали с него пример — сдержанность, неторопливость, умный взгляд... ВСЕ его любили. А Павлик до последнего часа был его преданной няней. Он же и проводил его в последний путь... Почти 20 лет у меня не было слез — Айкс „подарил“ их на несколько дней...»

Следующей серией маминых испытаний стали разводы детей. Надо сказать, мама не просто была педагогом и психологом, одной из ее специализаций были семейные отношения. Она даже одно время работала в такой семейной консультации. Но одно дело — давать советы посторонним людям, другое — наблюдать, как рушатся семьи собственных детей. Люся развелась давно, то событие было воспринято как необходимое, и, может быть, поэтому его было

легче перенести. Теперь настала очередь Наташи, моей старшей сестры. Мама, конечно, переживала. Мама, как я уже говорил, всегда хотела, чтобы все дружили со всеми на века. Она взяла на себя роль переговорщика, психотерапевта и просто друга, то есть вся нагрузка пришлась на нее. Но конечно, мама не могла — да и вряд ли хотела — повлиять на решение Наташи. Но я помню, как она переживала. Только она успокоилась — пришло новое известие: Наташа с ее новым мужем Димой решили эмигрировать в Израиль. Тогда началась, не помню уже, какая по счету, волна эмиграции. Люди теряли работу, и если они не готовы были заниматься бизнесом, то перспективы их были весьма туманны. Ни Наташа, ни Дима бизнесменами не были, в нашей семье вообще предприимчивых людей не было никогда, до такой степени никто не «тянул» на предпринимателя, что я считался в семье самым крутым бизнесменом, которым я на самом деле никогда не был ввиду отсутствия самых элементарных предпринимательских качеств, таких как чутье, расчетливость, способность к риску и, конечно, нацеленность на результат. Так что можете себе представить, насколько «предприниматели» все остальные члены нашей семьи и каково было им всем в эпоху перестройки. Впрочем, один настоящий бизнесмен, а точнее бизнесвумен, теперь в нашей семье есть — моя дочь Аня. Вот уж кто действительно показал всем, как это делается, продемонстрировав незаурядные смекалку, целеустремленность, работоспособность и предприимчивость. Но это единственное исключение в семье, еще больше оттеняющее неспо-

способность к предпринимательству всех остальных. Так что решение Наташи и Димы было вполне естественным.

Мама уже имела опыт семейной эмиграции, причем в гораздо худшем варианте: ее младшая сестра (тоже Наташа) в свое время влюбилась и решила выйти замуж за Франтишка — гражданина Чехословакии. И это было в то время — начало пятидесятых, когда такой шаг воспринимался не иначе, как измена Родине.

Из писем тети Наташи (1953 г.): *«Аня, все оказалось не так просто, как ты думала. Странное понимание патриотизма. Лишь бы здесь — в этом патриотизм. Даже если и работы нет и ты никак не сумеешь проявить его — все равно и только здесь. Я написала маме, как я это все понимаю. Но их ответ меня очень расстроил и обидел (разве я не считаю, что лучше нашей страны нет ничего? Разве забыла, что образование дала наша страна? Разве забыла, что член партии?)».*

Очень много реву последние дни, но, раз такое дело, я не хочу уезжать в чужую страну с таким благословением родителей. Или они должны все очень хорошо и правильно понять, или я не поеду (хотя я этого почти не представляю)...

Счастье мое окончилось быстро — через день пришло письмо от мамы. Чувствую себя очень плохо... Аня, только не пиши маме, что я обиделась и что мне плохо. Я им этого не пишу. Ничего, как-нибудь переживу и эту трагедию. Зато уверена, что эта последняя... Перечитала письмо: похоже, что я быстренько отступаю? Мне кажется, что

и последнее решение родителей будет «делай, как хочешь». На это я не согласна. Принимать счастье со слезами, быть так обидно понятой очень горько...»

Мамины родители — коммунисты до мозга костей — были в отчаянии, выполняя свой родительский и коммунистический долг, они приложили массу усилий, чтобы убедить тетю Наташу пересмотреть свое решение аргументами вроде «страна нуждается, она дала образование, это нечестно...» и так далее, как будто тетя Наташа собиралась не просто сменить место жительства, а утащить с собой Эрмитаж, «Аврору», а может, и главное достояние страны — политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Сталиным. Но из всех этих достопримечательностей дядя Франтишек (жених тети Наташи) выбрал только ее, поэтому в конце концов все согласились, даже их (тети Наташи и мамы) непримиримая мама, моя бабушка Катя, тем самым обеспечив создание одной из самых счастливых пар в нашей семье. Так что мама отъезд Наташи и Димы восприняла не столь драматично, хотя, конечно, все равно переживала — и предстоящую долгую (а тогда казалось, что, может быть, и вообще навсегда) разлуку, и их неизбежные трудности, рассказывая обо всем этом в письмах к отцу:

«У Наташи с Димой готовы документы на выезд! С этим, родной, сначала невозможно было согласиться (в мыслях — дети взрослые, решают сами; мы с тобой давно на такой позиции), потом как-то по привычке, смирилась, даже убеждала себя — надо же пробовать, искать усло-

вия лучше. Лева с Люсей успокаивают меня: Наташа счастлива, у нее надежный друг — Дима! Но... огромный риск. Поеду к ним как на прощание...»

Я помню, как мы с мамой, попрощавшись с ними, ехали в поезде из Ленинграда в Москву.

Вскоре после этого я также преподнес маме сюрприз в виде моего развода. Впрочем, закаленная к этому времени разводами моих сестер, она пережила это достойно, хотя я понимаю, что это лишь внешне.

«А Лева разошелся со Светой (все навалилось на меня одновременно!). Живет со мной, и Аня с Максимом по очереди — мне легче. Одиночество непереносимо. Как отец, он отлично общается с детьми! Готовлю себя — успокоения не будет у меня до конца дней, поэтому, в отличие от тебя, стараюсь заботиться о здоровье!»

Конечно, она переживала, особенно за наших детей. Но мама не просто переживала, это вообще не ее стиль — сидеть, переживать и плакаться, она приложила массу усилий к тому, чтобы уменьшить неизбежные при этом негативные последствия для детей. Она стала проводить с ними больше времени, нагружая их физическими и умственными заданиями, что, впрочем, она делала всю жизнь со всеми детьми, да и не только детьми. Вообще, мама оказала огромное и, наверное, самое главное влияние на всех своих внуков, а теперь и правнуков, сочетая внимание и любовь бабушки с профессиональным подходом психолога и педагога. С уверенностью могу сказать: никто из нас не приложил к своим детям столько последовательных, творческих — я уже не говорю

о профессиональных — усилий, сколько мама к своим внукам, нашим детям. Чего только она с ними не делала: и ставила спектакли, и разучивала песни, и устраивала соревнования, и организовывала на труд, и читала с ними, и вела обсуждение прочитанного — в общем, все умственное, нравственное и физическое развитие наших детей есть практически только результат общения с ними их бабушки Ани. А мы-то, их родители, с них только все требовали чего-то, отмечали только их недостатки да ругали... Впрочем, что-то это мне напоминает... и дает надежду, что и я когда-то... Но нет, этот период уже наступил, и я уже дедушка четырех внуков, но мне в этом плане до мамы не просто далеко, а не достать вообще. Впрочем, не мне одному, хотя это успокаивает мало.

Вскоре умер дядя Франтишек — муж маминой сестры Наташи, один из самых любимых членов нашей семьи, его любили все, и он любил всех, был очень добрым, остроумным, заботливым. Для мамы его смерть была особенно тяжелым событием — она понимала, насколько тяжело ее любимой сестре Наташе, и, конечно, старалась помочь ей, как могла. Мама поехала к ней и жила там полгода, выполняя роль и терапевта, и психолога, и друга. Основной своей задачей она, конечно, видела поддержку тети Наташи в столь трагический момент, тяжесть которого маме была хорошо известна, и стремилась не дать ей «упасть», что в таких случаях может произойти с любым. Мама писала нам оттуда письма.

«Как мы живем? Идем на цели. Приступили к выполнению важной из них — дополнительным

доходам с помощью работы. Наташа дает уроки русского языка итальянке и американцу. Она прекрасный преподаватель. Я слушала, как она объясняет, какие дает упражнения, — методист с большой буквы! Интересно, с душой, выкладывается!»

Как обычно, мама и там не сидела без дела. Она быстро перезнакомилась с соседями, делала им массаж, а также еще и подрабатывала уроками русского языка, в том числе и с материальными целями, хотела, как она писала нам в письмах, «скопить деньги, во-первых, на обратный путь, во-вторых, на подарки». Не помню, где я в то время работал, но вряд ли было так плохо с деньгами, чтобы я не мог купить маме обратный билет. Просто мама всегда любила независимость, а наличие цели — в данном случае скопить на билет — было просто еще одним стимулом к активному действию. «НАДО», как я уже говорил, всегда было рядом с мамой, принимая различные формы в ситуациях, когда, возможно, боялось быть забытым и отброшенным за ненадобностью. Еще мама, по поручению местной церкви, опекала одну старушку — русскую эмигрантку, ходила к ней через день на два-три часа, вела с ней развлекающие и успокаивающие беседы, читала вслух, рассказывала о России, приносила еду. Одним словом, опекала. Хотя старушка была старше мамы всего на семь лет.

Чем больше проходило времени, тем чаще маме приходилось провожать кого-то в последний путь и сопереживать, поддерживать и помогать их родственникам и близким.

Затесавшаяся среди всех этих проблем и горестей перестройка не смогла повлиять на маму сколь-

нибудь значимым образом. Люди маминого поколения по-разному восприняли это грандиозное событие, но большинство — из тех, кого я знал, — были в основном растеряны, ведь они не были к этому готовы и не знали другой жизни, кроме как в справедливом обществе, где все равны, где разные народы живут в единстве одной семьей, все одинаково бедные и одинаково духовные. Поэтому, когда открылись двери и накопленные единство и духовность поперли из всех щелей, они растерялись. Они смотрели на этот практически бандитский передел под кодовым названием «приватизация», которая, может, и была задумана в более цивилизованной форме, но провалилась, как банкет в книге «Золотой теленок», едва людей подпустили к столу. Наблюдая, как вчерашние дети, еще недавно верные пионеры-ленинцы, оттяпывают у своих родственников, соседей и знакомых последние квадратные метры и ваучеры приватизации, как лучшие друзья «кидают» друг друга со словами «ничего личного», как они внезапно богатеют и от этого становятся еще агрессивнее, а еще вчера счастливые народы «единой дружной семьи» бегут друг от друга без оглядки, люди старшего поколения, конечно, растерялись. Наблюдаемая ими картина никак не вписывалась в их представление об устройстве мира вообще и соседях по социалистическому общежитию в частности. Да что там старшего поколения — я думаю, большинство моих ровесников тоже не преуспели в этой вакханалии бизнеса. Я отлично помню, как я, назначенный мамой главным финансистом нашей семьи ввиду того, что больше некого, обменял все

ваучеры семьи на акции компании под жутким названием «Хопер-Инвест» лишь потому, что мне очень нравились песни в исполнении дуэта «Академия», который рекламировал эту компанию, так что даже ее название меня не отпугнуло. Мы тогда ничего не знали о рекламе и ее гипнотических свойствах и «профукали» свой шанс, даже не поняв, что он был. И так — большинство граждан страны, у которых не было возможности к этому подготовиться. Кто знает, может быть, в этом и был план отцов приватизации.

Все произошло за очень короткий срок. Это не было плановой, многолетней работой по подготовке общества к новой свободной жизни, каковая подготовка была бы вполне естественна и помогла бы избежать множества трагедий, несправедливостей и других катастрофических последствий как для конкретных людей, так и для общества и страны вообще. Но ведь у нас особый путь, нам этих «рассоливаний» не надо. Мы так привыкли — не раздумывая, в секунды броситься в какие-то очень сложные мероприятия, а потом, пожиная печальные плоды, годами рассуждать о том, как на самом деле надо было это делать. Так было уже много раз, и мы каждый раз встречали эти грабли, но все равно упорно не хотим поменять эти две фазы местами. Так было и в этот раз, это был натуральный побег из тюрьмы развитого социализма: раз — и мы там, на свободе. Ну а дальше, как мы знаем из американских фильмов, сбежавшему герою предстоит трудный путь то ли через пустыню, то ли через горы, долгий, трудный путь с подъемами и спусками, травмами и опас-

ностями, а также голодом, когда главный герой делит на несколько маленьких кусочков — по одному на день — предусмотрительно украденную с тюремной кухни буханку хлеба. Этот длинный, трудный путь, являющийся неотъемлемой частью любого побега, в конце концов награждает героя за стремление к свободе и проявленную волю и приводит его к цели в виде пальм и пляжа на далеком острове-курорте или в центре Рио-де-Жанейро с населением в белых штанах. Но мы, конечно, никакого хлеба не захватили, и вообще, мы смотрели другие фильмы, где дурак лежал три года на печи, а потом раз — и в дамки! Поэтому, когда реальность побега стала расходиться с привычным сюжетом, послышались невнятные сначала роптания, постепенно вылившиеся в стройное знакомое: «А в тюрьме сейчас ужин, макароны дают...» И многие захотели броситься в обратный путь, рассказывая друг другу, как там было хорошо. Но ведь ничего не бывает, как было, так что на входе в тюрьму их наверняка встретит табличка «Вход платный».

Одна из примечательных лично для меня особенностей мамы — способность принимать новое. Точнее, даже не способность, а готовность к нему. А еще более точно — независимость от него. Когда началась перестройка, мама была занята. Она продолжала делать свою работу, продолжала заботиться о своей маме, о нас всех и наших детях, соседях, огурцах и помидорах — все, что она делала и всегда. Это выглядело так, как будто происходящие вокруг события, хотя и не остались незамеченными для мамы, все же не представляли для нее такой большой важ-

ности, как ее постоянные дела и заботы. И теперь я понимаю, что так оно и было. Конечно, мама вместе со всеми переносила эти сложности в виде продуктов по талонам и потери вкладов в сбербанке. Но для мамы это все было лишь естественной сменой пейзажа на длинном пути, а сам-то путь продолжался в ту же сторону. И мама со своей способностью во всем находить положительное продолжала идти, как и раньше. У всех у нас на этом пути были сложные времена, и так получилось, что мы с мамой помогали друг другу.

Один из таких сложных для меня моментов случился, когда я развелся. Это само по себе непростое событие, а тут еще пришло осознание, что ты не знаешь, как себя вести с детьми в этой ситуации, у тебя не устроен быт, и надо начинать все сначала. Тут же случились проблемы с работой в виде очередного урока от бизнес-партнеров на тему «ничего личного», что принесло еще одну проблему — жить было практически не на что, и я не знал, где мне работать, чем заняться вообще и чем я завтра буду кормить себя и детей, а тут еще эта перестройка, хотя и без нее тошно. Когда столько проблем накатывается одновременно, начинаешь хвататься то за ту, то за эту, но ни на чем одном не можешь сосредоточиться, поскольку все остальные проблемы тут же начинают вопить о себе, и к этому хору подсоединяется его вечный спутник — «бэк-вокал» со своей партией «что тебя ждет впереди и ждет ли вообще что-нибудь». Да еще возраст — целых тридцать лет! Тогда казалось, что это много, что вот прямо перед тобой твоя старость, а ты не в состоянии к ней подгото-

виться и вот уже скоро встретишься с ней, а у тебя ничего нет — ни багажа, ни прошлого, ни денег на лекарства. И ты чувствуешь себя стоящим перед огромной стеной, перепрыгнуть которую нет никакой возможности. Я ничего не рассказывал маме о своих трудностях, но мама, похоже, все это понимала и без моих признаний. Она ничего со мной не обсуждала и не задавала вопросов, она просто предложила мне пожить у нее (я тогда жил в пустующей квартире одного своего знакомого). Переезд к маме не решил бы никаких моих проблем — не принес бы ни работы, ни денег, ни понимания, что делать и как. Но от самого этого ее предложения мне стало как-то спокойно, возможно, впервые за тот долгий период, и я переехал. И вот тогда я понял, как важно чувствовать поддержку близких. Ты выберешься из любой ситуации сам, если видишь, что тебя не бросают. Так что даже в самые голодные времена тебя спасут не деньги и не буханка хлеба, а поддержка близких, их открытая для тебя дверь. Мама опять оказалась рядом в самый нужный момент и дала именно то, что было надо, — то самое чувство поддержки. И действительно, все постепенно наладилось. И к тому времени, когда помощь потребовалась маме (а такое время наступило практически у всех бюджетников), я уже был в состоянии ей помочь, и я очень рад, что мама мою помощь приняла.

А потом произошла самая страшная после ухода отца трагедия — умерла тетя Наташа. В последние перед этим годы они периодически виделись — тетя Наташа приезжала к нам, и они жили вместе

по несколько месяцев, а однажды они вместе поехали в Израиль к моей сестре Наташе и ее мужу Диме и провели там вместе целый месяц. Они всю жизнь были самыми близкими подругами, а после ухода их мужей, наверное, стали друг для друга единственными по-настоящему родственными душами. И конечно, обе понимали, что со временем и им придется расстаться. Я помню, как однажды после очередного визита в Ижевск тетя Наташа уезжала. Я поехал с ней на поезде до Москвы, чтобы проводить в аэропорт. Поезд тронулся, а мама еще какое-то время шла за вагоном, смотрела на нас, и я понимал, что она думает: «Возможно, в последний раз». Этот раз не был последним. Но последний все же наступил. В тот год тетя Наташа собиралась снова приехать к нам, и мама, как всегда, ждала ее с нетерпением. И вдруг — болезнь, сначала поездку просто отложили. А через некоторое время мне из Праги позвонил Павлик, сын тети Наташи, и сказал об ужасном диагнозе и что надежды нет. Маме о диагнозе я не сказал, просто сказал, что тетя Наташа серьезно заболела, и мама срочно засобиралась к ней, чтобы провести с ней столько времени, сколько понадобится для выздоровления. Но мама не успела. Переживала она очень тяжело, ведь тетя Наташа была не только ее сестрой и самым близким другом, но, кажется, вообще последним родственником того поколения. К этому времени уже умер и брат мамы, Виктор. Мне кажется, что человека, у которого умерли все члены семьи, посещает невероятное, неизвестное до этого чувство глубоко одиночества. Не знаю, насколько наличие детей и внуков облегчает его, наверное, как-

то облегчает, но не снимает. Я с семьей к тому времени уехал в Москву. Хотя Москва не так далеко, и мы часто навещали маму, к тому же в Ижевске оставались моя сестра Люся и ее сын Павлик. Но все это, конечно, лишь небольшая поддержка во времена тяжелых утрат.

Спасла мама, как обычно, себя сама. Она написала о тете Наташе книгу¹. Книга получилась очень хорошая, проникновенная, искренняя. Как обычно — кропотливый, ежедневный труд принес прекрасный результат. Рассказывать о книге нет смысла — лучше просто прочитайте ее, точно не пожалеете.

Вот так мама переносила все свалившиеся на нее испытания — сама, организовывая себя на терпение и необходимое после этого восстановление.

Я хорошо помню, как мама сломала шейку бедра и как она себя восстанавливала. Само по себе событие (мама поскользнулась и упала, перелом, ей было восемьдесят лет) привело маму сначала в некоторое уныние, ведь именно так произошло несколько лет назад и с ее мамой, бабушкой Катей: она сломала шейку бедра и уже не вставала после этого, постепенно угаснув. При этом маму наверняка пугало не угасание, а сама мысль о беспомощности, которая может ее тоже настигнуть в связи с этой травмой. Я в это время был в Ижевске. Вообще, по словам мамы, я всегда оказывался рядом с ней в критические моменты ее жизни после ухода отца. Ну, конечно,

¹ А. М. Горфункель. «Наташа, девочка из Гжатска». Книга издана в 2008 году Удмуртским государственным университетом, электронный вариант есть на нескольких интернет-ресурсах.

не во все, но в некоторые действительно так получалось, я даже иногда думаю, не обратная ли связь тут присутствует... Так вот, взяв себя в руки, мама объявила мне, что только операция и что она обязательно ее выдержит. Вообще, «только операция» — это подход отца, который всегда предпочитал кардинальные меры, мама как раз всегда была сторонником плавного подхода ко всему, без стрессов и потрясений. А тут вдруг такое заявление. Впрочем, и я был уверен, что мама все выдержит и сумеет преодолеть последствия. Мы нашли нормального врача. Просто нормального. Не светило медицинской науки и практики, способное творить чудеса, а просто врача, знающего, как лечить. Со времен перестройки словом «нормальный» уже давно характеризовали не большинство представителей группы, что соответствовало бы первоначальному значению слова, а отвечающих элементарным требованиям группы, каких теперь в любой группе были просто единицы. Найти нормального врача, нормального учителя, нормального электрика или нормального тренера — то есть профессионалов, просто знающих, как делать свою работу, со времен перестройки стало такой же проблемой, как найти их на необитаемом острове. Хотя, возможно, там их сейчас и надо искать... Так вот, мы все-таки еще нашли нормального врача в Ижевске, маме сделали операцию. «НАДО», как обычно, находилось на своем посту, не давало маме расслабиться и помогало справляться с этими очередными трудностями. Хотя, вполне возможно, подуставшее за долгие годы, оно теперь уже и само подпитывалось энергией от, напротив, закалившей-

ся за это время мамы. В любом случае мама уверенно двигалась вперед. После выписки из больницы, получив наставления врача, мама со свойственной ей скрупулезностью и последовательностью принялась восстанавливаться. И восстановилась. Не то чтобы от перелома не осталось и следа, так не бывает, но, в отличие от большинства аналогичных случаев с ее сверстниками, мама не только не снизила свою подвижность, но и, напротив, мне кажется, даже увеличила ее в качестве части спланированной программы по восстановлению после операции. План — усилия — результат, план — усилия — результат, план — усилия — результат... Так было всегда. Так продолжается и теперь.

Мама продолжает каждый год планировать свою жизнь. Зимой — весной укрепиться, чтобы лето провести в саду, раз в неделю возвращаться в город, по субботам — скайп с нами, детьми, по каким-то дням — с некоторыми внуками. С некоторыми — потому что не все они с готовностью сидят у компьютеров в ожидании бабушкиного звонка. Они заняты — они пока уверены — очень важными делами, поэтому не всегда удается найти время для кажущегося — опять же пока — не очень важным занятия поговорить с бабушкой. Но мама терпелива, она же профессионал. Она «вылавливает» их по электронной почте, договаривается на определенные дни, когда-то у них не получается, они извиняются. Но мама не обижается, а просто продолжает и все равно добивается своего. Они когда-то это оценят, когда-то поймут, что не так много вокруг людей, простой разговор с которыми приносит больше

содержания в твою жизнь, чем, возможно, все остальное, все твои бизнесы, конкурсы и даже победы. Хотя они тоже наверняка нужны — может быть, как раз для того, чтобы это понять. Я, например, уже давно это понял и всегда с нетерпением жду субботу, когда мы опять соберемся в скайпе — мама, мои сестры и я, такая вот у нас бывает «сессия старшего поколения», туда не допускаются внуки и правнуки, хотя многим из них уже под сорок, молоды еще, для них у бабушки есть отдельная секция. Мы обсуждаем совершенно разные темы, которые в основном задает мама, они выписаны у нее на листочке, и в ходе разговора она сверяет его направление с подготовленным планом, все, как раньше, — подготовка, тезисы, лекция. Беседы наши с годами не только не становятся короче, они становятся дольше! Наверное, мы все стремимся наговориться, наверстать упущенное...

Все продолжается

И сегодня мама продолжает жить той же жизнью, насыщенной и раздумьями, и действиями. Мама никогда не проходит мимо того, что ее волнует, а волнует ее все, вплоть до политики, что меня лично крайне удивило: раньше я в ней таких пристрастий не замечал, так что мама, ко всему прочему, еще и расширяет круг своих интересов. Причем, в отличие от многих, мама если критикует что-то, то стремится не только придумать, как это может быть улучшено, а сама первая же и начинает — с себя. Да, выглядит все так, что на ней список начавших такое конкретное улучшение и заканчивается, но, во-первых, во всяком деле самый важный шаг — первый, а во-вторых, может, продолжения пока просто не видно. Впрочем, иногда видно. Например, в одно время мама озаботилась тем, что многие жильцы ее дома, в основном мужчины и дети, не здороваются, об этом ей говорили и женщины-консьержки. Тогда мама стала сама здороваться и разговаривать с такими «молчунами». Как обычно, мама проявила упорство и «воспитывала» их таким образом длительное время, и результат не заставил себя ждать — общая

культура общения у жильцов дома повысилась, хотя и не все еще «поддались». Но ведь и мама еще не закончила.

Несмотря на становящийся все более почтенным возраст, мама продолжает поддерживать отношения с университетом, бывшими коллегами и учениками, а также все шире развивать свое общение с другими окружающими ее людьми — соседями по дому и огороду, продавцами в ближайшем магазине, попутчиками в загородном автобусе. Она всегда для всех найдет интересную тему общения, вовлечет в беседу и даст наглядно увидеть, что общение может приносить радость, даже если это общение с совершенно незнакомым человеком. Мама продолжает ходить на мероприятия университета, собирающие его пенсионеров и ветеранов. С каждым годом маминых ровесников, людей ее поколения, приходит все меньше. Все чаще они уходят, и среди них очень близкие маме люди, в основном коллеги, с которыми прошла большая часть ее профессионального пути. Конечно, возраст берет свое, и не все они способны, как мама, не то чтобы противостоять ему, но как-то ужиться с ним в гармонии и суметь сохранить свое пространство. Кому-то просто здоровье не позволяет вести активную жизнь, а кто-то не очень и борется за это, не так это просто. Мама помогает всем. Она уговаривает их родственников проявить больше внимания, советует, как избежать болей, находит в интернете и делится какой-то важной информацией, помогает сосредоточиться на какой-то, пусть и незначительной, деятельности. Кому-то, кто уже не может читать, мама читает

книжку по телефону и так далее и так далее. Мама все дальше уходит от профессии, и все больше места в ее деятельности занимает помощь другим людям как основная цель, для которой важность и полезность маминой профессиональной подготовки и опыта, конечно, трудно переоценить. А может, это и есть самое лучшее приложение психологии, и мама просто всю жизнь к нему готовилась. Оценивая и анализируя свою сегодняшнюю жизнь (а мама, как истинный ученый, продолжает размышлять и анализировать все происходящее, в первую очередь себя), она написала: **«Сама убедилась теперь — бывшей профессии у человека не бывает, тем более если он психолог и педагог. Это образ жизни».**

И в полном соответствии со своим постоянством в выполнении однажды принятых решений мама вот уже больше тридцати лет продолжает фиксировать свои воспоминания о прошедших годах, записывает и анализирует свою сегодняшнюю жизнь. И на мой взгляд, получается замечательный учебник для всех, кто захочет жить активной жизнью в любом возрасте, — о том, что человек всегда может найти себе применение и не просто занять себя, а приносить реальную пользу и помощь другим людям, о том, что помощь другим — это лучшее применение себя в этой жизни, и о том, что такое применение — это лучший способ сохранить активность в самом почтенном возрасте! Не знаю, соберется ли мама когда-нибудь изложить это в виде учебника-пособия, но я могу прямо сейчас привести просто часть (очень маленькую часть!) ее записей о том, что она делает и за чем наблюдает. Вы только обратите вни-

мание — сколько разных направлений общественно полезной деятельности присутствует в маминой сегодняшней жизни.

«Поднимаю настроение (так говорят мне по телефону друзья, бывшие коллеги, даже родные): после выслушивания жалоб на недуги... предлагаю вспомнить сегодняшние и прошлые радости (от трех до семи находим вместе), договариваемся искать еще и оживлять их ночью, когда особенно тяжело. Или привожу примеры о стариках, которым значительно труднее из-за болезней и жилищно-семейных условий.

Одобрю (или критикую) работу продавцов (культура общения, консультирование покупателей, особенно пожилых, о сроке годности продуктов, их составе...).

В день Победы ходили с Люсей в центр (к Вечному огню, на Центральную площадь, к музею, к скверу с эстрадной сценой), я надела свои регалии — почти на каждом шагу поздравления, благодарности от всех возрастов, особенно детей! Просили фотографироваться со мной, много цветов преподнесли. Я, конечно, — пожелания каждому. Согласна с мудрыми людьми: мы (пожилые люди) — воспитатели (наглядные, ненавязчивые) новых поколений.

Всю зиму, почти ежедневно, хожу по стадиону (два километра), теперь только с лыжными палками. Кстати, многие обращают внимание: «молодец, бабушка», «надо маме посоветовать...».

Желаю здоровья таким же ветеранам, обмениваемся опытом оздоровления, проблемами в жизни

старых людей, становимся «знакомыми», при встречах — общаемся, и я вижу, что они предпочитают мой образ жизни. Радуюсь.

Еженедельно, общаясь с моими постоянными «телефонодрузьями» (их пять — уже не видят, не читают, не ходят), информирую о новостях (по телевидению) в интересных для нас проблемах (советы академиков по здоровью, о жизни замечательных людей прошлого и настоящего, о научных открытиях, о музыке, балете, конечно, о состоянии народного образования).

Общение с чиновниками, учусь и учу презентовать себя — представляюсь, что я ветеран войны, выполняю обращение президента — занимать активную позицию в решении проблем, не стесняться обращаться с просьбой, защищать свои интересы и «оценивать» работу чиновников (одобрить или сделать замечание...). В результате и сама «победила»: к пенсии пришла «добавка» от собеса и от ЖКХ (компенсация за недоплату льгот в 2010 г.).

Весна — время укреплять здоровье травами, время напоминаний о силе одуванчика: в салаты, в супы, в чай, в мед! И конечно, для удобрения грядок (настои). За неделю уже пятерым сказала, чтобы не прозевали, посоветовали, напомнили молодым. Благодарили.

Еще неделю рассказывала и незнакомым во время поездки в сад на автобусе (едем пятнадцать — двадцать минут) — очень внимательно слушают, переспрашивают и даже говорят «возьмемся». Короче, не один десяток людей изменили

свое отношение к нашим помощникам-одуванчикам. И мы с Люсей весь май их использовали ежедневно.

В парикмахерской об одуванчиках все слушали (пять человек), задавали вопросы (как и почему), жалели, что уже пропустили сезон цветения, записали, решили сделать настойку из корней (в августе), благодарили.

О создании родословной¹: рассказываю об увлечении этой деятельностью, о ее пользе для нас, тем более для будущих поколений... Уже семь человек заинтересовались, начали.

Если встречаю хмурое, чрезмерно озабоченное лицо, желаю здоровья. А в ответ, как правило, встречаю улыбку и тоже пожелание. Удивление — редкое исключение.

Прошу помочь мне (продеть руку в ляжку рюкзака) проходящего по улице или в магазине мужчину, мальчиков, тем более затеявших между собой ссору, драку. И радуюсь, что я переключила их на внимание к старшему поколению. Всегда благодарю эмоционально!

Помогаю молодым мамам: капризничает ребенок, она раздражается, не получается, я вмешаюсь, например: «Какой у тебя интересный зайчик! Как его зовут? Кто тебе его подарил? Какую песенку ты знаешь про него?» (даже могу пропеть). Переключение и ребенка, и мамы к успокоению,

¹ Мама ведет родословную — записывает воспоминания о наших родственниках, людях, близких к нашей семье, повлиявших на жизнь родителей и нашу

к эмоциональной паузе. Все втроем расстаемся, улыбаясь друг другу.

А соседи по дому — мужчины — не только реже забывают приветствовать, но и открывают дверь, предлагают помощь (например, поднести по лестнице сумку-коляску), заговаривают. И на улице часто встречаю сочувствие — это приятно!

Проводили соседку (онкология), одинокая, родственников только ее квартира интересует — давно не появлялись. Молодцы женщины нашего дома — помогли, а я разузнавала насчет социальной помощи. Весь день была на телефоне, а результат — в таких случаях не посылают социального работника?! Спасла церковь — прислали сиделку! А потом помогли при похоронах!

Радуюсь: в нашем доме и дети стали чаще приветствовать стариков! А мне часто открывают дверь консьержи, соседи помогают поднимать сумку-коляску, хотя мне пока этого не требуется, но благодарю, конечно, — внимание приятно!

Морозные солнечные дни! Гуляя по стадиону, советую старым людям ходить максимально на солнечной стороне, подставлять лицо! Ни один не пренебрег, наоборот — улыбнутся, а некоторые благодарят за напоминание.

Приятельницам приходится напоминать о режимности в питании (соответствие образа жизни природе тела все важнее!), об изменении атмосферного давления (оно — все более сильная причина ухудшения здоровья, кризов, аритмии).

Марии Ивановне (прабабушке Максима-младшего¹) регулярно напоминаю: говорить вслух, улыбаться, петь (у нее инсульт), речь стала понятнее!

По ТВ показали юношу, теряющего руку, а может быть и жизнь, из-за растущей опухоли из-за травмы в детстве (прекрасно танцевал, побеждал в конкурсах!), и сообщили, куда можно послать СМС за 75 руб. Мы с Люсей откликнулись. Приятно, когда тебе доступна благотворительность! Вспоминаю, как мы с мамой послали деньги на памятник Твардовскому — нашему земляку — в Смоленске.

Хожу финским шагом по 1–2 км. Некоторые просят объяснить его преимущества. Другие — хотят следовать. Третьи — уже ходят.

Убеждаю молодых пенсионеров приучать себя к физкультуре ежедневно! Не тянуть, не ждать, когда придет желание (им приятно перейти на мотив «ХОЧУ»). Еще не понимают, что главный труд — заниматься собой и до конца что-то преодолевать.

Оказывается, меня ждут в парикмахерской (я хожу один раз в три месяца): «Вы всегда интересное рассказываете, и настроение хорошее...»

Мой «проект» (громко сказано, но успеть отметить, пока не раздумала, пока есть силы и желание!) о семье — ее роли (от личной до государственной), ее условиях, главное — о климате. Поэтому начала изучать литературу о новых исследованиях, беседы и консультации уже веду. Подготовила

¹ Мамин правнук, мой старший внук.

вопросы для занятия со студентами по семейной педагогике и психологии (по книге Левы!).

Дарю всем наши девизы: неумоимо искать плюсы, из минусов делать плюсы, из ничего делать конфетку, помнить о законе бумеранга.

В конце года ожидается открытие музея УдГУ¹ в новом здании! Хочу, чтобы занял достойное место наш ИППСТ, поэтому напоминаю, настраиваю работников на подготовку и наведение порядка в экспозициях, а ветеранов — на подготовку дополнительных материалов — своих воспоминаний... В музей я водила и наших родных.

Три направления моих интересов и деятельности (хоть по капельке): музей — лаборатория — проблемы семьи. Радуюсь, что последнее все больше обсуждается властями начиная с президента, обсуждается на ТВ, мол, семья — клеточка государства, его развитие, прогресс. Успех — корнями в семье! Наконец-то! Экономика и политика — второе. Мечтаю, чтобы наш институт возглавил это направление — в УдГУ, в Ижевске, в Удмуртии! А я — стимулировать и изучать современную литературу.

Благотворительностью занимаюсь постоянно: прошу Люсю и Варю ненужные вещи приносить мне, а я — нуждающимся: соседям, их знакомым в деревню, угощаю сладостями консержек, старушек. Даю мелочь, особенно у церкви. Послала деньги для жителей Дальнего Востока (ужасное половодье в этом году!).

¹ Удмуртский государственный университет.

Октябрь — начало сезона финского шага на стадионе и моих консультаций (разъяснений) о его правилах и пользе. Удивляются, что в таком простом шаге так много плюсов! Каждый день эти просьбы и благодарности. Одна женщина (69 лет) уже присоединилась.

Встретилась со старшей по дому — предложила поднимать культуру чистоты на площадках некоторых этажей. Она одобрила, и вот уже на некоторых — косметический ремонт!

Мой магазин «Магнит» — самый близкий и самый дешевый, а по понедельникам еще и скидка на многие товары десять процентов. Хожу в него один — два раза в неделю, поэтому уже с продавцами как со знакомыми. Почти каждый раз я задаю вопрос — то не найду срок изготовления, то не знаю, что за продукт, то спрашиваю, какой лучше и чем. ВСЕГДА объясняют понятно, терпеливо. Пока я выбираю, кто-то из них присматривает за моей сумкой-коляской. В таких случаях мне хочется отблагодарить — написала в их книгу благодарности. Подарила в магазин цветок (высота два метра!) — растет. А на днях предложила, кажется, заведующей залом принести отростки «цветка от Христа» из Израиля — она радостно согласилась (кстати, у нее четверо детей!).

А сегодня День рукопожатий! Сто восемьдесят стран ценят его. Я тоже за, тоже пожму руку десяти жителям нашего города и дома! С удовольствием.

Поздравляем друг друга с Новым годом даже на стадионе. И по телефону до сих пор говорят,

что я заряжаю энергией, даже просто голосом, а еще и содержанием, прибавляю опыт для жизни! Предложила собирать отходы в доме (полиэтиленовые мешочки, бутылки, батарейки) и в мусорную машину (отдельно) — хоть бы получилось! Все чаще слышу: «Вы — пример для всех: и старых, и молодых».

Еще мама посвятила много времени и сил оказанию помощи своим ближайшим коллегам — Бориславе Петровне и Эсфирь Абрамовне. Обе они, тоже уже будучи в возрасте, испытывали все сложности старости — болезни, малая подвижность, плохое зрение и в связи с этим уменьшение общей активности, «угасание», сосредоточение на проблемах и болях. В течение нескольких лет мама неустанно общалась с ними, буквально заставляя проявлять активность и упорство, склоняя их к деятельности, которая могла бы и принести радующие результаты, и отвлечь от проблем самим процессом. И когда старость и болезни все же одолели их (а в конце концов этого не избежит никто), мама была рядом до последнего момента, беседуя с ними по телефону, рассказывая им новости, читая им книги и вспоминая вместе с ними моменты их совместной деятельности, сделав их последние дни немного светлее...

Это лишь очень маленькая часть записей о том, как проходит мамина жизнь сегодня. Действительно, пример для всех. Вы только посмотрите, сколько людей охвачены маминой заботой и вниманием, как будто и не она вовсе самый среди них пожилой человек. И сколько замечательных и интересных дел она делает. Мне лично они нравятся все, но больше всего

меня впечатляют моменты, когда мама «задевает» в людях и заставляет их проявлять лучшие их качества — доброту, внимание к другим, готовность помочь. Ведь только в момент проявления этих качеств человек и может оценить их благотворное влияние, в первую очередь на него самого. И захотеть проделать это снова и снова. И понять, что быть добрым гораздо лучше, чем быть злым. И что это так просто.

«ХОЧУ» и «НАДО»: кто кого?

А как же вечный мамин спутник «НАДО»? Где же он теперь и не отошел ли за ненадобностью на задние позиции, уступив место, например, вполне заслуженному «ХОЧУ»? Ведь, казалось бы, самое время расслабиться, вспомнить наконец о своих мечтах и планах, которые приходилось откладывать и приносить в жертву необходимости все предыдущие годы. В конце концов, просто насладиться возможностью никуда не стремиться, быть зрителем и воспринимать все окружающее с полным согласием и гармонией. И понять, что ничего менять не надо, ведь ты — часть этого мира, и лучшее, что ты можешь сделать, — принять и полюбить его таким, какой он есть, а вместе с ним все его трудности и радости, природу и всех людей, а?

Вот тут, мне кажется, и кроется, так сказать, коварство вечного помощника. Помогая маме в самые трудные моменты ее жизни, не давая сдать-ся в самых сложных обстоятельствах, являясь ежедневной опорой на протяжении долгих лет, этот

помощник не только занял свое прочное место в маминой жизни, но и полностью, что называется, «зачистил пространство», выдавив из него любые альтернативы себе, в том числе — и в первую очередь — это самое «ХОЧУ».

Читая мамины записи и слушая ее рассказы о разных периодах жизни, я ни разу не встретил ситуации, в которой бы это «ХОЧУ» выступило в роли основного мотива. Никогда. Всегда только «НАДО». Нет, конечно, были в маминой жизни моменты, когда она просто наслаждалась. Например, музыкой. Музыка и танцы — вообще мамина любовь всю жизнь, она даже когда-то в детстве занималась и тем, и тем. Но потом война все поменяла, а потом вообще вся жизнь — работа, семья, дети, прочитать лекцию, накормить, вылечить. Музыка и танцы остались неосуществленной любовью, которая — как и положено любви — никуда не исчезла и иногда напоминала о себе, принося передышку, покой, отдохновение... Но это были редкие, очень редкие моменты. Наверное, были и другие, но все равно — моменты. И это не моменты, в которые «ХОЧУ» побеждало, а моменты, в которые «НАДО» намеренно уступало, ненадолго отойдя в сторону, давая выпустить пар, но не теряя своего контроля ни на минуту. Так мне кажется. И кажется, что оно держит маму до сих пор. Держит в обоих смыслах — поддерживает, не давая упасть, и держит, не давая расслабиться. Так, например, оно толкает маму «работать над Люсей», которая, на взгляд мамы, не преуспела в освоении методов решения проблем и задач, в связи с чем у нее проблем всегда много. Согласен, это так. Но основ-

ная причина заключается в том, что Люся просто недостаточно концентрируется на своих проблемах, что, на мой взгляд, является гораздо бóльшим преимуществом, чем умение их решать. Эта Люсяна особенность и не дает маме достичь желаемого результата, что расстраивает их обеих. Однажды я решил сказать об этом маме и убедить ее оставить эти занятия, предоставив Люсе возможность поступать, как ей хочется, пусть и неэффективно с точки зрения решения задач, — так ли уж эта эффективность важна? Зато можно будет расслабиться и посвятить совместное время более приятным для них обеих занятиям. Я даже привел маме такой аргумент: случись у нас всех какая-нибудь неразрешимая проблема, мы будем расстраиваться от невозможности ее решить, что лишит нас радости жизни, в то время как Люся ее просто не заметит или научится с ней жить, как она научилась со многими своими проблемами. К моему удивлению, оказалось, что мама думает точно так же! Но иногда не может остановить себя, видя, как Люся «растрчивает время» ввиду своей неорганизованности. И она берется за ее «воспитание», хотя Люсе — на минуточку — уже седьмой десяток. Это «НАДО». Это оно сейчас, как и всю мамину жизнь, подталкивает ее к действиям, не давая оставить все, как есть. Ведь оно, «НАДО», всегда так поступало. Но мама тоже это понимает, так что, на мой взгляд, сейчас идет отчаянная борьба между ней и ее вечным спутником и помощником, двоякая борьба за освобождение. И здесь у меня для «НАДО» плохая новость — ему сложно рассчитывать на безоговорочную победу, ведь его соперник знает,

как добиваться поставленной цели, когда надо. Такая вот сложная жизненная рекурсия. И я вижу, как это безоговорочное «НАДО» начинает иногда проигрывать. Шаг за шагом мама учится отодвигать его, и в эти моменты — я их вижу — она расслабляется, она становится зрителем. Конечно, ненадолго и уж точно не навсегда. Но когда-то, когда мама, как она сама говорит, «улетит к папе», это произойдет, и отыгравшее свою роль «НАДО» отцепится — ведь туда ему входа нет.

Пока есть мама

В один из своих приездов я все же показал маме, как я делаю йогу. Я очень старался — видимо, хотел показать, что я в порядке и нет причин за меня волноваться. В тот период со мной случались всякие события, шатавшие меня из стороны в сторону и лишавшие равновесия, а некоторые из них вообще перевернули с ног на голову — или наоборот — казавшиеся неизбежными представления, типа как устроен мир, что такое в нем люди и, вообще, ты — то сам кто и нужен ли ты кому-нибудь. Такие вопросы лезут человеку в голову не в лучшие его времена, хотя потом он, возможно, решит, что это и были лучшие. Но тогда это «потом» еще не наступило, и на протяжении очень длительного периода моими постоянными спутниками были страхи, волнения, разочарования и прочие неприятности, с которыми, если ты им дал разрастись (а я дал), очень трудно справиться, и каждый день они загоняют тебя все глубже и глубже в какую-то яму, из которой — так, по крайней мере, в этот период кажется — нет никакого выхода, потому что ты не можешь отменить событий, вызвавших это отчаяние. При этом собы-

тия эти, возможно, произошли очень давно и давно бы уже не то что забылись, но слегка бы стерлись и не казались бы такими ужасными (в конце концов, люди и к боли постепенно привыкают), но ты ежедневно, как по расписанию, восстанавливаешь их в памяти и «обсасываешь», как куриную косточку, все эти подробности снова и снова, мучая себя и не в силах сделать так необходимую в этот момент паузу. Твой день начинается — причем не утром, а еще ночью — со страха, волнения и отчаяния, и эта дружная тройца не отпускает тебя ни на минуту, день за днем, месяц за месяцем. Жизнь не просто перестает тебя радовать, она превращается в одно сплошное страдание, которому не видно конца. При этом ты умом понимаешь, что надо просто вообще прекратить обо всем этом думать, но ты не можешь, как под тем гипнозом, ты все соображаешь, но выполняешь желания гипнотизера, принимая их за свои и погружаясь все глубже в эту яму... Я даже не хочу догадываться, кто в данном случае был этот гипнотизер... Не буду сейчас подробно об этом рассказывать, эта книга не про меня, может быть, в другой раз. Я просто хотел пояснить, в каком состоянии я был к тому моменту, когда решил показать маме, как я делаю йогу. В тот раз я поехал в Ижевск по настоянию моей жены Ирины, которая приложила немало сил, чтобы вывести меня из этого штопора, но, видимо, решила, что без внешних сил не обойтись и что надо каким-то образом заставить меня хоть что-то делать, куда-то пойти или поехать, хотя бы заставить меня выйти из дома, чего я не делал целыми днями, а может и неделями. Она

придумала для меня приманку в виде встречи с моими друзьями, которых, она знала, я всегда рад видеть. Наша дружба продолжается очень много лет, и нам всегда радостны наши встречи, а уж мне из моего далека — тем более. Ирина просто умоляла меня поехать в Ижевск, встретиться с ними, посидеть, выпить. Где вы еще увидите, чтобы жена толкала мужа поехать через полземли на выпивку с друзьями? Так что я поехал в Ижевск и остановился, как обычно, у мамы. Я ничего не рассказывал маме о своих проблемах, но понимал, что она все чувствует, она же мама. К тому же она несколько раз пыталась задать мне наводящие вопросы, а я гордо все отрицал. И вот, видимо, для подкрепления этих отрицаний я решил показать маме, как я делаю йогу. Видать, надеялся убедить маму, что у человека, умеющего принять позу верблюда, в принципе не может быть неприятностей. Я начал с самых простых, разогревающих поз, контролируя, даже больше обычного, и дыхание, и движения. Я переходил от одной позы к другой, следя и за плавностью перехода тоже, — все должно быть выполнено идеально и убедительно. Я так на этом сосредоточился, что совершенно забыл о сидящей тут же маме. Я вообще уплыл в какой-то астрал и проделал весь свой комплекс на автомате, и, только закончив, я пришел в себя и вспомнил, что тут мама. Но я чувствовал, что еще что-то «теребит» меня, какая-то еще другая мысль пытается до меня достучаться. Я пытался ее поймать и вдруг понял, что это: я был спокоен, я был в каком-то блаженном равновесии, которого я не испытывал уже длительное время, это было

какое-то абсолютное спокойствие, внезапно сменившее длительные душевные боли, как будто опять вскрыли тот, из детства, ужасный фурункул. Все страхи и волнения, бывшие в тот период моими постоянными спутниками, вдруг исчезли, как у ребенка, которого взяли на руки. Я внезапно почувствовал себя спокойным, спокойным по-настоящему, так, как я не был спокоен уже длительное время. Я чувствовал, что что-то изменилось, это был свет, и не свет в конце тоннеля, а вообще свет, свет вокруг меня, и тишина, и спокойствие.

Я понял, что мои мучения кончились, что наступил тот момент, которого я так долго ждал, зачастую уже и не веря, что он придет. Я сидел и боялся даже пошевелиться, я даже боялся дышать, я готов был сидеть так сколько угодно, лишь бы это спокойствие продолжалось, продолжалось как можно дольше.

Я ничего не сказал маме. Чему-чему, а вот этому мы в детстве не научились. Не научились откровенно говорить о своих слабостях, о своих желаниях, кроме желания победы социализма во всем мире, о своих чувствах. Мы не научились говорить «люблю». Я ничего не сказал маме, я просто сел и решил написать ей об этом. Написать: «Спасибо тебе, мама, ты в очередной раз спасла меня, ты помогла мне в самый мой трудный момент. Я люблю тебя, мама». Вот это я и хотел написать, больше ничего. Но даже написать это вот так, прямо, оказалось для меня делом непростым, так что я начал издали: «Мне 56 лет, я давно уже живу далеко от мамы...»

Я рад, что получилась эта книга. В первую очередь потому, что теперь, завершая ее, я спокойно

могу это сказать: «Я люблю тебя, мама. Спасибо тебе за все. За жизнь, которую ты мне дала, за то, что делала и делаешь все, чтобы моя жизнь была счастливой, за то, что спасала меня в самые трудные моменты».

И я хочу, чтобы мама жила как можно дольше. Ведь пока у тебя есть мама, ты — хотя бы немного — маленький ребенок. А значит, не все еще потеряно.

Мельбурн — Алма-Ата, 2017

Михаил Витал, родной отец мамы

На Дальнем Востоке. Мама — слева вверху

Родители мамы — Е. В. Виноградова и А. С. Орлов

Студентка

Отец и мама в начале совместного пути

Семья. 1962 г. В центре — бабушка Ева

Преподаватель университета...

Лектор...

Жена...

...сестра

...и бабушка. Воспитание внуков
самодеятельностью...

...и трудом

Очень редкий момент...

И снова «в бой». Очередной «объект» —
правнук Карим

Оглавление

Предисловие	3
Детство	15
Война	29
Ленинград — город, определивший судьбу	39
Сыктывкар. Первые шаги, и не только в профессии	53
Ижевск — город, ставший домом	66
Аспирантура	76
Небольшое отступление об образовании	78
Аспирантура. Продолжение	87
Семья	91
Научная работа	105
Чтение мыслей на пути в Горбок	116
Гипнотический опыт	119
Докторская, похороненная в мавзолее	124
Самые тяжелые испытания	128
Все продолжается	162
«ХОЧУ» и «НАДО»: кто кого?	174
Пока есть мама	178

Лев Горфункель

Серая мышка, которая всего боялась